

Пюхтицкий Успенский
ставропигиальный женский монастырь

Одиннадцатые Пюхтицкие чтения

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

*Материалы международной
научно-практической конференции
11-12 декабря 2023 г.*

XI
ММХХІІІ

Пюхтицкий Успенский
ставропигиальный женский монастырь

Одиннадцатые Пюхтицкие чтения

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

*Материалы международной
научно-практической конференции
11-12 декабря 2023 г.*

Куремяэ, Эстония
2023

По благословению Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

*Посвящается памяти
схиигумении Варвары (Трофимовой) 1930-2011 гг.*

*При поддержке Екатеринодарской духовной семинарии (г. Краснодар,
Россия).*

Председатель оргкомитета – игумения ФИЛАРЕТА (Калачева).

*Научные кураторы – монахиня Сергия (Комиссарова), д.п.н. проф.,
А.А. Остапенко, д.п.н. проф.*

Сохранение традиций православной культуры в современных реалиях. Материалы международной научно-практической конференции (11-12 декабря 2023 г. Пюхтицкий Успенский монастырь). – Куремяэ, Эстония, 2023. – 192 с.

Сборник содержит материалы XI международной конференции Пюхтицкие чтения: «Сохранение традиций православной культуры в современных реалиях». В статье представлен обзор мнений ведущих учёных, психологов, педагогов, практиков о путях сохранения и приумножения традиций православной культуры в современных условиях стремительно секуляризирующегося мира. Материалы сборника адресованы в первую очередь педагогам вузов и учителям общеобразовательных и воскресных школ, занимающихся преподаванием теологических дисциплин и основ православной культуры.

ISBN 978-9916-9958-1-5

© Пюхтицкий Успенский
ставропигиальный женский монастырь, 2023
© Екатеринодарская духовная семинария, 2023

СХИИГУМЕНΙΑ ПЮХТИЦКОГО УСПЕНСКОГО
СТАВРОПИГИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
ВАРВАРА (ТРОФИМОВА)
1930-2011

**КАНЦЕЛЯРИЯ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ**

115191, Москва, ул. Даниловский вал, д. 22
Тел.: (499) 578-03-44
Факс: (499) 578-03-42

№ ПН-01/652

« 31 » 05 2023 г.

**Игумении ФИЛАРЕТЕ (Калачевой),
настоятельнице Пюхтицкого Успенского
ставропигиального женского монастыря**

Копии: Высокопреосвященнейшему ЕВГЕНИЮ, митрополиту Таллинскому и всея
Эстонии,
Высокопреосвященнейшему ФЕОГНОСТУ, митрополиту Каширскому,
председателю Синодального отдела по монастырям и монашеству

Досточтимая матушка игумения!

Настоящим сообщаем Вам резолюцию Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси КИРИЛЛА, положенную на Вашем рапорте № 12 от 06.04.2023г.
относительно проведения Одиннадцатых Пюхтицких чтений на тему
«Сохранение традиций православия в современных реалиях» в декабре с.г.:

«30.V.2023г. игумении Филарете:

Проведение Одиннадцатых Пюхтицких чтений в Пюхтицком Успенском
ставропигиальном женском монастыре благословляется.

Преосвященному митрополиту Евгению:

Прошу Вас возглавить 11-е Пюхтицкие чтения в Пюхтицком Успенском
ставропигиальном женском монастыре в декабре 2023 года».

**Канцелярия
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси**

Патриарх Московский и всея Руси КИРИЛЛ

Игуменья Филарета (Калачёва)
(Пюхтицкий монастырь, Эстония)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЛЕТОПИСИ ПЮХТИЦКОГО МОНАСТЫРЯ Т. I (1888-1909)

В этом году завершена подготовка к изданию I тома (1888-1909 гг.) Летописи Пюхтицкого Успенского женского монастыря. Публикуемая ниже информация настоятельницы Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря игуменнии Филареты (Калачёвой) является предисловием к этой книге, а в данном сборнике представляет собой по существу анонс к ней. Летопись показывает, как пишет матушка игуменья в Предисловии, две реальности, которые встречаются в истории Пюхтицкого монастыря: «реальность небесная, словно бы написанная на Небесах немеркнущими письменах, и реальность земная, запечатленная точными датами и действительными событиями». Материал, изложенный в статье, позволяет читателю ознакомиться со структурой и основными разделами Летописи периода конца XIX начала XX века.

Летопись Святой Горы

1.

Перед тобой, читатель, летопись, год за годом отражающая неспешное течение жизни Пюхтицкого Успенского женского монастыря и повествующая, что предшествовало его возникновению, как он появился на

Святой Горе, какими памятными событиями отмечено его существование. Надо заметить, что мы очень многого не знали бы о том, как складывались государства, возникали города и основывались монастыри, если бы не летопись. Она – своего рода окно, глядя в которое, мы словно бы воочию видим былое; бесценный клад разнообразных сведений о событиях, нравах и людях минувших эпох; свидетельство добрых дел и злодеяний, великого милосердия и зловещей жестокости, тишины мирных лет и грома лет военных – словом, всего того, чем с незапамятных времен полна человеческая жизнь.

У всякого монастыря – своя история. У Пюхтицкой обители она как бы состоит из двух частей, одна из которых запечатлена точными датами и действительными событиями, а другая, полускрытая от нас минувшими столетиями, словно бы написана на Небесах немеркнущими письменами. Две реальности встречаются в истории Пюхтицкого монастыря, реальность небесная и реальность земная, и обе они нашли свое отражение в летописи. Скажем так: повествуя о том, что предшествовало созданию монастыря во второй половине XIX века, летопись указывает на учреждение Иеввенского отделения Православного Прибалтийского братства, на появление женской общины с лечебницей для народа, с приютом и школой; называет дорогие нам имена губернатора Эстляндии, князя Сергея Владимировича Шаховского, человека высокого государственного ума, прекрасно понимавшего значение православия для онемеченной Прибалтики, его супруги и соратницы Елизаветы Дмитриевны Шаховской, ставшей первой председательницей братства, говорит о капитале в размере 30 700 рублей, по Высочайшему повелению переданному братству, что позволило ему начать свою деятельность, – обо всем этом и о многом другом мы читаем с неослабевающим интересом. Ибо мы видим, как из отдельных событий складывается цельная картина огромного религиозного, нравственного и социального значения.

Но есть у монастыря, если хотите, *пра-начало*, совершившееся, как мы говорили, несколько веков назад, а точнее, в XVI столетии, и овеянное столь глубоким чувством и светящее из глубины времени столь ослепительным светом, что мы понимаем, что монастырю было предопределено появиться здесь, на Богородичной горе. С безыскусственной простотой повествует об этом летопись – как пастух-эстонец ранним утром увидел на горе неземной красоты Жену в сияющих одеждах и шаг за шагом стал приближаться к Ней. Она скрылась; но едва он отошел, появилась снова. В следующий раз вместе с ним пришли его соседи и тоже

стали очевидцами чудесного явления лучезарной Жены. Так повторялось несколько раз; народу приходило все больше, но, как сказано в летописи, «...*Являющаяся Женищина не допускала их видеть Себя вблизи...*» Напрасны были попытки местных жителей «*отыскать Ее на этой горе*», читаем мы далее. Но зато они нашли древний образ Успения Божией Матери, который и передали своим землякам – православным крестьянам.

2.

Эта икона уподобилась тому зерну из притчи Спасителя, о котором было сказано: «... упало на добрую землю и принесло плод...» (Мф. 13:8). И в самом деле: с тех самых пор берет начало цепь чудесных событий, приведших к тому, что на вершине горы появился монастырь, в центре его вознесся величественный Успенский собор, который хранит одетую в драгоценную ризу чудотворную икону Успения Божией Матери, обретенную более четырех столетий тому назад. Надо ли говорить, сколько молитв вознесено к Небесам подле Чудотворной; сколько сердечных просьб произнесено; сколько пролито слез и сколько промолвлено слов благодарности за чудесную помощь! И еще рассказывает нам летопись – о часовне, поставленной на месте обретения иконы, о том, как, оберегая Чудотворную, ее перенесли сначала в Нарву, а затем в храм села Сыренец, что в тридцати километрах от Пюхтицы, и как началась традиция в праздник Успения Богородицы совершать крестный ход с Чудотворной – из Сыренца до Пюхтицы. Читаем: «*Ход этот представлял православным много трудов и лишений, так как прямой дороги в то время не было, нужно было идти по болотам и лесам узенькой тропинкой, приходилось идти гуськом по колено в болоте и св. Икону нести по очереди, прижимая ее к груди*».

Вспомогнемся в эту – не побоимся слова – эпическую картину. Зачем десятки людей бредут по лесам и болотам? Какая у них цель? Что они хотят? Какую ожидают награду? Есть ли смысл в том, чтобы претерпевать тяготы этой дороги? Да; и смысл есть, и цель, и награда. В рассказе об этом крестном ходе летопись подводит нас к осознанию глубокого религиозного чувства русского народа, его одушевленности верой, сокровенной любви к Спасителю и Божией Матери. Крестный ход из Сыренца в Пюхтицу – маленький шаг на долгом и трудном пути в Царствие Небесное, пути, длиною в целую жизнь. Со временем в Пюхтице построена была часовня, куда каждый август крестный ход приносил Чудотворную. Летопись отмечает «*исцелившегося чудодетствующей силою явленной иконы*» везенбергского купца Нестерова, который «с ментакским корчмарем Колчиным построил в 1842 году на месте ветхой часовни новую, большие

первой, и украсил ее св. иконами...» Заметим, кстати, что примеров больших и малых пожертвований в летописи не счесть – кто жертвует икону, кто – дом, а кто – средства для возведения Успенского собора. Что движет людьми? Конечно, далеко не последнее значение имеет мысль, что Господь зачтет им принесенную жертву и примет их в Небесные свои селения. Но вместе с тем в каждой лепте присутствует искреннее желание благоукрасить обитель, приумножить ее достояние, сделать так, чтобы она радовала сердце своим обликом – чтобы о ней, о службах в ее храмах можно было бы сказать, как, вы помните, на заре русского христианства побывав на службе в православном храме, говорили посланцы святого равноапостольного князя Владимира: не знаем, на земле были мы или на небе. Нельзя не вспомнить слов Федора Михайловича Достоевского, что красота спасет мир. Сейчас, в XXI веке, вступая на Святую Гору, паломники оказываются во владениях умиротворяющей красоты. В летописи отражено последовательное стремление к ней; шаг за шагом, упорными усилиями настоятельниц и сестер обитель на Святой Горе преображалась, являя всем созидующее соединение молитвы и труда.

3.

Но вернемся в позапрошлый век.

Создано отделение Прибалтийского православного братства, появилась – пока немногочисленная женская община, лечебница, приют, школа... Надо вводить жизнь общины в литургический круг, налаживать практическую деятельность, устраиваться, обживаться – и все это с мыслью о том, что придет день, когда на Святой горе появится монастырь. У губернатора Эстляндии, князя С.В. Шаховского среди его многочисленных трудов по управлению краем едва ли не самой главной и, уж конечно, самой дорогой его сердцу заботой было создание православного монастыря. Можно с уверенностью сказать, что не будь его постоянных усилий, стремления увидеть, наконец, на Святой горе православный храм, осветить нелегкую жизнь земледельцев – и русских, и эстонцев – светом православной веры, то, право, еще неизвестно, когда появилась бы обитель, ныне широко известная в христианском мире. Поэтому, когда в 1897 году пюхтицкая настоятельница, игуменья Варвара (Блохина) обратилась в Рижскую духовную консисторию с вопросом, можно ли при поминовении князя С.В. Шаховского именовать его «*основателем обители*», то ответ дан был ей такой: «*Консистория находит, что покойный князь вполне заслуживает того, чтобы Пюхтицкий монастырь молился о нем, как об основателе обители*».

Поистине: великое дело совершается великими усилиями.

Летопись свидетельствует: *«Князь Сергей Владимирович, усердный ревнитель православия, не начальник, а отец всем в своей Эстляндской губернии, положил жизнь свою в борьбе за православие, каковую борьбу приходилось ему вести почти со дня своего вступления в должность Эстляндского губернатора».*

Сергей Владимирович нес на своих плечах ношу безмерной тяжести. Она-то и надорвала его силы – он ушел из жизни в самом расцвете, в сорок два года. В память о нем на вершине Святой горы поставлен был храм во имя Сергия Радонежского, в основании которого устроена усыпальница, принявшая прах основателя Пюхтицкого монастыря, а сорок с лишним лети спустя – его супруги, Елизаветы Дмитриевны Шаховской.

Елизавета Дмитриевна, как мы уже отмечали, принимала самое деятельное участие в становлении обители. Она прекрасно понимала, что нужен человек, хорошо знающий монастырский уклад и способный наладить молитвенную и хозяйственную жизнь нарождающейся общины. По ее просьбе – читаем в летописи – настоятельница Костромского Богоявленского монастыря игуменья Мария *«прислала свою монахиню, мать Любовь, много лет служившую при лечебнице»* и с нею двух сестер и фельдшерницу. Мать Любовь вскоре отправилась обратно, а вместо нее прибыла мать Варвара (Блохина), которой суждено было стать первой настоятельницей Пюхтицкой обители. *«Нелегко было матушке Варваре, прожившей 34 года в благоустроенном старинном монастыре и притом никогда не отлучавшейся из монастырской ограды одной поехать в такую даль, в чужую сторону, населенную иноверцами».* Но это был промысел Божий. Монахиня по глубокому сердечному призванию, до мелочей знавшая монастырскую жизнь, певшая на клиросе, мастерица-золотошвейка, она была молитвенницей и труженицей. Что скрывать – были колебания, было желание уехать в Кострому, но встреча со святым праведным Иоанном Кронштадтским, его проникновенные слова убедили м. Варвару принять возложенное на нее послушание.

Еще не было монастыря, была пока только женская община, но м. Варвара мечтала о том, чтобы перебраться из Иевве на Святую Гору. Но как? Перебираться – значит, строить дом для сестер, а денег у братства на то время – шаром покати. Однако мы не случайно обмолвились о предопределенности появления монастыря, ибо во всех трудных, самых, казалось бы, безнадежных случаях чудесным образом появлялась спасительная помощь. Судите сами. М. Варвара, читаем в летописи, *«Идет*

одна в церковь, ... и, падая ниц перед иконой Царицы Небесной, начинает со слезами, горячо молиться. Вдруг слышит, что кто-то стучит. Она отворяет дверь, тогда одна из ее послушниц говорит, что... один крестьянин предлагает бревна для постройки. Тогда Матушка горько улыбнулась и сказала, что при всем желании не может начинать постройку, т.к. у нее всего 15 копеек. Добрый крестьянин предлагает взять у него строительный материал в долг и обещает доставить рабочих, которые согласятся получать деньги в рассрочку...»

15 августа, 1891 года, сообщает летопись, деревянный на каменном фундаменте дом был построен. Семь окон, двенадцать печей, стеклянная, крытая драницей веранда, – так описывает летопись эту первую постройку на Св. Горе – и такая неподдельная, чистая радость пробивается сквозь эти скромные строки, что мы словно видим сияющие лица м. Варвары, сестер, счастливых долгожданным новосельем. В тот же день состоялось открытие общины, на которое прибыли дорогие гости: Рижский Преосвященный Арсений, обер-прокурор Святейшего Синода В. Саблер, великий молитвенник, протоиерей Иоанн Ильич Сергиев, Иоанн Кронштадтский, на долгие годы ставший духовным опекуном монастыря и щедрым жертвователем.

За первым шагом последовал второй. 23 октября 1892 года Синод возвел общину в общежительный монастырь. Монахиня Варвара назначена была его настоятельницей с возведением ее в сан игуменнии.

4.

Прошедшее с тех пор время – а это целый век и ещё тридцать лет – позволяет нам *sine ira et studio* оценить труды первой пюхтицкой игуменнии. Только в 1893 году подчас при острейшей нехватке средств, едва сводя концы с концами, залезая в долги, она сумела сделать для обители столько, что остается лишь удивляться ее энергии, настойчивости и деловой сметке. Летопись перечисляет все построенное в обители в девяносто третьем году – и, право, список этот внушает невольное восхищение. Летописец не в силах скрыть своих чувств: *«Дух Святый видимо почил на... Матушке Игуменнии Варваре...»* Всем сердцем прикипев к Пюхтице, уповая на помощь Царицы Небесной, Матушка трудилась, не покладая рук, не позволяя себе отдыха и находя утешение в молитве. Она вникала во все подробности монастырской жизни, была матерью для сестер и не падала духом при случавшихся бедах.

В 1897 году, в январе, в обители случился пожар. *«Сгорел, – читаем в летописи, – один из деревянных корпусов, находившихся против со-*

бора...» Жаль было дома, жаль было сгоревшего в нем добра, но самой главной болью были для Матушки семнадцать оставшихся без крова сестер. Надо было строить для них новый дом, но снова встал перед игуменией мучительный вопрос о необходимых для постройки деньгах, а, вернее, об их полном отсутствии. Монастырская казна была пуста. Что делать? Отчаиваться? Плакать? Было, наверное, и отчаяние, были слезы, но, в конце концов, Матушка, как некогда многотерпеливый Иов, сказала: *«Господь дал, Господь взял», «и, все предав в волю Божию, собралась в Петербург»* – просить милостыню у добрых людей.

Летопись по сути своей проста. Она видит события, видит людей, их поступки и добросовестно описывает все, что попадает в поле ее зрения. Летописец – не писатель в подлинном значении этого слова; ему не надо продумывать сюжет, он не прибегает к вымыслу, у него нет необходимости углубляться в психологию действующих лиц своего повествования. Он рассказывает, заботясь лишь об одном – о правдивости своей повести. Не случайно историки так ценят летописи. Выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьев, автор 29 томов «Истории России с древнейших времен» придавал огромное значение летописям, находя в них ценнейший источник по истории нашего Отечества.

Вот и летописец Пюхтицы точно так же предпочитает факты и стремится избегать оценочных суждений. Однако не всегда это удается. То тут, то там пробиваются искры горячего сочувствия, неподдельной радости, горького сожаления. К примеру, рассказывая о непростых отношениях, постепенно сложившихся между игуменией Варварой и Е.Д. Шаховской, летописец определенно становится на одну из сторон конфликта. Заметим, что княгиня после кончины супруга постоянно жила в монастыре, в построенном ею доме на вершине Богородичной горы, вплотную с храмом Сергия Радонежского и усыпальницей князя С.В. Шаховского.

Не сразу начались разногласия. В нашем распоряжении есть письма – сначала монахини, затем игумении Варвары к Елизавете Дмитриевне, письма по разным поводам жизни общины, а в дальнейшем – монастыря. Жалуются м. Варвара на сестру по имени Мария, с которой *«невозможно жить»*. *«Ничто ее не берет. Ни строгий выговор, ни духовное вразумление... Христос с ней. Пусть здесь живет, а я с радостью уеду домой»*.

Следующее письмо – как облегченный вздох. *«Мария пришла ко мне с раскаянием и полным сознанием своей вины»*. В этом же письме: *«Деньги по Вашему назначению, Ваше Сиятельство, я передала отцу покойника,*

о котором я с Вами говорила. Гроб 1р. 50к., коленкор на одежду и покров на гроб 1р. Провоз до кладбища – 4р. Итого 6р. 50к.». И еще: *«Очень Вас благодарю за книги, я им (сестрам – Иг. Ф.) во время трапезы читаю жития преподобных, и мне стало легче на сердце, потому что я вижу между ними мир. Так много вы, дорогие Ваше Сиятельство, мне помогли»*. Не правда ли, что в этих строках чувствуются почтительно-доверительные отношения между монахиней и княгиней. У них общее дело, общие заботы, и они вместе, в полном согласии ведут свое «малое стадо» по трудному пути монашеской жизни. Не только об устройстве новой обители, ее недалеком будущем – как оно представало в проекте архитектора Преображенского – идет речь в письмах. Возникает фигура некоей послушницы Анисьи Плотниковой, доставившей игумении немало огорчений, о чем матушка и сообщает в письмах княгине. Все, в конце концов, решилось. *«Святая Гора и ее жители, – пишет игумения княгине, – испрашивают на Вас Божией благодати»*.

5.

Заметим, что жизнь – в том числе и монашеская – не всегда протекает гладко. Вспомним хотя бы старшего брата преподобного Сергия Радонежского Стефана, из-за честолюбия которого преподобный оставил Троицкую обитель и ушел на Киржач. Или переживания «игумении всея Руси» Таисии (Солоповой), которая из-за клеветы на нее однажды решила даже покинуть обитель. И только явившаяся ей во сне Царица Небесная убедила ее все терпеть и трудиться ради святой обители.

Как мы знаем, княгиня Елизавета Дмитриевна приложила немало сил, помогая супругу в его стремлении утвердить православный монастырь на Святой горе. Настойчивость С.В. Шаховского, которому пришлось преодолевать сопротивление местной, эстляндской знати, местного чиновничества и лютеранского духовенства, принесла свои плоды. Но – повторим – в его трудах у него была верная помощница – княгиня Елизавета Дмитриевна. Отметим, что именно ее стараниями из Костромского монастыря была выписана монахиня Варвара, ставшая первой игуменией Пюхтицкой обители. Выбор – и мы это тоже знаем – оказался удивительно точным. Игумения Варвара отдавала все силы для выполнения своего послушания и сумела, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, поднять монастырь, обустроить его, духовно сплотить сестер в труде и молитве.

К несчастью, так случается в жизни, когда два достойных человека не могут найти общего языка и мало-помалу становятся чуть ли не

врагами друг другу. Почему это могло произойти? Наиболее точным, на наш взгляд, будет ответ, что враг рода человеческого выискивает наши слабости и уязвимые места, чтобы, используя их, нарушить мир между людьми, прежнее согласие обратить во вражду, истребить любовь и взаимное уважение.

Летопись свидетельствует: «В субботу, после литургии... (это было в 1897 г. – Иг. Ф.) княгиня пригласила матушку Игумению на блины. Часа через три Матушка возвращается очень расстроенная, простор убитая... Матушка долгое время не могла ничего сказать, но видно было, что ужасно нравственно страдает и, наконец, немного оправившись..., сказала, что княгиня страшно лично оскорбила ее, высказав какие-то небывалые факты...» Нашлись у княгини сторонницы – хотя большинство сестер горой встало за свою Матушку. И закрутилось. В обитель за разъяснениями прибыл благочинный, игумению вызвал к себе Преосвященный, к нему же, в Ригу, ездила Е.Д. Шаховская, «объявив некоторым сестрам, что едет просить переменить игумению, если же ее не послушают, то поедет в Петербург, к обер-прокурору Св. Синода».

Откуда, из каких корней выросло это недоброе чувство? Почему оно захватило княгиню, вдруг увидевшую в игумении едва ли не своего врага? Мы можем лишь предположить, что началом всей этой печальной истории послужило желание Елизаветы Дмитриевны поселиться в ограде монастыря. Скорее всего, ей, привыкшей к власти, захотелось и в монастыре быть на первых ролях, и она не пожелала считаться с тем, что в обители жила, трудилась и молилась игумения Варвара, настоятельница монастыря, за долгую свою монашескую жизнь впитавшая в плоть и кровь особенности монашеского жития-бытия, беззаветная труженица и заботливая мать для сестер обители. Елизавете Дмитриевне оказалось, так сказать, тесно в монастыре рядом с игуменией Варварой. Горько говорить об этом, но княгиня употребила все своё влияние и все свои связи в Риге и Петербурге, чтобы игумения Варвара была уволена со своего поста настоятельницы Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря.

«Определением Святейшего Синода, – читаем в летописи, – от 23 октября за 1897 г № 32 56 Матушка Игумения Варвара уволена... На ее место тем же определением Св. Синода назначена монахиня Московского Страстного монастыря Алексия».

Есть ли для нас какой-нибудь урок в этой печальной истории?
Несомненно.

Вспомним Господа Иисуса Христа.

«Больший из вас да будет вам слуга. Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:11-12).

6.

Читаем: «31 декабря по примеру прежних лет в половине двенадцатого ночи сестры собрались в церковь во главе со своею новою Матушкою для встречи Нового, 1898 года. Все молились усердно, просили у Господа новых милостей на грядущий год. Но особенно усердно, со слезами молилась Матушка Игумения..., ибо не скрыты были для нее трудности предшествующего ей служения». Что ж, скажем мы, на долю матушки Алексии и в самом деле выпало немало трудностей. Снова ощущался недостаток средств, снова случился большой пожар, спаливший дом, где помещались училище и детский приют, в монастырь трижды забирались воры, проникшие даже в келью игумении, а затем – и в дом, где жила княгиня, а «новый крест», пишет правдивый летописец, «игумения понесла от своих же сестер».

На ту пору в обители было две сотни насельниц разного возраста, разного представления о жизни в монастыре, терпеливые и не очень, покладистые и вздорные, смиренные и дерзкие. Соединить их в одно целое могла только бесконечная любовь к Иисусу Христу, ради служения Которому они и пришли в монастырь. Но – как часто бывает – в полной мере проявить свое религиозное чувство и всецело подчинит себя монашескому подвигу удастся не всегда и не всем. Некоторые обнаруживают, что иноческое облачение им не впору – оно слишком тесно вдруг оказывается для них, оно их угнетает и сковывает. Разобраться во всем этом переплетении чувств, вникнуть в сокровенное каждой души, помочь утвердиться на избранном пути или твердой рукой отделить заблудшую овцу от всего стада – это и есть главная задача игумении. «Блажен новоназначенный, нашедший в наше время благонадежного советника!» – восклицает святитель Игнатий (Брянчанинов). Мы можем утверждать – и примеров тому в жизни обители на Святой Горе немало – что игумения Алексия (Пляшкевич) была именно таким наставником. «Монашеским смирением и материнской любовью, – свидетельствует летопись, – старалась Матушка уговорить своевольных сестер и склонить к покаянию попавших в сети диавола».

Никуда не исчезли заботы иного рода. Надо строить странноприимный дом, дабы пришедшие поклониться Чудотворной и помолиться перед ее Ликом паломники могли передохнуть и обогреться после тяжелого

пути подчас в несколько десятков верст; нет каменной ограды вокруг монастыря, которая бы «оградила обитель от внешнего мира»; требуют ремонта храмы обители... Всеми этими многообразными заботами наполнена жизнь второй пюхтицкой игумении. Святая Гора с ее Хозяйкой, Матерью Божией, дает игумении силы, крепость веры и твердую надежду, что как бы ни было трудно, Господь все управит.

Случались и памятные события, среди которых нельзя не отметить встречу с Императором, Николаем II, случившуюся в дни Его пребывания в Ревеле. Надо ли говорить, что проявленный Государем неподдельный интерес к обители, Его расспросы о монастыре, слова благодарности игумении за ее труды – все это навсегда запомнилось Матушке и стало памятной вехой в ее жизни. «Одушевленная монаршей милостью, – читаем в летописи, – Матушка Игуменья вернулась в обитель и обрадовала сестер рассказом о достопамятных событиях».

7.

У летописи есть главный, правда, не названный герой – время. Канул в вечность XIX век с уверенной в своих силах, смело смотрящей в будущее Россией; наступил век XX сулящий, как предчувствовал Александр Блок, «невиданные перемены, неслыханные мятежи», век поистине страшный для Отечества и Церкви.

Это правда, что монастырь живет – стремится жить – отдельной от мира жизнью. И в самом деле, зачем затворяться в обители, если грохот окружающего мира, его вселенское торжище, его смуты и соблазны свободно достигали бы слуха монашествующих и вовлекали их в борение своих страстей? Но при всем этом монастырь не может совсем устраниваться от жизни общества. Заботы времени становятся заботами монастыря. Как ни далеко от Эстляндии гремели сражения несчастливой для России войны с Японией, однако нельзя было остаться в стороне от посланного Богом испытания. Пусть небольшой – на восемь человек, но был в лечебнице при монастыре устроен госпиталь, где сестры с любовью выхаживали раненных солдат. Прочитан был царский Манифест о учреждении Государственной Думы и выборах в нее – явление, доселе неслыханное в России. Это тоже было знаком времени, свидетельством изменений в государственном устройстве Отечества, поиском новых путей его развития, к чему не могли остаться безразличными насельницы обители. Волнения 1905-го года обошли стороной монастырь, о чем летопись сообщает короткой строкой: «Обитель и все окружные жители трудились в невозмутимой тишине и спокойствии».

Но уже тогда в проносившихся над Россией ветрах времени можно было различить нечто тревожное, сулящее в совсем недалеком будущем многие и тяжкие испытания. Довелось и Пюхтице испытать из чаши невзгод. Даже главную святыню монастыря – Чудотворную икону Успения Божией Матери в годы Первой мировой войны пришлось увезти из обители. Но тем не менее, вглядываясь в судьбу монастыря, нельзя не увидеть, что он всегда находился под омофором Царицы Небесной. И если бы не постоянное попечение Божией Матери, кто знает, удалось бы Пюхтице устоять в бурях времени, войти во второе столетие своего бытия и по-прежнему своей горячей, своей неусыпной молитвой ходатайствовать перед Создателем о мире для всего мира.

8.

Летопись завершается 1909 годом – и завершается, на наш взгляд, символически: удивительным повествованием о возведении нового трехпрестольного соборного храма.

Мы снова не можем не отметить действие Промысла, столь часто и столь благотворно вмешивающегося в судьбу обители. Сборщица пожертвований, послушница Анна Яковлевна Абрамова и раньше навещалась в Москве к генерал-майору Ивану Филипповичу Терещенко. Но на сей раз, разговорившись с нею, узнав, что такое Святая Гора, взглянув на фотографию монастыря, генерал *решиительно* сказал: «Я построю у вас настоящий соборный православный храм». Летопись рассказывает о том, как был разобран прежний, небольшой храм, в свое время переделанный из лютеранской кирхи, как шли подготовительные работы, устроен кирпичный завод, как состоялась – 15 июня 1908 года – торжественная закладка Успенского собора.

Сбылось провидение о. Иоанна Кронштадтского, в очередной раз преподавшего урок веры, которая – по слову Спасителя – может повелевать горами. Он верил, что собор непременно будет – и как отклик на его веру в далекой от Пюхтицы Москве отыскался жертвователь; талантливый архитектор Александр Артемьевич Полещук создал проект, закипела стройка, и на Успение 1910 года храм был освящен. Отец Иоанн верил, что над благословенной Пюхтицей простерт Покров Царицы Небесной, оберегающий обитель от бед и напастей, вселяющий надежду и дающий силы с терпением и любовью нести крест монашеского послушания.

Верим в это и мы.

Гладкий Ю.Н., Комиссарова Т.С.
(Санкт-Петербург, Россия)

О СОХРАНЕНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема сохранения православных традиций в наше время, рассматриваемое авторами как период глобальной эпохи социокультурной турбулентности. Обозначены акценты на онтологию и аксиологический подход, осмысливаются праксеологические позиции населения, принципы его православной деятельности. Констатируется проблема глубокой духовной деградации, присущая современному периоду с его подменой высших человеческих ценностей, стремление появляющихся постмодернистских течений убедить общество в том, что не должно отрицать ценность земной жизни во имя небесной и быть в гуще земных событий, предполагающих пересмотр догматических основ традиционного христианства, культивируются идеи «теологии освобождения». Однако незыблемо то, что православная культура формирует в русском национальном характере духовность, патриотизм, державность, стремление к справедливости, коллективизм, духовное подвижничество. Современные житейские обстоятельства приводят к тому, что этот опыт стал забываться, идеалы и нормы бытия деградируют. Однако, определено, что религиозное православное наследие остаётся незыблемым фундаментом бытия в эпоху социокультурной турбулентности.

Ключевые слова: православные традиции, социокультурная турбулентность, духовная деградация, православное наследие.

Заявленная проблема не является эксклюзивной, хотя бы потому, что деформации социокультурного равновесия в российской истории происходили и прежде. Но ее нынешняя острота, широта причинно-следственных связей, характеризующих «атомизацию» российского общества, не только обуславливают всплеск интереса авторов к вопросам сохранения православных традиций, но и побуждают к их более глубокой проработке. В зависимости от поставленной задачи, в одном случае, акцент делается на онтологию и гносеологию проблемы (существует ли она вообще, познаваема ли, что такое православное сознание и т.д.); в другом – внимание фокусируется на проблеме ценности православных традиций, что соответствует задачам аксиологического подхода; третьем – авторы пытаются осмыслить вопрос с праксиологических позиций (каковы принципы оптимальной деятельности православного населения, и не только его, в создавшейся ситуации) и т.д.

Философское осмысление этой дуалистической по характеру проблемы редко обходится без обращения к двум, не совпадающим точкам зре-

ния на возможное (или неминуемое) вхождение человечества в заключительную фазу грядущего антропологического кризиса. Нередко речь идет об эсхатологическом подходе – о «конце света» («конце времени»), что в свою очередь ассоциируется с апокалипсисом, с приходом Антихриста. Хотя в Библии не содержится точной даты прихода Антихриста, Господь Иисус Христос извещает Апостолов, что это случится, когда, *по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24: 12). В «сумерках» нашего времени эти слова приобретают поистине Божественные смысл и свет, как триумф мудрости Творца.

В светской литературе проблема глубокой духовной деградации объясняется (особенно философами) всем ходом «космогонической» истории Нового времени, «петляющей» от рациональной прагматики XIX в., к наполненному катастрофами и трагедиями XX в., и, наконец, к апокалиптике XXI в. с его беспрецедентной вакханалией безнравственности, подменой высших человеческих ценностей и идеалов красоты псевдоценностями животной природы человека. Не случайно, в условиях постмодернистского обесценивания культуры, деградации прежних идеологий и художественных приемов появляются «каверзные» вопросы типа: «Как ныне возможен приход Антихриста? – вопрос не столь самоочевидный, как кажется по уровню современных коммуникативных возможностей планетарного охвата, ибо важным остаётся и сам способ последнего: Антихрист и его царство могут быть реализованы только как псевдореставрация риторико-классического (идеационального!) миропонимания, пусть и в неомагических топях Постмодерна» [2].

Анализ роли православия в формировании дискурса традиционных ценностей актуализируется появлением неоднозначных постмодернистских течений и доктрин в католичестве и протестантизме. Их сторонники все чаще не только исповедуют, но пропагандируют провокативную мысль о том, что христианство не должно отворачиваться от мира, отрицать ценность земной жизни во имя небесной жизни, и должно быть в самой гуще событий. Обществу навязывается ложная контрверза: историческая ответственность перед обществом и народом или ответственность перед Богом?

Появляются умозрительные, самоуспоительные теории, требующие радикального пересмотра догматических основ традиционного Христианства, его «демифологизации» и даже полного отказа от него (Р. Бультман, П. Тиллих, Д. Бонхоффер и др.). Предпринимаются попытки создать новый образ бога, существующего в нашем земном мире, а не на небе.

Распространяются идеи так называемой «теологии освобождения» (или теологии революции), пришедшие в Европу из Латинской Америки и призывающие к «новому прочтению» Евангелия для того, чтобы органично соединить идеи Христианства с практикой повседневного бытия. Речь идет о сублимации идей Ветхого и Нового Заветов с традициями христианской философии от Августина до постмодернистской теологии.

Кроме проблемы влияния постмодерна на развитие творческих поисков, споров, дискуссий о будущем христианства, сильное воздействие на умы и сердца верующих и священнослужителей оказывает также количественные сдвиги в христианском населении мира. Согласно опросу *Pew Research Center*, христианство будет оставаться крупнейшей религией в мире примерно до середины XXI в. Согласно прогнозу этого центра, наблюдающиеся во всем мире культурные «темные времена» окажут неизбежно окажут влияние на изменения в христианском населении» в период с 2010 по 2050 год, и могут негативно сказаться на росте христианского населения и его доле в населении мира» [3].

Этот же источник утверждает, что наряду с «упадком» западноевропейского христианства, формируется «новый христианский мир» на Юге – в странах Латинской Америки и Африки, где Церковь выполняет не только свою главную функцию – простого регулирования отношений между людьми и Богом, но и предлагает широкие услуги социальной поддержки [4]. Однако в этих прогнозах отсутствуют достоверные данные о религиозной динамике численности верующих, например, в Китае, хотя согласно сообщениям СМИ и экспертным оценкам, быстрый рост христианства в Китае может сохранить или даже увеличить нынешнее численное преимущество христианства как крупнейшей религии в мире.

Как бы там ни было, следует помнить, что классическая культура, которой христиане до сих пор восхищаются и вдохновляются, в которой находят опору в эпоху наблюдающейся интеллектуальной и моральной деградации общества, появилась на свет благодаря христианству. «Именно церковь – как Восточная, так и Западная – являлась той колыбелью, из которой вышли первые гении – художники и архитекторы. В том же европейском изобразительном искусстве вплоть до XVII столетия преобладают именно библейские сюжеты и темы. И даже когда позднее в культуре обозначилось разделение священного и светского, нередко доходящее до конфликта, культура и церковь, ведя постоянную дискуссию, пусть и на повышенных тонах, все равно выступали как два сообщаю-

щихся сосуда, система, в которой культура, так или иначе, постоянно подпитывалась «сакральной энергетикой» [5].

Не без оснований считается, что тысячелетняя православная этика способствовала формированию в русском национальном характере ряда черт, к которым относятся духовность как надындивидуальность, патриотизм, державность как доверие к сильному («самодержавному») государству, стремление к справедливости и равенству в служении Родине и государству, жертвенность, «мобилизационный» коллективизм и общинность, духовное подвижничество и др. [6]. Именно они лежат в основе взаимосвязи православия и характера не только русских, но подавляющего большинства населения страны. (Более подробно проблема сохранения православных традиций исследована основательно в классических и современных богословских трудах митрополита Антония Сурожского, протоиерея Владимира Глиндского, архимандрита Иустина (Поповича), протопресвитера Иоанна Мейендорфа, протоиерея Анатолия Гармаева, Х. Яннараса, архиепископа Иоанна (Максимовича), архимандрита Платона (Игумнова), протоиерея Глеба Каледы, протоиерея Александра Меня, архимандрита Иоанна (Экономцева), а также в публикациях Журнала Московской Патриархии. И не нуждается в конкретизации).

Реалии последних десятилетий во многих странах показывают, что творческий труд христианской Церкви, благодаря которому появилась сама возможность развития светского общества, стал забываться, а иногда и предаваться. Процессы ультра-секуляризации (дехристианизации) грозят переоценкой всему тому культурному, духовному и правовому преображению, которое принесла Церковь. Для миллионов людей единственным мерилom качества жизни становится роскошь, а эмоциональные потребности удовлетворяются с помощью низкопробных шоу, алкоголя, наркотиков. Телевидение и Интернет демонстрируют взрослым и детям пороки общества, навязывая искаженные идеалы и нормы жизни. Эти реалии настолько очевидны, что не нуждаются в детализации.

И все же, несмотря на социокультурный «сбой», происшедший на рубеже последних столетий и выразившийся в заполнении культурного пространства псевдоценностями, духовные цели человеческого существования не понесли фатального урона. Последствия глобализации, «вестернизации» (Ф. Фукуяма), «макдональдизации» (Дж. Ритцер), как и другие суррогатные смыслы, не смогли в России привести к потере социокультурного равновесия. Поэтому есть все основания полагать, что

фундаментом национального бытия России остается «культурное и религиозное наследие, нравственные ценности, заложенные в национальный культурный код России...» [7].

Стремление к возвращению к традиционным ценностям присуще в РФ различным коллективам интеллектуалов, творческой интеллигенции, государственным структурам и, естественно, религиозным сообществам. О приверженности традиционным ценностям неоднократно высказывались представители практически всех, давно сформировавшихся в стране религий: православия, ислама, буддизма, иудаизма. Но с учетом численности православного населения безусловным лидером в борьбе за сохранение основополагающих ценностей нашего бытия стала РПЦ Московского патриархата.

Исходным пунктом при анализе проблемы сохранении православных традиций является признание необходимости усилий с обеих сторон – гуманизирующего влияния РПЦ на общество и охранительных мер государства, разделяющего позицию, что религиозное наследие остается прочным фундаментом национального бытия. Проблема влияния православия на духовно-нравственные принципы в российском обществе исследована основательно и не нуждается в данном докладе в конкретизации.

Существует немало как клерикальных, так и светских концепций участия православия в будущей России. При этом обозначается три варианта участия: усиления, ослабления роли, а также сохранения за православием существующих позиций. Каждому православному человеку близка, например, позиция российского социолога И.П. Рязанцева, полагающего, что «сегодня в российском обществе имеет место процесс «ресекуляриции» (усиления роли религии в общественной жизни), что «православные верующие становятся доминирующей социальной группой», и при этом данная группа является «реальной, а не номинальной, и может отстаивать свои ценности» [6]. Тем более, что его вывод основан на результатах совместного исследования социологического факультета МГУ и Российской социологической ассоциации. Но подобный вывод не исключает дополнительных исследований.

Кто-то из мудрецов заметил, что при засухе не погибают те деревья и растения, у которых глубокие корни, благодаря которым они получают воду из земной глубины. Так и при испытании веры, её сохраняют и выживают те, кто наиболее укоренён в духовных традициях, в нашем случае – православных.

Использованная литература

1. Библия. Любое издание.
2. *Океанский В.П.* «Наступающий конец мира веет мне в лицо...»: Владимир Соловьёв и его время в сумерках нашего времени // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 77-80.
3. Pew Research Center. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. (report). 2015. Pp. 59-69.
4. *Jenkins P.* The Christian Revolution. The Next Christendom: The coming of global Christianity. Oxford: Oxford University Press. 2003. 270 p.
5. *Добров Е.* Церковь и культура: возможен ли новый союз? // Культура (газета). 2021. № 3.
6. *Свистухина А.С.* Православие как фактор современных российских трансформаций. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь. 2009.
7. *Лисина О.В.* Социокультурные детерминанты здоровьесберегающих практик российской религиозной (православной) и нерелигиозной студенческой молодежи. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Белгород, 2016.

Слободчиков В.И.
(Москва, Россия)

О НАЧАЛАХ, ИСТОЧНИКАХ И ОСНОВАНИЯХ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТРАНЫ

Аннотация. В докладе раскрываются начала, источники и основания традиционных ценностей и предложена метафорическая формула Русского мира.

Ключевые слова: традиционные ценности, формула Русского мира, преемственность, укоренение.

Раскрытие подлинных источников и оснований традиционных ценностей чрезвычайно важны для любого народа, любой страны, любого государства. Прежде всего потому, что **именно традиционные ценности являются той самой материей, тем «веществом»** (в кавычках, конечно), **из которого создается собственно человеческое измерение в каждом человеке!**

Во-первых, необходимо решительно отказаться от бессмысленного перечня, прейскуранта разнородных ценностей, которые сегодня, в масе своей, и составляют на злобу дня в современном образовании и в прикладной социологии – вчера одни, сегодня другие, завтра третьи. В таких перечнях, в отдельных ценностях самих по себе *нет способа их оценивания* – какие из них выше, какие ниже, какие из них базовые, а какие второстепенные. Именно в подобных случаях обычно и говорят: *на вкус и цвет товарищей нет!*

Во-вторых, ещё более бессмысленным оказывается их насильственное внедрение, их назойливая пропаганда, их формальное декларирование; таким образом никакие ценности не транслируются, не воспринимаются, а главное – *на-дух не принимают*.

Как же преодолеть две эти, обозначенные мною бессмысленности? Для меня такой точкой отсчёта стали слова Святейшего Патриарха Кирилла (*курсив мой*): «Нам нужен великий синтез высоких **духовных идеалов** древней Руси, государственных и культурных **достижений** Российской империи, **социальных императивов** солидарности и коллективных усилий в нашем обществе XX века...» (2014).

Очевидно, что такой синтез лежит **за пределами** привычной дихотомии: «красные и белые», «правые и левые», «иноверец и православный», «русский и нерусский» и всякие другие дихотомии, которые носят, как правило, взаимоисключающий и разрушающий характер.

Особо хочу обратить внимание на принципиально новые идеологические и мировоззренческие константы, которые задают и *формулу созидания* современного **государства российского** и *формулу созидания человека Русского мира*. Именно в рамках таких констант могут быть выявлены, на мой взгляд, основополагающие **начала** наших представлений о высшем Идеале, о высших Ценностях и высших Смыслах бытия человека – как подлинных **источников содержания**, а главное – **иерархии базовых традиционных ценностей в каждой стране**.

Таковыми началами, источниками, основаниями *традиционных ценностей* являются, на наш взгляд, «**Вера – Народ – Отечество**». Принципиально важно, что данная **мировоззренческая формула не находится в противоречии** ни с религиозным, ни с культурным, ни с национальным многообразием любой страны. Мы расшифровываем названную формулу через **ключевое содержание** традиционных ценностей в каждой части этой формулы. **Итак, ...**

Вера: это – Бог, Всевышний, Творец всего видимого и невидимого; это – культуuroобразующие традиционные религии; это – высшие идеалы и смыслы жизни, свобода совести и вероисповедания, духовно-нравственные скрепы, межконфессиональный мир и соработничество, торжество добра и истины.

Народ: это – прежде всего, традиционная, крепкая семья; это – единство общей многовековой исторической судьбы; это – **гармония** самобытных этносов, которым чуждо националистическое понимание своей этничности.

Отечество: это – человек (сыны и дочери своего Отечества); это – историческая связь времен, духовно-нравственная связь поколений; это – Отечество небесное и Отечество земное; это – великая и малая Родина; это культурно-историческое достояние и наследие.

Очевидно, что высшими **Целями государства** в таком случае и каждого из нас в свете сказанного становятся: **укоренение Веры** – как Истины, Добра и Красоты; **сбережение и благополучие Народа**, органической частью которого являюсь и я (или – как говорил А. Платонов: «Без меня народ не полный!»); это – **безопасность и суверенность** моего Отечества.

Понятно, что **целостный ансамбль** – именно ансамбль, а не формальный перечень вышеназванных ценностей невозможно **транслировать** через *морализаторство*, через бездушное их декларирование. Ибо

ценности **такого рода** передаются и утверждаются лишь **в живых, в со-бытийных, во взаимных отношениях людей**, во **Встречах со Значимым Другим**: со значимым старшим – родным и духовно близким; со значимым младшим, который ждёт от нас любви и заботы; со значимым сверстником, во встречах с которым я становлюсь всё более понятным самому себе. Именно в таких **Встречах-Событиях** и происходит – неявно и незаметно – **пропитывание**, буквально, «**просаливание**» человека подлинно традиционными ценностями.

В заключение хочу ещё раз подчеркнуть, что **одухотворенность и осмысленность** индивидуального бытия каждого человека окажутся возможными, если линия жизни всех нас, наших подрастающих поколений будет связана с нашим **укоренением** в отеческой культуре, если будет культивироваться **преемственность и верность** традиционным **коренным** ценностям исторического бытия своего народа, если будут **раскрываться** перспективы и панорама духовных **устремлений** к Высшему Идеалу каждого из нас – за пределы нашего обыденного существования. **Так, ...**

ценность укоренения человека в отеческой культуре связана с преодолением его **без-родности** и **без-домности** (как говорят: «человек без роду, без племени; или иванов, не помнящих своего родства»); эта ценность связана с формированием гражданской позиции человека – как его личной ответственности за судьбу страны;

ценность преемственности восстанавливает и сохраняет связь времен, со-бытийное единство поколений, преодолевая тем самым нарастающую **без-призорность** всех – и старых и малых;

ценность устремлений в небесное Отечество определяет вектор и масштаб человеческих деяний в интервале индивидуальной жизни человека, преодолевая тем самым **обездушенность** и **бездуховность** его наличного существования.

Во всем этом я и вижу антропологический, подлинно человеческий смысл традиционных ценностей каждой страны, каждого государства.

Остапенко А.А.
(Краснодар, Россия)

ОТ ВОСПИТАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРОФИЛАКТИКУ ПОРОКОВ К ВОСПИТАНИЮ ЧЕРЕЗ ВОЗДЕЛЫВАНИЕ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Аннотация. В тезисах сформулированы аксиомы воспитательной работы, которые, по мнению автора, помогут руководителю школы успешно организовать воспитательную работу на основе традиционных ценностей.

Ключевые слова: воспитание, традиционные ценности, педагогические события, целевые ориентиры.

Сегодня в условиях отсутствия ясных мировоззренческих воспитательных ориентиров роль управленца в образовании (директора школы, его заместителя по воспитательной работе, советника по воспитанию, педагога-организатора и др.) стала сводиться к роли менеджера, модератора или аниматора (ах, какие модные словечки!). Это привело к практике, которую можно назвать «воспитанием небытием».

Воспитание небытием. Раньше, формулируя цель воспитания, мы чаще всего слышали от учителей и родителей фразу «Хочу, чтобы наши дети **были...**». Далее следовали разные высокие слова: «людьми», «личностями», «всесторонне развитыми», «достойными» и т.д. и т.п. Сегодня всё чаще слышен противоположный оборот «Хочу, чтобы наши дети **не были...**». А далее: «наркоманами», «алкоголиками», «бомжами», «проститутками», «лузерами» и т.д. Разницу между «**были**» и «**не были**» чувствуете? Вот оно «воспитание небытием», которое чаще всего сводится не к взращиванию добродетелей, а к профилактике пороков и гадостей.

Причины понятны – странная политика СМИ, имущественное расслоение, переходящая в беспредел свобода, всеобщий разврат на фоне рыночных интересов. И каждому **нормальному** (а это уже экзотика!) родителю хочется уберечь своё чадо от этого набора пороков. И он занят тем, чтобы его ребёнок **не стал** таким. А сил и времени на то, чтобы он **стал** кем-либо, уже не хватает. И воспитание (там, где им ещё хоть как-то занимаются) превращается в воспитание **небытия** (чтоб **не стал**, чтоб **не был**) и в воспитание **небытием** (профилактика пороков на примерах). Но... ведь совершенно очевидно, что даже если такая практика воспитания будет реализована в полной мере и наши дети **не будут (не станут)** наркоманами, алкоголиками и бомжами, это вовсе не даёт никаких оснований, что они кем-то **будут (станут)**. *Отсутствие пороков*

– *вовсе не гарантия появления добродетелей*. Профилактика гадостей автоматически не возвращает доброе, чистое, светлое и возвышенное. Отсутствие мерзости *вовсе не гарантирует* появление красоты. Возращение красоты и добродетели – это отдельный процесс, мало связанный с профилактикой мерзостей. Беда остатков нашего воспитания состоит в том, что оно почти полностью утратило глагол «БЫТЬ» и сводится к профилактике пороков как проявлений зла, которое, как известно, есть проявленное через человеческую волю «НЕБЫТИЕ». Волевая профилактика порока неизбежно множит зло, ибо оно само всегда персоналистично. Оно всегда есть воля. Оно реалистично в действительности. Забывается святоотеческая мудрость о том, что именно зло есть небытие, лишённость, отсутствие.

И если из воспитательной практики окончательно уйдёт *бытийная* мечта «Я хочу *быть!*», то ничего и *не будет*, ничего и не появится – ни личности, ни Человека с большой буквы, ни Человека как Образа Божия. А в лучшем случае появится стерильно никакой средний (в результате среднего, усреднённого, среднее некуда, образования) человек – не алко-голик, не наркоман, не бомж, но и не личность, не индивидуальность, не мудрец и не мыслитель. Этому результату есть имя – обыватель! Такому процессу воспитания есть название – тщета! А обывательство и тщетность, лишённость и бесцельность – личины НЕБЫТИЯ!

У человека, занимающегося воспитанием должно быть ясное мировоззрение, ясные цели и ясные принципы его педагогической деятельности. Другими словами, должно быть ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО, ибо время на меняются, а мысли о вечном и подлинном остаются неизменными.

Организовывая много лет воспитательную работу в школе, нам удалось выстроить ясные для нас аксиомы и принципы воспитания в современных реалиях. Мы их никому не навязываем, а лишь предлагаем. А вдруг они будут вам созвучны.

Для начала каждому, кто занимается воспитанием (и педагогу, и родителю) надо ясно понимать, что для него *неприемлемо*.

Что не устраивает нас? Привычная повсеместная практика воспитательной работы в современных условиях нас не вполне устраивает по ряду причин.

1. Зачастую воспитательная деятельность педагога бесцельна для воспитанника. Это происходит либо по причине навязанности цели воспитаннику педагогом, либо по причине того, что цель педагога, взрос-

лого сводится к тому, чтобы «занять», «заполнить» досуг, «охватить» какой-либо деятельностью. Часто мероприятия проводятся для детей и не становятся событиями их жизни. Их «отбывают», «отсидживают» (или «отстаивают») а не проживают. Их цель в лучшем случае известна только педагогу. Мероприятия не становятся событиями.

2. Многолетний уход государства от идеологии в воспитании привёл к потере идеалов, которые должны быть образцами для нравственных устремлений воспитанников. Эта брешь тут же была заполнена другими образцами. И сейчас уже никого не удивит тем, что десятилетний ребёнок мечтает быть похожим на Рембо или человека-паука. Произошло и дальше происходит смещение понятия нормы добра и зла, и, увы, не в сторону добра.

3. Установка на воспитание конкурентоспособного лидера почти заменила установку заботы и доминанты на другого (А.А. Ухтомский), установка потребления заменила установку даяния. Это привело, с одной стороны, к инфантилизации общества, которую мы понимаем как замедление накопления ответственности, т.е. взросления, и, с другой стороны, к замене понятных установок любви, дружбы, заботы и уважения лукавой установкой толерантности и лояльности.

4. Навязываемая десятилетиями педагогика толерантности с её основным лозунгом «Мы все равны!», с одной стороны, породила ложное понимание справедливости как *равного* отношения к *разным* людям, а, с другой стороны, привела к насаждению и торжеству «окамененного нечувствия» (свт. Иоанн Златоуст) ко злу и пороку как якобы иному мнению.

5. Абсолютное большинство воспитательных программ (а соответственно и средств, выделяемых на них) направлены на *профилактику пороков* (наркоманией, преступностью, коррупцией, экстремизмом и пр.), а не на поддержку добродетелей, на борьбу со злом, а не на *возделывание добра*. Акцент, на наш взгляд, должен преобладать не на фиксации результатов борьбы с пороками, а на фиксации результатов достижения добродетелей.

Наши педагогические аксиомы воспитательной работы. Образование, которое, как известно, состоит из процессов *становления ума (учение, обучение)* и процессов *становления нрава (воспитание)* требует некоторых **целевых ориентиров**, путь к которым или достижение которых и будет **образовательным результатом**.

Если в части становления ума государство, ученые, общественность широко и много обсуждают вопросы государственного образовательного стандарта, и вокруг этого идут дебаты и «ломаются копы», то в части становления нрава такие ориентиры почти не вырисовываются. А коль нет хотя бы смутного образа, проекта воспитательного результата (а многие утверждают, что во времена демократии и плюрализма его-то и быть не должно), то вектор движения либо неясен, либо он просто отсутствует. Сегодня мы не «формируем всесторонне и гармонично развитую личность», не воспитываем человека «совершенного, якоже Отец наш Небесный» (Мф. 5: 48). Сегодня мы, в лучшем случае, кого-то к чему-то «адаптируем» или делаем «толерантным», в худшем – пускаем на самотёк по волнам социальных реалий. Идеалы недавнего прошлого объявлены идолами, а новые либо не предложены, либо уродливы. И эта пустота заполняется «житейскими ценностями», которые несут электронные средства массовой информации. А выхода два: либо подпевать СМИ и быть «как все», либо идти против течения и быть «белой вороной», а вокруг себя создавать «стаю» таких же ворон и их «гнездо». Второй путь, на наш взгляд, честнее, но труднее. О нём и будем вести речь далее. А для этого сформулируем *наши* основные **педагогические аксиомы воспитательной работы**. Может быть, кому-то они могут показаться спорными, но для нас они очевидны, а поэтому действенны. Они таковы.

1. *Целенаправленная деятельность есть условие наполненности жизни событийностью, бесцельная деятельность есть источник скуки.*

2. *Принятая душой и/или самостоятельно сформулированная цель (мечта, план) – обязательное условие стремления к её достижению, в то время как навязанная цель освобождает от ответственности за её достижение.*

3. *Возможности нравственного становления разных людей, разных коллективов различны и неравны, поэтому справедливыми являются разные отношения к разным людям, к разным коллективам. «Нельзя со всеми обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя всех больных лечить одним способом, а кормчему знать лишь одно средство для борьбы с ветрами» (свт. Иоанн Златоуст).*

4. *Неодинаковость, неравенство возможностей исключает обязательное соперничество (конкурентность), которое является источником страстей и не способствует нравственному становлению, как отдельного человека, так и коллектива. Добровольность участия воспитанника или*

коллектива в том или ином событии исключает или в максимальной степени снижает риск ухудшения отношений в коллективе школы, так как возможный неуспех не является в таком случае объектом оценки. При этом любой общественно значимый успех *должен быть замечен, положительно оценён, отмечен и признан* школьным сообществом.

5. *Нравственное становление человека происходит в условиях давания (а не потребления) другому, в условиях «доминанты на другого» (А.А. Ухтомский). Следовательно «ведущим видом деятельности» воспитанника, дающей нравственный рост, является забота о другом.*

Цели воспитания. Для определения целей воспитания необходимо согласиться с тем, что человечество (и каждый из нас!) нездорово, нецельно, ущербно и повреждено, и мы, во всяком случае, в отношении самих себя с этим не намерены мириться. Необходимо понять, что *нормой* является *наличие здоровья*, хотя **большинство** окружающих им и не отличаются, а курение не может быть нормой, даже если курящими будет **большинство**. **Большинством** нельзя решать вопрос «Что такое хорошо, что такое плохо?» (А тем более в ситуации сегодняшнего псевдодемократического плюрализма.)

А что же является образцом, эталоном **цельности и полноты** человека? Интуитивно каждый из нас имеет этот образ. И если любому из нас предложить выбрать одно из пары противоположных человеческих качеств, спросив «Что ты предпочтёшь?», «Каким ты видишь своего друга?», «Какой ты хочешь видеть своего любимого?», – то каждый сможет сделать внятный и определённый выбор. Попробуйте и вы:

- милосердный или жестокий;
- кроткий или строптивый;
- добрый или злой;
- воздержанный или распущенный;
- великодушный или обидчиво-злопамятный;
- целомудренный или выдавший виды;
- любящий или ненавидящий;
- участливый или равнодушный;
- сдержанный или раздражительный;
- заботливый или эгоистичный?

и т.д. и т.п.

Этот ряд можно продолжать почти бесконечно, но для человека, в котором есть хоть толика человеческого, выбор очевиден, ибо **норма** *обладает свойством очевидности*. И если вы выстроите в ряд первые слова предложенных пар, то вы получите перечень свойств цельного, здорового, полноценного, целостного человека. Мы сразу предвидим реплики: «Да ведь таких-то не бывает!», «Да где же такого взять?» Да, правда состоит в том, что найти такого человека почти невозможно, что **большинство** – не такие. Но ещё раз заметим, что **большинство** не сможет решить вопрос нормы, полноценности, ибо большинство не является таковыми. *Истина не может решаться большинством.*

При таком подходе становится понятной и очевидной **цель воспитания**, которая состоит в восстановлении полноты, исцелении, спасении человека, цельности его душевного и духовного здоровья. А это путь к «здравию как отсутствию недуга, болезни» (В.И. Даль). И тогда трудно не согласиться с профессором А.И. Осиповым, утверждающим, что такая **цель воспитания** обуславливает две простые **воспитательные задачи**: «а) поверить в то, что человек «болен» и его надо «лечить»; б) научить человека бороться со всем дурным, что есть в нём самом» [1]. По его же словам, вся разница в воспитательных подходах состоит в том, что «больной ищет здоровья (а, значит, ищет путь, как стать лучше, чище, добрее), а здоровый ищет наслаждений, удовольствий и развлечений (которые вряд ли делают человека лучше)» [1].

Да, человеку (а тем более ребёнку) очень трудно согласиться с тем, что он не вполне здоров, с тем, что он не полноценен. Но, на наш взгляд, это единственный путь для достижения понятной **воспитательной цели: восстановления полноты (полноценности) человека, исцеления (восстановления цельности) человека**. Наш путь – это путь искоренения ущербности человека при помощи его собственных волевых усилий. А растущий, восстанавливающий себя человек, становится достойным.

Мы попробовали так работать с детьми. У нас получилось. Может и вам это подойдёт?

Использованная литература

1. Осипов А.И. Воспитание и образование: православный взгляд. Лекция // CD Цикл общественных лекций профессора МДАиС А.И. Осипова. Выпуск 4. – Студия «Духовное образование».

Протоиерей Игорь Прекуп
(Палдиски, Эстония)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ХРИСТИАНСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. Аксиологическая и этическая специфика христианского мировоззрения изначально ставила своих последователей в неудобное положение по отношению к миру. Вместе с массовым обращением язычников после легализации Церкви, одновременно с просвещением и преображением мира, в Церкви Христовой начался встречный процесс ее обмирщения. Если в эпоху гонений проблема выживания христианства была связана с преследованиями и касалась больше выживания физического, то с началом преобладания в христианской среде людей, сменивших культ, но не мировоззрение и образ жизни, актуальной для последователей христиан стала проблема выживания духовного и нравственного. Проблема не утратила актуальности по сей день.

Ключевые слова: аксиология, этика, Церковь, церковная среда, иерархия ценностей.

Что есть что?

Многие понятия, которыми мы оперируем в общении на значимые для нас темы, по своему происхождению, философские. Произносятся знакомые, привычные слова, как «мировоззрение», «этика», «представление», «понятие», «категория» мы порой не задумываемся, что порой не вполне понимаем их смысл. Не говоря уже о таких терминах, как, например, «аксиология». Некоторые люди, даже имеющие высшее образование, этого слова не слышали никогда. Между тем, оно обозначает значимую для каждого человека философскую область, посвященную теории (точнее, теориям) ценностей. Кстати, слово «ценность» по этой причине тоже является философским понятием, которое следует отличать от экономического понятия «стоимости».

Казалось бы, ну и что? Не всем же быть философами, не всем и вникать в ее понятия. Как понимаем, так и используем. Наше право! Это сколь распространенная, столь же и невежественная позиция. Разумеется, не всем надо специализироваться в философии, но умный человек тем и отличается, что не использует слов, значения которых он не знает или недостаточно понимает. В противном случае получается пустословие, если не хуже. Это, во-первых. А во-вторых, философия – это не какая-то отчужденная от мира и жизни в нем область мечтаний и ни к чему не обязывающей болтовни, как представляют себе многие люди. Философия – это систематизированное мировоззрение. Поэтому, когда мы кому-то говорим: «ваша этика страдает искажением по рангу», это вовсе не значит, что наш

собеседник изучает и разрабатывает какую-то этическую теорию. Совсем необязательно. Скорее, речь о том, что его нравственное сознание повреждено, из-за того, что те нравственные нормы, которые должны быть руководящими в человеке, в нем подавлены, а другие, сами по себе, быть может, неплохие, но менее значимые (а то и вовсе основанные на пред-рассудках и пережитках) – выведены, что называется, на капитанский мостик. То есть речь не о философских тонкостях, а о морали конкретной личности или сообщества – тут уж в зависимости, о чем или о ком речь.

Христианство – это, в первую очередь, мировоззрение, определяющее жизнь личности и держащего именоваться так сообщества. В каком смысле «определяющее»? То, чего должны придерживаться, или то, что фактически преобладает? И тогда, что следует понимать под христианством как сообществом? Лишь тех, кто из всего «крещеного мира» на протяжении уже двух тысячелетий хранит верность новозаветному учению, или так называемое «историческое христианство» – общность более, чем пеструю, противоречивую, в массе своей зачастую дискредитирующую христианство и как учение, и как верное Христу сообщество, да и Самого Христа как Своего Спасителя, Основателя и Учителя, учеников Которого должны узнавать по тому, что они будут иметь любовь между собою (см. Ин. 13:34-35) – кого считать христианами, что считать христианством? Это вопросы вовсе не отвлеченные от реальности, не заумные, а все более, по мере того как «соль обуевает» (см. Мф. 5:13), актуальные. Поэтому, говоря об этике и аксиологии Церкви Христовой, мы не стаскиваем христианство (которого, как известно, нет без Церкви [см. 4]) в какое-то чуждое ему «философствование», об опасности которого предостерегает Апостол (см. Кол. 2:8), но, напротив, рассматриваем жизненно важные аспекты жизни во Христе, сводя воедино разные области богословского знания.

Ставя вопрос об аксиологии христианства, мы, в первую очередь, обращаемся к догматическому богословию – систематизированному учению о Боге и Его отношении к миру и человеку, включающему в том числе и такие отрасли, как антропология (учение о человеке), сотериология (учение о спасении мира и человека), экклесиология (учение о Церкви) и пр. Кроме того, мы непосредственно погружаемся в область нравственного богословия, аскетики, патрологии и патристики.

Две мировоззренческие основы нравственной жизни

Аксиология и этика – две взаимообусловленные области философии. При этом аксиология как учение о ценностях изначально определяет учение о морали – этику, поскольку нашим представлениям о природе

морали, о значимости тех или иных ее норм, предшествует представление о ценностях, в том числе нравственных, их иерархия в нашем сознании. Аксиология ранжирует иерархию благ и зол, дабы человек мог осмысленно совершать моральный выбор. Этика в свою очередь «зеркалит», побуждая к переоценке ценностей и влияя на формирование их системы, внося, таким образом, коррективы в аксиологию.

Принципиальное отличие религиозной версии аксиологии от атеистической состоит в том, что первая включает измерение вечности как определяющее все прочие. В атеистической аксиологии это измерение отсутствует. Из чего с необходимостью следует релятивизм, противостояние которому А.Ф. Лосев, исходя из православно-христианского мировоззрения, закономерно считает одной из задач аксиологии [7, 64].

Для христианской аксиологии характерно признание существования абсолютных ценностей и полноты бытия в Боге, признание Его «первичной сверхмировой абсолютной положительной ценностью» [7, 61], отсюда – полноты жизни человека лишь в Боге. Более того, вся иерархия относительных ценностей, как объективных, так и субъективных, выстраивается в зависимости от того, насколько они значимы «для осуществления абсолютной полноты жизни или удаления от нее» [7, 64]. Ориентируясь в ценностях в свете христианской аксиологии, человек избегает соблазна абсолютизации ценностей, то есть придания ценностям, пусть даже объективным и весьма высоким, но все же относительным, значимости абсолютных ценностей. Это особенно важно в противостоянии манипуляциям массовым сознанием, дабы не оказаться втянутыми в идолопоклонство какой-нибудь идеологии, культ очередного «фюрера», или какой-либо сверхценной идеи. *Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мк. 8:36). Ведь весь мир, все земное, как бы оно ни было прекрасно и возвышенно – всё преходяще. А душа вечна. И ничто в мире не стоит того, чтобы не то, что погубить хоть одну душу, но даже повредить ей сколько-нибудь. И в Древней Церкви это понимание было общим.

Древняя основа Церкви на все времена

Что мы знаем о Церкви эпохи гонений? Чем тогдашние христиане отличались от нас – нынешних, христиан эпохи всего «постного»: постмодерна, постсекуляризма, постхристианства?..

Прежде всего – общим, доминирующим настроением на сораспятие Спасителю жертвенной любовью, выраженным в словах Апостола: *для*

меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение (Флп. 1:21), желанием разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше (Флп. 1:23). Отсюда и стремление к исповедничеству и мученичеству, отсюда и раннехристианский аскетизм, который был одновременно и przygotowанием к страданиям за исповедание веры, если Господь призвет к ним, и произвольной заменой, если чести сподобиться их не окажутся удостоены. Отсюда же и жертвенное служение ближним, в т.ч. и язычникам, которые поначалу их ненавидели, презирали, доносили на них, а то и непосредственно стихийно их истребляли¹, но со временем, будучи убеждаемы их добродетельным образом жизни, начали уважать².

Безусловно, представлять себе древних христиан в таком лубочно-героическом виде не следует. Никогда, в том числе и в то время, Церковь не была однородной и не состояла целиком из доблестных воинов Христовых. Были в ней и лукавые нераскаянные грешники, в отношении которых принимались жесткие меры, направленные на их вразумление и/или на пресечение соблазнов, исходящих от них. Были и немощные, которые отпадали, не выдерживая искушений, в частности, когда государство разворачивало очередные гонения. Но, что немаловажно, количественно они в Церкви не преобладали по той простой причине, что в те времена люди крестились, как правило, уже взрослыми и отдающими себе отчет в том, что за исповедание Христа их могут в рамках законности искалечить или убить. Даже во время затиший понимали. Когда поднималась очередная волна гонений, некоторые отпадали по немощи, но стоило гонениям затихнуть, опять же, многие из отпавших стремились вернуться, а исповедники за них ходатайствовали перед своими епископами. Так или иначе, но среди древних христиан «случайные» люди встречались сравнительно редко. Сравнительно с последующими временами, когда христианство стало массовым, а язычники, принимая Крещение, зачастую всего лишь *меняли культ, но не веру, не образ мыслей и чувств, и не систему ценностей*.

До легализации Церкви Миланским эдиктом императора Константина в 313 г., христиане в целом удивляли общество своей неотмирностью. Как пишет выдающийся русский церковный историк В.В. Болотов, хри-

¹ Самосуд был промыслительно ограничен римским законом, иначе, как заметил наш великий церковный историк В. В. Болотов, «если бы народ имел свободные руки, то история христианства обратилась бы в уличную бойню, и христианство было бы истреблено без остатка» [2, 12].

² См. пример у христианского историка Евсевия Кесарийского, описывающего поведение христиан, которые во время чумы, «...укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них» [3, 340], и как это повлияло на язычников.

стиане, например, своим равнодушием к общественно-политической жизни вызывали у язычников недоумение, воспринимались ими, как «genus tertium; „это какой-то третий род, род особенный“, – говорили про них язычники» [2, 42].

Как пишет игум. Филарета (Калачева), язычникам «невозможно было понять, что аполитичность христиан – это не равнодушие безответственных и беспринципных обывателей, а *принципиальная аполитичность граждан, преданных политическому единству не от мира сего* – единству, вторгающемуся в сей мир и противопоставляющему ему свой принцип жизни, свои ценности, но, что важно, не навязывающему их миру» [8, 35].

Теперь же (с началом массового обращения из язычества в христианство после легализации Церкви, когда числиться христианином стало выгодно), «мир, привычно лежа во зле, начал себя позиционировать как христианский... <...> Среди христиан возобладали категория людей, не разделяющая традиционной эсхатологической устремленности и обусловленного ею аскетического сознания, которое было стержнем христианского мышления и поведения. Христиане прежнего устройства оказываются „чужими среди своих“, при этом „свой“ оказываются своими по факту крещения, но не по сути, не по духу. В „христианском мире“ стало сложно соблюдать заповеди, и в нем почти не с кем стало говорить „о едином на потребу“» [8, 35].

Начинается так называемая «эпоха Вселенских Соборов» – многовековой период борьбы православия с ересями, которые были вовсе не уделом героев-одиночек, боровшихся с невежеством и предрассудками за просвещение и прогресс, как это рисуется массовому сознанию, благодаря стереотипным образам, впитанным со школьной скамьи. Ереси, мало того, что были массовыми, так они еще нередко получали поддержку со стороны патриархов и императоров. Однако догматика в эту эпоху не только сохраняется, но, пройдя сквозь все искушения, еще и развивается, формируясь в борьбе с ересями. Но, вот аксиология преобладающей части Церкви незаметно меняется, точнее, подменяется.

Что-то было упущено из внимания основной частью верных. Вероятно, защита теоретической области апостольского Предания от утрат, примесей, всевозможных искажений была настолько всепоглощающей, что сохранить апостольских дух в самой практике христианской жизни удалось намного хуже. И потому в этот же исторический период «по жестокосердию» нашему, из глубин церковного сознания, можно сказать, рождаются каноны. Рождаются как ограда любви, в ней же их смысл,

через нее и толкуются, и применяются (во всяком случае, должны). И одно из самых пронзительных предостережений звучит в 8-м правиле III Вселенского Собора: «да не утратим по малу, неприметно, той свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков».

Церковь и церковная среда

Тут очень важно не допустить путаницы понятий. Меняется не Церковь! Меняется ее среда. Понятие Церкви, как ипостасного единства личностей во Христе, не тождественно понятию церковной среды. Последняя состоит из всех людей, идентифицирующих себя с Церковью. Это не только ее активная часть, так называемые «практикующие верующие», участники всевозможных православных объединений и учреждений, церковно- и священнослужители, священноначалие, но и, мягко говоря, пассивная масса, демонстрирующая свою идентичность крещением детей (зачастую приглашая совершенно неверующих крестных), отпеванием усопших (многие из которых последний раз в церкви бывали на своих крестинах), венчаниями (зачастую совсем не задумываясь о нерасторжимости брака и совместной жизни по вере, о недопустимости аборт, об исключении прелюбодеяния), освящением верб, куличей и пасок, забором святой воды, посещением могил в поминальные субботы и на Пасху (последнее противоречит церковному уставу, зато соответствует народному – куда церковному с ним тягаться!).

Среда эта отнюдь не однородна. В ней есть место и подвижникам благочестия – и прельщенным маньякам, и смиренным труженикам – и сеющим соблазны кликушам, и деятельным личностям – и бездеятельным (причем бездеятельность свою представляющим как норму жизни), и усердным искоренителям своих пороков – и предпочитающим руководствоваться духом и обычаями мира сего. В этой среде есть место всем людям, идентифицирующим себя с Православной Церковью, крещеным в ней и демонстрирующим свою религиозную принадлежность, порой самым причудливым и несовместимым с ее учением образом... Эта среда – не сама Церковь, ибо с одной стороны она не охватывает сонма святых, отошедших из земной жизни, а с другой – в ней есть место и тем, кто, внешне пребывая в ее ограде, а то даже играя в ней не последнюю роль, своими настроениями и действиями свидетельствуют о чуждости Христову и святоотеческому учению, и сами себя отлучают от Христа.

Христианство и его паразиты

На всем протяжении церковной истории христианское сознание не меняется в своей сущности. Меняется массовое сознание христиан, что не одно и то же. Меняется не Церковь, а ее внешние формы самовыражения и бытия в мире (богословские, литургические, структурные, территориальные, этнические, социальные, политические, эстетические, технические и пр.). Эти изменения могут соответствовать ее основам, ее сущности, а могут и противоречить. Причем противоречащее может из ее жизни отфильтровываться, а может и прилепляться к ней, паразитируя на ее природе под видом освященного обычая или этической нормы. Но как бы прочно, импортированные из мира и паразитирующие на христианском сознании, ценностные и этические представления ни распространялись церковной среде и ни встраивались в ее массовое сознание, они не могут стать христианскими. Другое дело, что из-за их распространенности и укорененности в христианской среде, *залеппенности* ими христианского сознания, очень трудно бывает разобраться, где мы имеем дело с элементом христианского мировоззрения, а где с мимикрирующим под него паразитом.

Что еще важно понять: для определения состояния и качества самой Церкви неприменимы социологические подходы. Церковная среда вполне поддается этим исследованиям, Церковь как таковая – нет. Тут не может быть никакой «средней температуры по больнице». О вероучении самой Церкви, о христианской аксиологии и этике судить надо не по соцопросам, не по массовым явлениям, не по среднестатистической модели поведения лица, идентифицирующего себя с Церковью, а по тем людям, чей образ жизни и мыслей соответствует евангельскому благоговению, по тем, чья жизнь – во Христе, а потому – в Церкви

Причем образ мыслей важнее, потому что христианин может согрешать, когда по немощи, когда по обстоятельствам (например, во избежание худшего зла), но пока он нарушение заповеди признает грехом, не оправдывает греха, кается в нем, надеется и усиливается преодолеть его, он – христианин, он Христов, он в Церкви, хоть грехом и повреждено это единство.

Но, когда человек, может, и не сам грешит, но оправдывает грех, объявляет его яко не бывшим в силу оправдывающих причин, обстоятельств и пр.; когда он ту или иную заповедь объявляет или необязательной, или «недействующей» в какой-то период, обосновывая тем, что по-другому не добиться какой-то важной цели, то он тем самым отрекается от Хри-

ста как истинной цели своего жизненного пути. И когда этот человек внутренне сворачивает с пути заповедей, в нем совершается отречение, отпадение от Христа.

Внешне, формально он не отрекается. Себя нехристианином не считает, никакого отречения в своем прагматизме, ради которого жертвует заповедями, не видит. Самоидентификация у него твердая, уверенная. Но в Церкви ли он? Вряд ли, если доверять прп. Исидору Пелусиоту, объясняющему в послании диакону Феологию, что «кто, погрешив, осуждает грех, тот возможен со временем исправиться, имея в осуждении греха весьма великую помощь к тому, чтобы раскаяться; а кто хвалит порок, тот лишает себя помощи покаяния. Итак, поскольку соизволение греху есть плод развращенного сердца и души, неизлечимо больной, то похваливающий грех справедливо называется гораздо более беззаконным, нежели погрешающий. Ибо один весьма скоро удалится от греха, а другой вовсе не удалится...» [5].

Зачем нужен Бог?

Церковь живет вечными ценностями и истинами. Но среди ее членов количество, исповедующих эти истины и ценности, может колебаться, порой доходя до катастрофического минимума. Это не значит, что, вследствие наплыва множества людей чуждых по своему духу древнему христианству, а также вследствие дальнейшего обмирщения, Церковь изменилась по своей сущности или изменились исповедуемые ею истины и ценности. В сущности своей, в своих свойствах, в исповедуемой вере и ценностях Церковь не меняется. Меняется **качество ее среды, определяемое преобладающими в ней** представлениями об основах вероучения, об иерархии ценностей и о нравственности. Остающаяся неизменной аксиология Церкви, исходящая из Божественного Откровения, ценностная система христианства настолько подменяется в количественно преобладающей части членов Церкви, среди большинства христиан, что создается впечатление будто бы это и есть Церковь, именно такова христианская вера, ее система ценностей и мораль.

Декларируется одна система ценностей, а жизнью исповедуется – другая. Спроси такого «среднестатистического православного», что выше всего, скажет: «Бог», но стоит прислушаться к его рассуждениям и присмотреться к моральному выбору в тех или иных ситуациях, как становится ясно, что Бог для него не цель (как должно быть с высшей ценностью), а средство достижения цели, которая находится отнюдь не в области вечных духовных и нравственных ценностей. Не на небесах,

одним словом, его сокровище. Впрочем, выбирая среднестатистического представителя не из «практикующих верующих», а из всей массы «крещеного люда», не стоит удивляться, если он высшей ценностью назовет не Бога, а что-нибудь из категории «главное – здоровье» (в основном, это выстраданный девиз старшего поколения), или, например, «героизм», «национальная гордость», «государственные интересы» и т.п.

Казалось бы, ну и что? Каждый, как говорится, «выбирает для себя...». Знай служи себе да обслуживай православное население, что бы там оно себе о своей вере ни воображало. «Всех не переделаешь, всем не поможешь». Так?! Но ведь этот «каждый» – возлюбленное чадо Божие: либо уже родившееся в жизнь вечную в таинстве Крещения, либо призываемое к ней. И если соблазном для немощного послужила неадекватная адаптация Церкви к реалиям мира сего, то, не снимая ответственности (меру которой один Бог ведает) с поддавшегося и заблудшего, нам уместно вспомнить грозное предостережение Спасителя: *...невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят* (Лк. 17:1).

Духовное выживание

Тут очень важно понять, что такое адаптация. Это приспособление организма к условиям окружающей жизни, с целью сохранить свою. Внимание: жизнь! Не внешние признаки, не шкурку, не костно-мышечную систему, а жизнь и, по возможности, здоровье, для которого, конечно, важно в каком состоянии и внешний покров, и телесная основа, но первое без жизни – чучело, а второе – тушка, труп, который, конечно, можно заморозить, а то и забальзамировать, но суть от этого не изменится.

До тех пор, пока происходит именно адаптация христианства к жизни, точнее, к выживанию в миру, т.е., пока происходящие в Церкви изменения способствуют наиболее полноценной жизни во Христе, наиболее чистому осуществлению Евангелия в жизни каждого христианина, наиболее адекватному его распространению (и тут важнейшую роль играет богословие, как «перевод на человеческий язык» вечных истин Божественного Откровения), а во внешних формах церковной жизни (богослужбной, управленческой и пр.) наиболее адекватной структуризации – это все и есть адаптация в истинном смысле.

К сожалению, часто под адаптацией человека, в частности христианина или Церкви, понимается банальное приспособленчество, позволяющее сохраниться, как говорится, «в качестве белкового тела», за счет ущерба жизни во Христе. Точно так же, как человек, идя на сделку с совестью, пре-

давая себя и других людей, калечит свою душу, уродует свою личность, разрушает самое ценное в себе, ради чего, собственно, стоит жить, при этом (а может, и благодаря этому), быть может, весьма преуспевая, по мирским понятиям, в жизни (в том числе и церковной), так же калечится и разрушается церковная жизнь, когда, ради сохранения ее институтов, инфраструктуры, внешне «мирного и благоденственного жития», ради того, чтобы ей «всегда быть со своим народом» (в контексте архетипа «народ и партия едины»), ее жизнь повреждается ложными истолкованиями Священного Писания и высказываний свв. Отцов (иногда их вырванным из контекста цитированием не к месту), ложными стереотипами поведения, выдаваемыми за традиционные ценности и т.д. – всем тем, что препятствует в нас жизни во Христе, лжет о Христе, сбивает с дороги к Нему.

Святая Церковь и ее «темный двойник»

В течение последних десяти лет, из которых особенно последние полтора года, нередко приходилось слышать: «когда-то мы пришли в другую Церковь». Нет, не в другую. В эту же самую. От того, что в ее среде стало больше людей, с которыми чувствуешь моральную несовместимость, то ли оттого, что многие старые добрые знакомые по церковному кругу общения, в самом деле, изменились в худшую сторону, то ли просто больше информации в открытом доступе (в т.ч. и ложной) – сама Церковь от всего этого другой не стала. Кто внутренне уклоняется от следования за Христом крестным путем Его заповедей, тот не может быть Его учеником (см.: Мф. 10:38), отпадает от Христа, а значит, и от Церкви.

И если говорить о конкретной Поместной Церкви, все равно неуместно говорить так, словно вместе с носителями определенного воспитания и нравственного сознания, отошла в прошлое и Церковь их времени, как если бы вот, условно говоря, в одной ограде была до какого-то момента одна Церковь, а после – другая. Так недопустимо говорить, потому что Поместная Церковь – это всего лишь подструктура Вселенской Церкви. Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь осуществляет себя в мире сем посредством тех форм и структур, которые мы знаем, и которые, да, могут не всегда полноценно соответствовать своему предназначению, но не меняют сути того, что должны осуществлять. Если мы видим творящееся в Поместной Церкви зло, нам не Церковь обличать надо, а зло, которое ее терзает, вводит в соблазн, явно или «неприметно, по малу», обманом отторгая от Христа его чад, внушая им ложные представления о ценностях и нравственных нормах, подменяя Христа в их умах и сердцах.

«Не знаете, какого вы духа» (Лк. 9:55), – отвечает Спаситель ученикам на их железобетонный аргумент от Ветхого Завета, когда они просили разрешения спалить огнем небесным самарян. Как после этих слов, после этого укора и одновременно предостережения, можно оправдывать войну примерами из Ветхого Завета? Что это, как не произвольное отречение от Нового Завета, а значит и от Христа и Его Церкви? Что это, как не отпадение от нее?..

Церковь – это Христос во главе тех, кому Он Путь, Истина и Жизнь (см. Ин. 14:6), кто, по крайней мере, старается последовательно жить соответственно этому пониманию. В наши дни, как никогда прежде, актуальны размышления С.И. Фуделя о «темном двойнике Церкви» – размышления мало, кем, к сожалению, понятые. Рубить сплеча всегда было проще, чем распутывать. А если речь о переплетенности «по живому»?..

Использованная литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988.
2. *Болотов В. В., проф.* Лекции по истории Древней Церкви. Т.2: История Церкви в период до Константина Великого. М.: Спасо-Преображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь, 1994.
3. *Евсевий Кесарийский.* Церковная история. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013.
4. *Свт. Иларион (Троицкий).* Христианства нет без Церкви. – М.: Православная беседа, 1992.
5. *Прп. Исидор Пелусиот.* Толкование на Рим.1: 32 в письме диакону Феологию // Прп. Исидор Пелусиот. Письма. Книга II [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Pelusiot/pisma-kniga-2/#0_563 (дата обращения: 07.09.2023).
6. *Казанский П.И.* История Православного монашества на Востоке. Т.1. М.: Паломник, 2000.
7. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000.
8. *Филарета (Калачёва), игум.* «Путь и истина и жизнь»: Истоки и становление игуменского служения. М.: ПСТГУ, 2019.

Иерей Анатолий Высоковский
(Калининград, Россия)

МИССИЯ МИЛОСЕРДИЯ, КАК ФОРМА СЛУЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ-ХРИСТИАНКИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика служения женщины-христианки, на основе анализа раннехристианских источников и его синтеза с современным опытом. Озвучиваются духовные практики, присущие освоению больничного служения. Делаются выводы о внешних и внутренних факторах женской миссии в Церкви.

Ключевые слова: Миссия, служение, вера, молитва, женщина-христианка.

гла

Сейчас уже не так просто вспомнить то время, когда в учреждениях Минздрава рядом с людьми в белых халатах появились люди в черных рясах, а вместе с ними женщины в белых косынках с красными крестами. Чем было обусловлено их присутствие в больнице и какие последствия оно повлекло за собой в последующие годы? Нужно ли верующему лечиться? Зачем молиться, если всё равно болеешь? Почему не исцеляют церковные таинства? Эти и подобные им вопросы постоянно сопутствуют служению христианина в больнице, но все-таки главным остается вопрос об осмыслении значения этого служения, которое по правильно-му называется богословским термином «*миссия*». Этот термин, согласно словарям, включает в себя многие понятия, но самым значимым для нас, пожалуй, станет «*предназначение*».

Подобно тому, как для врачевания болезней нужно время, когда само исцеление узнается по изменениям симптоматики, так и когда речь идет об обобщении накопленного опыта необходимо время, чтобы такой синтез и анализ стали возможными и смогли состояться. Эта статья – попытка осмысления опыта больничного служения Церкви последних десятилетий и, прежде всего, осмысления, его как служения, как миссии милосердия, осуществляемой по преимуществу женщинами-христианками.

Каждый из нас знает, как нелегко дается человеку тот род деятельности, который не является для него основным, но при этом для своей успешной реализации необходимо ориентирован на наши силы и время. Кроме того, подобная деятельность требует от нас дополнительного ресурса в виде новых теоретических знаний, прикладных навыков и умений. Но самое главное заключается в том, что, посвящая себя новой деятельности, мы по большей части не отдаем себе до конца отчета в том,

как она в свою очередь повлияет на нас, и какие изменения произойдут с нами в результате этих трудов. И здесь мы по праву можем говорить о служении как о повседневном потому, что оно продолжается и простирается далеко за пределы больничных стен и даже границы храмов, охватывая как жизнь тех, кто обратился за помощью, так и жизнь тех, через кого эта благодатная помощь приходит.

Миссия – основа любого христианского служения. Суть значения этого латинского слова определяется одновременно как через «*посланичество*», так и через «*предназначение*». Когда священник совершает богослужение в пространстве храма большинству людей понятно в чем состоит его миссия, как предназначение. Когда же священник совершает богослужение в больничном учреждении, это понятно уже значительно меньшему количеству людей, но тем не менее остается интуитивно понятным в чем состоит его миссия-предназначение. Но если вопрос будет поставлен о посланничестве, то здесь уже далеко не многие сориентируются кем, а главное – для чего, был послан священник для совершения своей миссии. И уже совершенно отдельно можно поставить вопрос о том, в чем состоит миссия женщин сестер милосердия в больнице. Ответ на этот вопрос настолько несправедливый, что подчас внятного и однозначного мнения мы не услышим даже от священнослужителей, и это не аггравация.

Истоки и начала путей, как, впрочем, всегда, следует искать в истории Церкви. Здесь самый достоверный и богатый материал подает нам Священное Писание и опыт Святых Отцов. Сразу следует отметить, что христианская мысль по отношению к женщине во многом унаследовала античные традиции [2]. В силу того, что жизнь женщины в поздней античности продолжает оставаться непубличной, писателей современников практически не интересовало как организована и её личная жизнь внутри семьи. Женщина, живущая вне брака, на протяжении многих веков древности рассматривается главным образом исключительно как вдова. Одиноким благочестивым женам, такие как Руфь, Юдифь и им подобные, выглядят хотя и почитаемыми, но скорее исключительными примерами. Отсюда понятно желание авторов раннехристианского периода, в том числе и богодухновенных, к осмыслению по преимуществу статуса и служения вдов (Деян. 6:1-2; 9, 36-42; Иак. 1:27; 1Тим. 5:3-16) [1], и в смысле их социальной защищенности присущей скорее Завету ветхому (Втор. 14:28-29; 16:10-14; 24:17; Исх. 22:22; Мал. 3:5) [1], но еще более к образу их благочестия и подвижническому нраву в назидание многим (Лк. 2:36-38; 4:25-26; 7:11-15; 18:2-5; Мк. 12:41-44) [1]. Согласно современ-

ным исследованиям данного вопроса [6; 7], можно выделить следующие категории в контексте служения женщин в раннехристианской церкви: служительницы Церкви – диакониссы; организаторы культа Святых мест и паломничеств; благотельницы – эвергетиссы. Совмещение этих аспектов в контексте раннецерковной традиции объединяется понятием миссии, непосредственно связанной с благочестием, богомыслием и всяческим самоограничением, и направленной согласно христианскому учению на служение Богу и людям. Вместе с тем нельзя игнорировать неизбежность тенденции распространения епископатов, которая с одной стороны явилась как неотъемлемая часть организации церковного администрирования, априори включающего только мужской пол; с другой же – неминуемо способствовала некоторому умалению женского служения в Церкви. К началу средних веков женская миссия в Церкви более всего представлена аскетизмом и подвижничеством, идейно сконцентрированным соответственно вокруг монашества и монастырей. Молитва и служение ближним становятся для таких жён заменой семейной жизни, а приоритеты духовной борьбы заменяют участие в жизни общественной и политической. Однако, аскетический идеал женщины-христианки не всегда был созерцательно-пассивным, благочестие достигалось и путем самозабвенного служения людям, доходящего порой в идеале до крайней формы любви – самопожертвования.

Новое звучание служение женщины-христианки в миру приобретает в средние века на христианском Западе и к середине XIX века в России. Но если в Европе это имело причины, в первую очередь, общественно-политические, подкрепленные специфическим пониманием женской аскезы через социальное служение близкое к материнству (создание при женских монастырях приютов и домов милосердия); то в России – это явилось в первую очередь реакцией на обмирщение слившейся с государством Церкви, и неизбежно следующим за этим упадком духовной ценностей. Первым сигналом стала огромная нехватка медицинских сестёр во время войны 1812 г., именно тогда вспомнились старинные традиции служения раненым известные еще по указам Петра I, затем последовала Крымская война [4]. Вместе с тем, это явление открыло для христианского сознания новый духовный пласт, выдержанный и выстраданный веками домостроя, когда настало время переосмысления миссии женщины-христианки, традиционно сводившейся на Руси исключительно к материнству. Здесь на первое место выступает служение сестры-милосердия, обусловленное новыми, кровавыми войнами, и роль сестры

во Христе, способной по-матерински разделить и поддержать нелегкую солдатскую долю. Явление это, послужившее ко благу, стало вместе с тем и настоящей попыткой вернуть Церкви девственное по искренности и чистоте по смыслу известное с древних времен служение женщины-христианки. Необходимо отметить и то, что в возрождение этого служения влились как влиятельные и сильные мира сего, так и наилучшие представители из монашествующих, памятуя о том, что русское женское православное монашество достигло наивысших пределов и вершин святости, именно благодаря воплощению в своей исконной молитвенно-иноческой сущности подвига истинной христианской любви, выраженного в жертвенном служении ближним делами благотворения и милосердия, превышающего подчас и сами силы женской природы.

Здесь закономерно будет перейти к следующему вопросу: существует ли какая-нибудь специфическая духовная практика для освоения этого служения. И тут как никогда важно, понимать, что Заповеди Божии едины для всех, нет специальных заповедей у монахов (не путать с обетами), равно как и нет каких-то «отмен» Заповедей для живущих в миру. Подобно этому и духовность во Христе едина для всех, и может различаться лишь по плодам Святого Духа и по формам служения. Именно в формах служения мы и должны проявлять усердие, примеряя их к себе, чтобы привлечь и стяжать благодать Духа единого для всех – *«Люди могут быть равны между собой лишь в одном – в своем неравенстве перед Всевышним Богом»* [5]. В свете сказанного глубоко ошибочно будет воспринимать личные откровения и суждения даже самых уважаемых с точки зрения веры и духовности людей за церковные догматы и тем более Заповеди. Да, путь христианина – это путь откровения Духа в его душе, но в тоже время – этот путь ничуть не умаляет значимости Заповедей Божиих в жизни людей и, тем более, в деле их спасения, но Божие Откровение, данное роду человеческому, стоит превыше всего! *«Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, анафема да будет. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, анафема да будет»* (Гал.1:8-9) [1].

Молитва – главное и универсальное лекарство души. Молитвой душа обращается к Богу и общается с Ним, и через молитву приходит исцеление благодатию Божией. Именно поэтому так важно учиться молиться самому и подавать в этом ясный и непорочный пример для других. Здесь уместно и справедливо будет отметить, что научить невозможно,

но можно научиться. Это ещё одна важная и необходимая сторона миссии милосердия – молиться за страждущих и как можно чаще молиться вместе с ними. Причем молитва здесь в больнице это не только молитва священника с произнесением специальных прошений о выздоровлении, но и та непрекращающаяся человеческая скорбь, вызывающая от сердца страдающего к сердцу страждущему, которую растворяют своей заботой и участием сестры милосердия. Именно такой образ бытия оздоравливает, а значит – делает всех нас лучше и чище – «Православие – это когда сердце сердцу зов подает» [8].

Попробуем взглянуть на людей, находящихся на лечении в больничных учреждениях, другими глазами – что это за люди? В первую очередь, конечно, больные и, естественно, в большинстве своем страдающие, но при этом они являются и страждущими по вере. Ведь даже верующий человек знает, как непросто протекает время болезни, даже с молитвой и упованием на Бога. Время болезни – это время, когда человек остается словно бы наедине с самим собой, и в первую очередь со своими грехами, которые и являются главной составляющей нашей боли. Как важно в это время не пасть духом, не предаться другим тяжким: унынию, ропоту, отчаянию, ненавистничеству и т.п., именно в это время необходим рядом человек, со-чувствующий и со-страдающий, способный помочь и поддержать не только заботой, но и верой с молитвой. И тогда, воссоединенные Единым Духом, мы становимся друг для друга не просто помощниками и волонтерами, но много большим – братьями и сестрами во Христе!

Что бы человеку стать поистине верующим необходимо, при содействии Святого Духа, приложить немало всесторонних усилий, как со стороны самого человека, так и со стороны осведомленных людей, опытных и грамотных. Такой подход требует времени и сил, которых в условиях больничного служения зачастую просто нет; но не отказываться же, просто делая свое дело молча...? Здесь нам на помощь должно приходиться понимание того, что люди, встречающиеся нам, хотя и иные – часто совсем не похожие на нас ни своим поведением, ни жизненным опытом – тем не менее, именно благодаря нам и нашему участию могут стать с нами едиными. А это значит, что мы с ними вместе можем составлять единую Церковь Христову. Вот как об этом говорит румынский исповедник, священник Георгий Калчу:

«Церковь Христова жива и свободна. В ней мы движемся и существуем через Христа, являющегося главою Ея. В Нём мы имеем полноту сво-

боды. В Нём мы познаем истину, и истина делает нас свободными (Ин. 8:32). Ты находишься в Церкви Христовой всякий раз, поднимая согнутого скорбью, или подавая нищему, или навещая больного. Ты в Церкви Христовой, когда взываешь “Господи, помоги мне”. Ты в Церкви Христовой, когда ты добр и терпелив, и отсекаешь гнев на брата своего, даже если он ранил твои чувства. Когда молишься “Господи, прости его!”. Если ты честно трудишься на своей работе, возвращаясь домой уставшим, но с доброй улыбкой на устах, когда ты на зло отвечаешь любовью – значит ты в Церкви Христовой. Посмотрите, как близка Церковь Христова. Ты – Петр, и Бог строит Свою Церковь на тебе. Ты – камень Его Церкви, который ничто не сможет одолеть... Ощути плечо брата рядом с тобой. Никогда не спрашивай: “Кто он?”, но говори: “Он не чужой. Он – брат мой. Он, как и я, – Церковь Христова.”» [3].

Лучших слов для увещания всех нас в служении Богу я просто не знаю!!

Использованная литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод). М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.
2. Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009.
3. Калчу Георгий, *свящ.* О призыве Христа, созидании храмов, земле и небе. семь слов к молодёжи // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/116021.html>.
4. Козловцева Е.Н., Ефимушкина Е.В. // Общины сестер милосердия Российской империи в 1844- 917 гг. / под ред. свящ. А.В. Постернак. М.: ПСТГУ, 2019.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: ТЕРРА – Книжный клуб: Республика, 1998.
6. Постернак Андрей, *священник.* Служение женщин в Древней Церкви // Служение женщин в церкви: сборник статей / под ред. Постернак А.В. – М., ПСТГУ, 2011. – С. 383–388.
7. Рышковская А.Ю. Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском Востоке. Дисс... канд. ист. н. Белгород: БелГУ, 2014.
8. Серафим (Роуз), *иеромон.* Приношение православного американца: Сб. тр. о. Серафима Платинского. 4-е изд. М.: Братство преп. Германа Аляскинского, Платина, Калифорния: Русский Паломникъ: Росс. отд-е Валаам. Общ-ва Америки, 2003.

Сухоруков В.Д.
(Санкт-Петербург, Россия)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИНСТИТУЦИИ РУССКОЙ ШКОЛЫ¹

Аннотация. Подчеркивается масштабность русской школы и ее роль в общественном развитии. Выделяется гуманитарный характер институций школьного образования. Акцентируется внимание на сущностной оценке институций воспитания и обучения. Ставится вопрос о признании педагогического образования и педагогики национальным достоянием и наследием, ответственным за воспроизводство коллективного мировоззрения и социальной гармонии российского общества.

Ключевые слова: русская школа, институции воспитания и обучения, педагогическое образование и педагогика.

Русская школа прошла длительный путь развития. Её документальная история начинается с X в. Благодатной почвой для создания первых учебных заведений на Руси стало принятие христианства, которое способствовало быстрому распространению новой духовной культуры. В XI столетии школы образуются уже по всей территории русских владений. При этом чаще всего они строились при монастырях и храмах, так как священники считались самыми образованными людьми. Существовали на Руси в те времена и специальные школы «высшего типа». В них учащиеся готовились к различной государственной и церковной деятельности.

Исторические данные свидетельствуют о том, что постановка школьного дела в России изначально характеризовалась единением с текущей жизненной реальностью и культурно-религиозной традицией. При этом русская школа развивалась как православный и государственный институт, поскольку в народном образовании активно участвовала Церковь и было заинтересовано государство.

Современная русская школа по существу определяет возможности эффективного решения всех вопросов организации и обустройства текущей и перспективной жизни. Важнейшим инструментом функциональной практики отечественной школы выступает *институция* как движущая сила определенных видов деятельности. Институция не возникает произвольно, но выражает объективные потребности народа и

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта для выполнения научно-исследовательских работ научно-педагогическими работниками федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» БВГ «Институциональные функции Всемирного наследия: образование и просвещение».

государства. Институция обладает характерными признаками, нормами и правилами существования, способностью передвижения и укоренения в тех или иных общественных структурах. В общем и целом институция определяет статусность практики и ее построение, создает определенные социальные портреты, формирует смысловые картины, задает ролевые функции, регулирует поведение всех своих участников [5]. Тем самым институция в своей основе всегда носит гуманитарный характер.

Ведущими для русской школы были и остаются *институции воспитания и обучения*.

Институция воспитания существует и развивается вместе с формами народной и государственной жизни. Воспитание, утверждал К.Д. Ушинский, стремится удовлетворять величайшую потребность человека и человечества в усовершенствовании собственной природы. При этом школа, воспитатель и наставники, говорил он, вовсе не единственные воспитатели человека. Гораздо сильными могут быть непреднамеренные воспитатели: природа, семья, общество, народ, его религия, язык, история [7].

В действующих условиях особенно востребованным становится целенаправленное массовое воспитание, ибо оно лучше всего помогает укреплять единство нации и общую для всех законность. Через консолидацию и сплоченность народа масштабность воспитания утверждается в своем значении повсеместно. Поэтому в ходе общественных преобразований и переживаемых при этом событий забота о воспитании становится важнейшей политической задачей.

Воспитание с точки зрения педагогической антропологии – это создание «чтойности» человека, то есть того, без чего личность не может состояться [6, с. 723-726]. По существу восходящий рост человека заключается в постоянном поглощении своей неорганической природы для порождения самосознания и рефлексии собственного «неорганического тела» [2, с. 23; 1]. Здесь, очевидно, подразумевается искусство «пропускать сознательное в бессознательное», где, по мнению многих психологов и педагогов, располагаются абсолютно все качества, присущие личности и создающие «индивидуацию» человека [9, с. 216; 9]. Этот процесс в своем содержании представляет овеществление невещественного, когда нечто несуществующее в человеке становится его действительной *вживленной* частью. Подобным образом прививаются способности, суждения, черты характера и духовно-нравственные ценности, которые возвращаются и утверждаются в человеческом организме.

Итак, воспитание объемлет целостного индивида и обладает определенной аксиологической плотностью. Осознание ценностной сущности воспитания должно исходить из жизни и быть очевидным для личности. Без указанного условия воспитание, как правило, ограничивается техникой общения и теряет свое истинное назначение. Здесь следует отметить, что невоспитанность и нравственная испорченность человека лежат в основе как общих преступлений, так и самых тяжких деяния против человечности [4, с. 187].

В современной и конкурентной действительности ощущение целостности человеку придает культурно-цивилизационная *идентичность*. Россия и ее мировоззренческие парадигмы сейчас подвергаются неприкрытым атакам со стороны западной разрушительной идеологии и враждебной политики. Следовательно, категория идентичности обязана рассматриваться в качестве педагогического продукта первостепенной важности. Сейчас требуется особая техника воспитания сопричастности с Отечеством, познания *величия и права России быть сильной* [3, с. 262-267; 6].

Главный вектор педагогической деятельности в нашей стране ныне определяет государственная стратегия воспитания. Она провозглашает приоритет *гражданственности и патриотизма* в содержании ценностей российского общества с целью укрепления его сплоченности. Эта стратегия уже нашла выражение в принятых поправках в закон «Об образовании в Российской Федерации». В нем понятие «воспитание» получило расширенное толкование. Появилось также дополнительное указание, что воспитательная деятельность должна направляться и на формирование у молодежи *трудолюбия* как ответственного отношения к труду и его результатам. Школьникам уже вменяется в обязанность принимать участие в общественно полезной деятельности.

От воспитательного процесса неотделима *институция обучения*. Неразрывная связь воспитания и обучения является аксиомой. Даже тщательное изучение (штудирование) вещей без подтверждающего идеала обычно дает неустойчивые и быстро забываемые знания. Отсюда вытекает нерасторжимость направленной мыследеятельности, воли и духовных сил при достижении полной адекватности созерцающего познания. Тем самым, знания не должны быть нейтральными и вне эмоционального самоопределения, обеспечивающего гуманитарную практику идеальным наполнением. То есть, институция обучения обязана действовать в режиме ответственного единства человеческого сознания

и опыта, отражающего ценностную неслучайность (закономерность) событийных картин и эмоциональный интеллект личности [10; 12].

Высокую педагогическую ответственность в этом направлении несут, прежде всего, гуманитарные дисциплины, в том числе общественно-научные: история, обществознание и география. Особое место здесь занимает география. Ее воспитательные возможности заключаются в том, что это наука не столько о внешнем облике, сколько об умной сущности Земли. Учебная география активно участвует в становлении феноменов гражданственности и патриотизма. Указанные характеристики личности прочно связаны с темой «*Родина*», которая ассоциируется с пространством единичной индивидуальности, но также коллективной «*интерсубъективности*». Следовательно, Родина – это комплекс мировоззрения и глубинная реальность национальной психологии. При этом внутреннее измерение Родины распространяется как на отечество в целом, так и на его части, включая конкретные места пребывания человека.

Для России обучение географии является исключительно ответственной задачей, ибо *Россия – это и есть сама география*. Другими словами, понимать Россию, быть её патриотом и охранителем – значит непременно познавать её географическое пространство и обращать полученные знания в происходящие и морально-нравственные веления. Тем самым география обеспечивает качество российской идентичности, ослабление или утрата которой делает общество беззащитным, склонным к деструктивным тенденциям и саморазрушению. В этой связи процессу обучения географии необходимо придать дополнительные смысловые и дидактические формы трансляции российской идентичности для её последующей манифестации в социальной практике.

В заключении подчеркнем, что главная цель русской школы состоит в энергичном выращивании превосходных по своим качествам людей. Для этого самыми нужными всегда были и остаются педагоги и наставники, от которых происходит действительный эффект воспитательной и учебной деятельности во благо человека. Отсюда следует, что педагогическое образование и педагогика, пронизанные традиционными ценностями индивидуальной и публичной жизни, обрели характерные черты национального достояния и наследия, отвечающего за воспроизводство коллективного мировоззрения и социальной гармонии российского общества.

Использованная литература

1. Бурик М. О понятии неорганического тела человека. URL: <http://propaganda-journal.net/2298.html> (Дата обращения: 11.08.2023)
2. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
3. Громыко Ю.В. Российская система образования сегодня: Решающий фактор развития или путь в бездну? Образование как политическая технология. – М.: ЛЕНАНД, 2019. 368 с.
4. Дюринг Е. Ценность жизни. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.
5. Инишаков О.В. Институт и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции // Экономическая наука современной России. 2010. №. 3 (50). С. 26-38.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
7. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1. Часть физиологическая. URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_chelovek1.html (Дата обращения: 11.08.2023)
8. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
9. Le Bon G. Psychologie de l'Éducation. Paris: Flammarion, 1920. 318 p.
10. Sukhorukov V.D., Gladkiy Y.N. Culture and education as a binding condition for harmonious personal development E3S Web of Conferences 291, 05008 (2021). URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129105008> (Дата обращения: 11.08.2023)
11. Sukhorukov V.D., Gladkiy Y.N. The Principle of the Value Non-Randomness of Humanitarian Education / Proceedings of the 2019 International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Volume 315. P. 90-93. URL: <https://doi.org/10.2991/icpcs-19.2019.21> (Дата обращения: 11.08.2023)

Шувалов А.В.
(Москва, Россия)

О ВОСПИТАНИИ ДОБРОТЫ

Аннотация. В статье проблематизированы вопросы воспитания у современных детей нормального отношения к другим людям, в основе которого способность к децентрации, любви и самоотдаче.

Ключевые слова: воспитание, любовь, истина, доброта.

«Двенадцатилетняя девочка, которую знаю с рождения – из хорошей семьи, умница, сочиняет сказки, мечтает стать клоуном, “чтобы всех веселить” – недавно ввергла меня в шок. Мы говорили с ней “за жизнь”, и она вдруг сказала: “Я никого не люблю!” – “Как никого? А мама? А папа? А сестра?” – “Ну, их я люблю. Своих я всех люблю. А больше никого”. – “Но почему?” – “А вы посмотрите телевизор. Одни пьяницы, террористы и педофилы”.

Задумавшись над таким признанием девочки, я попыталась представить себе мир ее глазами, вообще глазами современного ребенка. Что мы говорим детям, отпуская их гулять одних? “Не входи в лифт с незнакомым человеком, он может оказаться плохим. Не разговаривай с незнакомыми людьми на улице, они могут оказаться мошенниками, которые отнимут у тебя мобильник. Не покупай напитки в алюминиевых банках, там может оказаться гадость. Не покупай соленые сухарики, там канцероген. Будь осторожна, переходя улицу, какой-нибудь пьяный водитель может проехать и на красный свет”.

Недоброе повсюду. Оно может свалиться на тебя даже с неба в виде кислотного дождя. Ребенок живет во враждебном мире. И это естественно, что он его боится и потому заранее, на всякий случай, не любит всех».

Этой историей и связанными с ней переживаниями поделилась наша знакомая журналист. Она попросила прокомментировать ситуацию и по возможности ответить на вопрос: «Как сохранить в ребенке благорасположение к людям и воспитать доброжелательный настрой?»

В одной из песен недавнего прошлого была дана неутешительная характеристика современности, названной «эпохой большой нелюбви». Можно воспринимать такую оценку по-разному, соглашаться или вступать в полемику: история знает разные, в том числе и откровенно жестокие, беспощадные времена. Мы же являемся свидетелями нынешнего века и смрадной атмосферы разрозненного, дезориентированного

и растленного общества. Так стоит ли удивляться откровению ребенка о недоверии и нелюбви к людям, или вернее будет признать наличие проблемы и постараться ее осмыслить?

Любовь является источником и основой человеческой жизни. Без любви, по словам св. апостола Павла, все тщетно, напрасно и бесцельно: если я не имею любви, – то я ничто... (1 Кор. 13:2). Только отчего-то так получается, что и сами мы, как и упомянутая девочка, в своих переживаниях склонны оглядываться по сторонам и видеть недоброе преимущественно во вне, пенять на окружающее нас несовершенство и отгораживаться эгоизмом, начиная им свои мысли, отношения и поступки. Но именно эгоцентрический настрой подавляет в нас любовь и стремление к доброделанию. Видимо поэтому многие родители теперь полагают, что доброта – это пережиток прошлого; что в ребенке надо воспитывать не доброту, а сильный характер, который поможет ему в предстоящей жизни. По мнению таких воспитателей, сегодня процветает тот, кого отличают себялюбие, напористость и умение отстаивать свои интересы любой ценой. Однако наблюдения показывают, что дети с узкоэгоистическими мотивами самоутверждения редко пользуются симпатией, одобрением и поддержкой своих сверстников. А это прямая дорога к одиночеству, отчаянию или озлоблению.

Прежде чем предметно рассматривать вопрос воспитания в детях доброты и пытаться сформулировать психолого-педагогические рекомендации для повседневного пользования, следует уяснить, что тема эта только отчасти является педагогической или психологической. По сути – это духовно-нравственная проблема человека: его решимости преодолеть свой эгоцентризм в стремлении воссоединиться с силами добра или напротив эгоцентрической предрасположенности подпадать под влияние противостоящих им сил зла, впадать в уныние и/или ожесточаться. День за днем в ситуациях нравственного самоопределения мы вынуждены снова и снова решать пожизненно неразрешимую дилемму: либо быть выше себя (выше своего эгоцентризма) и вопреки усталости, лени, скудости, страху прислушиваться к голосу совести, вступаться за правду и справедливость, протягивать руку помощи нуждающимся, делать шаги навстречу оступившимся, трудиться и жертвовать во благо других; либо быть ниже себя (ниже человеческого достоинства), лукавя, пасуя или самоустраиваясь.

Об этом очень емко написал святитель Лука (Войно-Ясенецкий): «По Евангелию, жизнь есть беспредельная борьба света с тьмой в душе че-

ловека. Поле битвы – сердце человеческое. Эта борьба всегда идет и в истории человечества. История – это беспрестанная смена явлений. Меняются нормы жизни, меняются понятия, стареют и уходят в небытие традиции, падают и разрушаются человеческие кумиры, но среди этого вечно волнующегося океана явлений, учений и идеалов остается неизменным одно учение: Любите друг друга, ибо ничего нет больше той любви, как если кто душу свою (жизнь свою) отдаст за друзей своих.

Христос первый не только научил людей этой заповеди, но и первый исполнил ее, отдав жизнь свою за спасение мира.

Пройдут века, тысячелетия, будут сменять друг друга учения, но эта заповедь Христа останется навсегда всесовершенной, незаменимой и непревзойденной. Она дает смысл и существование, силу и волю к жизни» [1].

Чем сложнее и тяжелее времена, тем дороже для людей доброта, сочувствие и соучастие окружающих. Бремя «большой нелюбви» затрагивает всех нас, но оно преодолимо, и это зависит от каждого из нас, от нашего душевного настроя, сердечного отклика и личной устремленности. Вспомним проникновенную проповедь святого апостола Павла: любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине (1 Кор. 13:4-6).

Любовь сорадуется Истине Божественного Откровения, духовно родня и сближая людей. Об этом наглядно поведал в своем наставлении святой подвижник VI-VII вв. авва Дорофей (рис. 1). Он начертил окружность и разъяснил: круг – это мир людей; центр круга – это Бог; радиусы внутри круга – суть пути жизни человеческой; чем ближе человек к Богу, тем ближе он к другим людям; чем дальше люди от Бога, тем дальше они друг от друга [2].

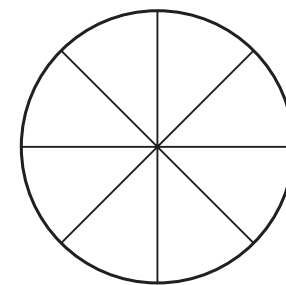

Рис. 1. Наставление преподобного аввы Дорофея

«Человек должен осознать добро необходимостью, иначе он будет мучиться» – поучал старец Паисий Святogорец [3]. Как же современные родители, воспитатели и учителя, родные и близкие могут помочь детям верным образом сориентироваться и определиться в этом насущном жизненном вопросе? Составим конспективную памятку в поддержку взрослым.

Начинайте с себя. Помните, что дети – это наше отражение, старайтесь всегда и во всем быть для воспитанников нравственным примером.

Воспитывать доброту можно только добротой. Трудитесь на ниве добра, поддерживайте в семье, в детской группе, в школьном классе, в творческом коллективе, в спортивной команде атмосферу доброжелательности и взаимопомощи.

Помогайте детям в различении доброго и недоброго, пробуждайте способность замечать в себе движения в сторону добра или зла. Побуждайте ребенка делать выбор в пользу добра, следовать за добрыми влечениями сердца и совести, с ранних лет приучайте к делам милосердия.

Передавайте ребенку нравственное содержание в доступной ему форме: через сказку, беседу, игру и конкретные жизненные примеры.

Замечайте и поддерживайте в детях начатки нравственного, человеческого отношения к ближним, бережного обращения с природой и с результатами чужого труда.

Будьте искренними, не обманывайте ребенка и не вводите его в заблуждение, не уклоняйтесь от важных вопросов, старайтесь своевременно дать доступный ответ и разумное наставление.

Учите ребенка обращать внимание на душевное состояние другого человека, проявлять сердечность и отзывчивость.

Прививайте ребенку привычку доброделания, поощряйте стремление помогать и делиться с ближними.

Привлекайте ребенка к труду, помогите ему увидеть и ощутить, что результаты его усердия кому-то нужны. Учите получать радость от добрых и полезных дел. Оберегайте от потребительства и суррогатных форм удовольствия.

Наберитесь терпения в воспитании. Опирайтесь на то положительное, что уже сложилось или начинает складываться в характере ребенка. Поддерживайте его добрые начинания.

Оберегайте ребенка от прямого пагубного влияния. Это особенно важно в дошкольном возрасте, когда основным способом овладения знаниями и опытом является подражание.

Не оставляйте без внимания порочные поступки ребенка. Учите извлекать уроки из проблемных ситуаций. Разъясняйте неправоту. Воспитывайте способность признавать свою вину, нести ответственность за проступки и исправляться.

И самое главное: духовно бодрствуйте, сорадуйтесь Истине и не оскудевайте любовью, ибо без этого все наши усилия могут оказаться бесплодными и тщетными.

Использованная литература

1. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия // Живая вода: научный альманах / сост. А.В. Шувалов. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2019. Вып. IV. (Серия «Православие. Педагогика. Психология»). С. 14-70.

2. Душеполезные поучения и послания преподобного отца нашего аввы Дорофея с присовокуплением вопросов его и ответов на оные святых старцев Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020.

3. *Паисий Святogорец, преподобный*. Слова. Том II: Духовное пробуждение. Издательский дом «Святая Гора», 2008.

Малякова Н.С.
(Санкт-Петербург, Россия)

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕЛЕОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Необходимость осмысления целей воспитания в условиях социокультурных вызовов к отечественному образованию требует развития педагогической науки с привлечением широкого междисциплинарного знания. Выстраивание стратегии воспитания детей, подростков, молодежи в России требует, в свою очередь, изучения многовекового опыта, закреплённого в педагогических традициях формирования человеческого в человеке. В статье раскрываются пути обращения к общекультурному понятию «телеология» как основе выстраивания целей бытия человека в мире. Выделяется религиозный телеологический аргумент, по которому воспитание определяется установленным Богом порядком гармонии сосуществования природы и человека. С использованием антропного принципа раскрывается телеологическая цель воспитания – развитие моральных задатков человека и освоение моральных законов сосуществования людей в социальном и в природном мире. Рассматриваются телеологические аспекты православной антропологической традиции и пути ее развития в процессе воспитания в современной России. Выделен целевой компонент антропологической традиции, формирующийся в отечественной педагогической антропологии. Показан генезис христианской цели воспитания в России и ее развитие в современном воспитании. Выделены методы освоения православной антропологической традиции в условиях телеологии воспитания.

Ключевые слова: воспитание, цель воспитания, телеология, антропный принцип телеологии, православная антропологическая традиция.

В процессе становления современного российского общества нарастает актуальность осмысления цели воспитания детей и молодежи с позиций гуманитарного знания, дающего широкий взгляд на жизнь человека в гармонии с культурно-историческими традициями. Необходимо понимание, какого человека призвано воспитать современное отечественное образование, какие перспективные идеи должны быть обоснованы и внедрены в практику воспитания, отражая как новые тенденции, так и многовековой культурно-исторический опыт России.

В общекультурном гуманитарном знании обращает на себя внимание понятие «телеология», которое в переводе с греческого, означает «учение о совершенном» и объясняет целесообразность взаимосвязи явлений окружающего мира. В диссертационном исследовании «Трансформация телеологии в неклассической философии» В.А. Куприянов указывает

на то, что истоки телеологии лежат в глубокой древности, обусловленные желанием понять истоки гармонии мира, основополагающие Божественные начала его существования [4].

Исторически довольно долгое время телеология основывалась на том, что первопричиной всего является Бог – Творец мира. Святитель Василий Великий в 1-й Беседе на Шестоднев толкует смысл Библейского выражения: «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт. 1:1), указывая на то, что все творение имеет разумную причину в Боге. Он восклицает: «... прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир», и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотой; из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем вывод о Бесконечном, Превышем всякого величия и по множеству Своей силы превосходящем всякое разумение» [7].

Педагогический смысл телеологии раскрывается с помощью антропного принципа, который требует всестороннего знания о человеке как о предмете воспитания. Начиная от трудов Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского на его основе формируется педагогическая антропология как научное обоснование педагогики. В ее целевом компоненте выделяется антропологическая традиция, которая характеризуется Н.В. Крыловой как способ развития духовности, морали в образовании; как совокупность установок культурного наследия, способствующих формированию человеческого в человеке [3].

Изучение генезиса христианских целей воспитания было предпринято нами в ходе диссертационного исследования на тему: «Становление ценностных основ организации жизни школы» [6]. Сделан вывод о том, что веками в России утверждалась христианская цель воспитания – спасение души человека от власти греха. Об этом повествуют как сочинения Древней Руси («Поучения Владимира Мономаха», «О царствии Небесном и о воспитании чад» и др.), так документы и труды XVIII – XIX вв. («Устав народным училищам в Российской империи», Н.И. Пирогов «Вопросы жизни» и др.). В педагогической антропологии XIX в. она появилась как идея народности в образовании. Так, К.Д. Ушинский в статье «О необходимости сделать русские школы русскими» подчеркивается значение национального воспитания человека, цель которого: «...не быть иностранцами посреди своей родины». Христианская православная традиция была положена в основу идеала человека, на который должна ориентироваться цель воспитания. Н.И. Пирогов, П.Ф. Каптерев, В.Я. Стоюнин рассматривали человека как носителя нравственных,

религиозных, патриотических убеждений, интеллектуально и культурно развитого, готового принять ответственность за сохранение и развитие культурного достояния народа.

В работах конца XX-го века отмечается, что пренебрежительное отношение к антропологической традиции привело к обеднению отечественной педагогики. М.В. Богуславский, в связи с этим, пишет: «Если проследить ... развитие педагогической мысли, то видно, как она год за годом все выхолащивалась, обеднялась, примитивизировалась» [1, с.107].

В то же время, изучение генезиса антропологической традиции в России свидетельствует о ее сохранении в опыте отдельных педагогов. Так, одной из причин ее сохранения было желание взрослых вернуть детям, пережившим тяжелые годы революции, войны ощущение радости жизни. Показателен в этом отношении опыт А.С. Макаренко [5] по формированию человеческих качеств у малолетних преступников, опыт духовного общения между учителем и учеником.

В конце XX – начале XXI вв. начали возрождаться антропологические идеи народности в воспитании. В трудах Е.П. Белозерцева, И.Ф. Гончарова, Т.И. Гончаровой, Ю.А. Троицкого были выдвинуты положения о путях развития русской школы, учитывающих духовные традиции народа.

Анализ современных документов, таких как: «Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 г.», «Национальный проект «Образование», утвержденный в 2018 г. и др. позволяет сделать вывод об определенной преемственности воспитания с антропологической православной традицией в современном образовании. Следует отметить, что христианская цель в документах прямо не присутствует, но и не отрицается, допускаемая в таких формулировках, как: развитие «высоко нравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности». Выделяется понятие «духовность», рассматриваемое достаточно широко, включая в себя и патриотизм, и нравственность, и этнокультурные аспекты, не исключая и православную христианскую религиозность.

На развитие антропологической традиции указывают взгляды В.И. Слободчикова [8] о необходимости формирования образовательной антропологической практики, которая рассматривается им как способ «производства и воспроизводства человечности в новых условиях», способствующий созиданию человека во всей целостности его духовно-душевно-телесных проявлений.

Антропологическая традиция указывает на ценность воспитания духовности человека, обращает внимание на сложившийся в русской культуре опыт, сохраняющий свое значение на разных этапах и в разных социальных условиях. В таблице представлены особенности традиции, осмысленные в рамках научного обоснования деятельности педагогов-антропологов с середины XIX-го в. по настоящее время.

Таблица 1. Антропологическая традиция отечественной школы: воспитание духовности

Этап	Хронологические рамки	Основные характеристики антропологической традиции
Русская школа	середина XIX-го – начало XX-го века	Формирование традиции: понимание человека как единства духовного, душевного и физического бытия; провозглашение идеи народности в образовании; выделение национального идеала человека.
Советская школа	1918 год – сер. 80-х гг. XX-го века	Прерывание традиции. Сохранение отдельных сторон традиции: теория и практика заботы о ребенке, активизация его самостоятельности в процессе формирования духовно-нравственных качеств; выделение духовности во взаимодействии между учителем и учеником.
Российская школа	середина 80-х гг. XX-го века – по настоящее время	Возрождение традиции: понимание человека как ценностно-целевого основания и субъекта образования; возрождение идеи народности в воспитании; ФОРМИРОВАНИЕ антропологической практики образования.

Изучение православной антропологической традиции указывает на ее телеологические характеристики. Об этом свидетельствует классическое понимание телеологии, раскрытое И. Кантом в «Критике способности суждения». Он пишет о том, что в мире нет ничего случайного: «... все в мире для чего-то нужно, в нем нет ничего напрасного, и, исходя из примеров, которые природа дает нам в ее органических продуктах, мы вправе, даже призваны ожидать от нее и ее законов лишь того, что в целом целесообразно» [2, с. 252]. Мыслитель утверждает, что наивысшим проявлением целесообразности в мире выступает человек. Но только при условии, если он наделен моралью, цели воспитания теле-

ологичны, то есть полностью соответствуют гармонии и совершенству природы. Телеология, по И. Канту, призвана способствовать развитию «моральных задатков» человека и пониманию им «морального закона», утверждающего гармоничную целесообразность мира. С точки зрения телеологии, постановка цели любой деятельности должна совпадать с моралью: «Ибо если творение повсюду имеет конечную цель, то мы можем мыслить ее только как совпадающую с моральной целью (которая только и делает возможным понятие цели)» [там же, с. 328]. Таким образом, целеполагание воспитания в отечественной педагогике находит в телеологии перспективы своего развития в области формирования духовно-нравственных основ деятельности человека.

Встает вопрос о способах реализации телеологии воспитания в России с учетом сложившегося многовекового культурно-исторического опыта православного воспитания, являющегося значимой составляющей антропологической традиции. В этой связи обращают на себя внимание методы педагогической антропологии, раскрывающие особенности наращивания человеческого потенциала: биографический и герменевтический (понимающий).

На необходимость разработки биографического метода указывал еще К.Д. Ушинский, считая, что он дает возможность изучать жизнь ребенка во всех ее проявлениях. Его младший современник В.П. Вахтеров обратил внимание на необходимость ознакомления детей с биографиями великих людей: с фактами и событиями их детства, юношества, жизненных достижений. Он считал, что изучение биографии человека способно сформировать впечатление, оказать влияние на нравственное развитие человека. Изучение биографии знакомит не только с действиями, но и позволяет выявить представления, чувства, мотивы человека, раскрыть этапы становления человечности в детстве, юности, зрелости. Биографический метод позволяет, с позиций телеологии, ввести в процесс воспитания ознакомление с житиями святых, с примерами праведной жизни, тем самым демонстрируя образцы человека, руководствующегося христианской моралью.

Герменевтический (понимающий) метод дает возможность понимания, истолкования, раскрытия смыслов духовно-нравственной жизни человека. Герменевтика, в переводе с греческого, разъяснение, истолкование. Следует отметить, что история толкования (разъяснения) смыслов Священного Писания ведет свое начало еще от апостольских посланий. Актуальность метода герменевтики в телеологии воспитания нарастает

в условиях утраты современным человеком смыслов культурных, исторических и антропологических традиций своего Отечества. Не только обучающиеся, но и их учителя зачастую не понимают смысла традиционных праздников, обычаев, легко воспринимают аморальные факты, поступки, не умеют дать им правильную оценку. Герменевтический метод выводит для понимания и интерпретации конкретную воспитательную ситуацию, результаты осмысления которой могут быть изложены в виде устных суждений, письменных творческих работ, отражающих особенности жизненного опыта и ценностей ученика и учителя.

Таким образом, телеология воспитания указывает на духовно-нравственное воспитание как основу наращивания человеческого потенциала и расширяет возможности обогащения педагогического знания этой области.

В.И. Слободчиков и А.А. Остапенко утверждают: «Педагогика — наука о будущем, поэтому её главные основания находятся вверху и впереди и носят ценностно-целевой характер» [9, с. 54]. Опыт воспитания, закрепленный в православной антропологической традиции, выступает не только как механизм сохранения исторической памяти, но и как перспектива развития педагогики в XXI веке в широком междисциплинарном поле.

Использованная литература

1. *Богуславский М.В.* XX век российского образования. М.: ПЕР СЭ, 2002. 336 с.
2. *Кант И.* Критика способности суждения / пер. с немецкого. 2-е изд., стер. СПб.: Изд-во Наука, 2006.
3. *Крылова Н.В.* Антропологические традиции в отечественной философии образования: дисс. ... докт. филос. наук. СПб., 2004.
4. *Куприянов В.А.* Трансформация телеологии в неклассической философии: дисс. ... канд. филос. наук: СПб., 2017.
5. *Макаренко А.С.* Педагогическая поэма. / Вступ. ст., примеч., пояснения С. Невской. - М.: ИТРК, 2003.
6. *Малякова Н.С.* Становление ценностных основ организации жизни школы: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2001. – 182 с.
7. *Василий Великий, свт.* Беседы на Шестоднев // Режим доступа: lib.pravmir.ru/library/book/1427.
8. *Слободчиков В.И.* Антропологическая перспектива отечественного образования. – Екатеринбург: Издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2009.
9. *Слободчиков В.И., Остапенко А.А.* Глобальные практики человекообразования: мировоззренческий формат, методологические основания, типы общественных укладов // Народное образование. 2020. № 6. С. 53-67.

Николина В.В., Фролова С.В.
(Нижний Новгород, Россия)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ЦЕННОСТЬ В ВОСПИТАНИИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ¹

Аннотация. В статье рассматривается важная проблема воспитания традиционных российских духовно-нравственных ценностей на основе исторической памяти и гражданской идентичности детей и молодежи. Рассмотрены особенности формирования данных феноменов, их взаимосвязанность, опосредованных географическим пространством, ценностями духом эпохи, временем, рефлексией. Показано, что традиционные российские духовно-нравственные ценности выступают объединяющим началом воспитания, определяющие исторический строй сознания, его «ценностную ось».

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, культурно-историческая память, гражданская идентичность, воспитание, социокультурная рефлексия.

Гражданское самосознание, чувство общности и солидарности с гражданами своей страны, стремление сохранить историческую память в современных нестабильных реалиях становятся особенно значимыми и обретают экзистенциальное значение для российского государства. В силу искаженного восприятия истории и современного состояния России, повышенной тревожности, не понимания своего места и будущего, сложности социально-политической ситуации, связанной с вооруженным противостоянием у многих не в полной мере сформирована гражданская принадлежность к России и российским традиционным духовно-нравственным ценностям [4, с. 55]. Создание условий для осмысления и формирования национальных российских ценностей как персонально значимых для молодежи имеет ключевое стратегическое значение для сохранения культурно-исторической памяти россиян и национальных традиций, а также формирования устойчивой гражданской идентичности молодежи в условиях меняющегося мира.

Категории культурно-исторической памяти и гражданской идентичности личности являются междисциплинарными феноменами, содержание и структура которых является предметом научных исследований философии, политологии, социологии, истории, психологии, педагогики и др.

Многомерность феномена культурно-исторической памяти и метадисциплинарность его природы и генезиса предопределяет существующую дифференциацию не только в понятийном поле данного синонимического ряда, но и в подходах к определению его содержания. Анализ современных исследований проблемы культурно-исторической памяти в области социологии, философии, истории, педагогики позволил выявить, что с данной категорией тесно сопряжено понятие исторической памяти. Категорию исторической памяти определяют как свойство подлинной истории, «хранилище» исторической правды в сознании личности (М. Хальбвакс), явление общественного сознания, обеспечивающего трансляцию наследия культуры (Н.А. Сеницына); знание о прошлом, дающее образец модели поведения (А. И. Ракилов).

Историческая память и культура неразрывно взаимосвязаны. Данный вывод следует из определения учеными содержания феномена исторической памяти, рассматриваемыми в качестве ее элементов «знание, язык, традиции, ритуал, ценности, символы, устное народное творчество и социально-исторические образы» [2]. Очевидно, что данные категории являются объектами религиозного, культурного, духовного наследия, результатами созидания культуры как духовной деятельности общности и хранения событийной памяти, позволяющей ощущать человеку персональную причастность к Богу своему народу, Родине и ее прошлому, настоящему и будущему. Н.А. Сеницына отмечает, что историческая память оказывает влияние на культуру, определяя культурную идентичность народа [10]. Культурная память вбирает множество репрезентаций форм и конструктов прошлого, связывающих историю, культуру и общество [12, с. 49-50].

Процесс взаимодействия исторической памяти и культуры, структурное содержание категории исторической памяти, ее сопряженность с традицией, обычаем, ритуалом и творчеством, детерминированность социально-культурных экзистенциалов событийным пространством истории позволяет утверждать, что содержание данного феномена эксплицитно представлено в категории культурно-исторической памяти. Очевидна неразрывная связь исторического сознания и социокультурной рефлексии. Традиционно культурно-историческая память определяется через понятие «коллективная память» как память поколений. Созидание культурно-исторической памяти в самосознании молодежи напрямую связано с понятием «педагогики памяти» или «педагогики исторической памяти», которую М.В. Соколова определяет как отрасль педагогического

¹ Статья подготовлена за счет бюджетных средств в рамках выполнения государственного задания № 073-2023-029 от 27.01.2023.

знания, определяющая «принципы воспитательного воздействия в той сфере общественных интересов, которые напрямую связаны с функционированием коллективной памяти о прошлом» [11 с. 95].

В узком смысле, культурно-историческая память является личностно-смысловым многомерным образованием духовного и когнитивно-интеллектуального порядка в структуре мировоззрения, определяющим ценностное отношение личности к истории на основе формирования исторической эмпатии и сопереживания, определяющим представления о мире, формирующим интенциональное устремление к сохранению исторической правды. В широком контексте понимания данной категории, культурно-историческая память проявляется в коллективном «согласии» с интерпретацией образа прошлого и нормативной модели культуры, коллективной сопричастности общества к истории и судьбе своего народа и государства, единстве ощущения исторической эмпатии. Созидание культурно-исторической памяти реализуется от индивидуально-личностного контекста к коллективному, поколенческому и межпоколенческому, что порождает такой феномен как «коллективная память», определяющее национальное самосознание через процесс коммеморации (сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого). В определении педагогических контекстов формирования культурно-исторической памяти мы обнаруживаем значимость соблюдения фокуса на балансе «индивидуального» и «коллективного». Л.П. Репиной данный феномен рассматривается в качестве «совокупности донаучных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [7]. Таким образом, традиционный подход рассматривает данный феномен через плоскость когнитивной сферы сознания личности как процесс аккумуляции совокупности ментальных позиций, воспроизводящих прошлое.

Однако, на наш взгляд, значимым элементом данной категории является, прежде всего, глубокое понимание и осознание геополитических и исторических закономерностей, последствий того или иного событийного решения, что позволяет избежать субъективной, поверхностной оценки и интерпретации истории как образа прошлого. Когнитивная сфера сознания личности является лишь одной из первых «ступеней» в формировании целостной картины мира на основе культурно-исторической памяти.

Осознание истории и ее значения формирует отношение к ее разнообразным событиям, рождает личностно-смысловое поле ценностей, определяя гражданскую идентичность личности. Именно поэтому куль-

турно-историческая память – феномен многомерный, вбирающий несколько структурно-функциональных компонентов сознания личности:

- когнитивный – знание истории, когнитивных событий, понимание значения тех или иных исторических событий традиций для истории страны, исторических закономерностей;
- эмоционально-волевой – «активное» отношение к истории, историческим событиям, формирование исторической эмпатии и сопереживания; стремление к сохранению «исторической правды» в сознании народа;
- аксиологический компонент – формирование значимых убеждений, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; осознание гражданского долга как персонально значимой ценности, ценности Родины, гражданского самосознания личности и общества;
- аффективный компонент – формирование устойчивой модели поведения, основанной на деятельной любви к Богу, Родине и своему народу, гражданской ответственности, справедливости, активной гражданской позиции, взаимопомощи и поддержке.

Значимым для исследования культурно-исторической памяти и гражданской идентичности является идея М. Хвальбакса о взаимосвязи данных категорий: «Различия коллективной памяти разных сообществ определяются нарративами, где они моделируют свое прошлое. С изменением сообщества происходят изменения и в рассказе о прошлом и идентичности» [12; с.59]. Таким образом, гражданская идентичность личности во многом определяется культурно-исторической памятью.

Категория культурно-исторической памяти поколения не может рассматриваться вне контекста сознания, мировоззрения и покаяния личности. Покаяние сегодня – главная педагогическая ценность рассматриваемая, как изменение помыслов, изменение образа через восхождение личности [5]. Культурно-историческая память является конструктом в сознании личности, определяющим образ ее гражданской идентичности. Мы рассматриваем категории культурно-исторической памяти и гражданской идентичности в единстве, как духовно-ментальные конструкции, находящиеся в амбивалентной зависимости по отношению друг другу, их ядром являются традиционные национальные ценности.

Таким образом, модусы культурно-исторической памяти проявляются в неразрывном единстве интерпретации историко-событийного пространства и духовно-деятельного воспроизводства культуры на со-

циетальном уровне (сфера общественного коллективного сознания и памяти) и на индивидуальном уровне (конструкт персонального сознания и мировоззрения), определяющим гражданскую идентичность как отдельной личности, так и народа, в целом.

Исследователи определяют гражданскую идентичность как осознание личности собственной «принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, значимости участия в социальной и политической жизни страны [3]; «динамичную систему качеств личности, воспринимающей и позиционирующей себя в качестве члена гражданского общества (Ю.А. Семенова [9, с. 9-10]).

Взаимосвязанность категорий культурно-исторической памяти и гражданской идентичности проистекает из самой природы феномена идентичности личности и процесса ее идентификации. Процесс формирования личностной идентичности опосредован социальным пространством, ценностями духом эпохи, временем, взаимодействием с социальными институтами.

На основе анализа исследований, посвященных содержанию понятий культурно-исторической памяти и гражданской идентичности, нами определены их структурные компоненты: «знание – оценивание – отношение к Богу, Родине, своей стране, месту проживания, своим предкам, семейным традициям – ценностное восприятие – эмпатия – самоидентификация».

Существование противоречий в современном обществе, непрекращающиеся попытки манипуляции исторической памятью, декодирование традиционной системы ценностей, стирание православных, национальных культурных контекстов и редуцирование национальных идеалов препятствует нравственной и гражданской консолидации современного общества в период значимых коренных преобразований. Вместе с тем, в условиях информационных и экономических войн, социокультурной и геополитической нестабильности феномен культурно-исторической памяти является фундаментальным элементом национальной гражданской идентичности современного общества. Стратегия метадисциплинарной рефлексии и педагогических измерений культурно-исторической памяти и гражданской идентичности детей и молодежи позволит сегодня определить ключевые национальные ценностные идеи воспитания, способствующие не только укреплению национального самосознания, но преодолению духовных социальных кризисов настоящего и будущего, обретение добродетели воспитанности у подрастающего поколения.

Использованная литература

1. Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Гончарова А.В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С.134-141.
3. Егоров Е.О. Гражданская идентичность в условиях современной глобализации. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. 09.00.11. – Социальная философия. М., 2015, 21 с.
4. Николина В.В., Лоцилова А.А. Механизм формирования гражданской идентичности молодежи на территории новых субъектов Российской Федерации//Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология, 2023, Вып. 70 с.53-65
5. Остапенко А.А. Начала со-образной педагогики//Десятые Пюхтицкие чтения 11-12 декабря 2021. – Куремяэ, Эстония 2021, с. 39-45.
6. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. – М., 1982. – С. 10.
7. Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 9-18.
8. Рыбаков Сергей (Протоирей) «идеальный образ» как источник аксиологической фокусировки воспитания//Десятые Пюхтицкие чтения 11-12 декабря 2021. – Куремяэ, Эстония, 2021 с. 23-29.
9. Семенова Ю.А. Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире: философско-антропологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. Челябинск, 2012, 22 с.
10. Синицына Н.А. Историческая память как регулятив современной культуры: социологический анализ. Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 220006 – социология культуры, духовной жизни. Майкоп, 2008, 24 с.
11. Соколова М.В. Педагогика исторической памяти: границы понятия / М.В. Соколова // Ярославский педагогический вестник – 2013 – № 1 – Том II (Психолого-педагогические науки) – С. 92-98
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007, 348 с.

Гусакова В.О.
(Санкт-Петербург, Россия)

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. Д. УШИНСКОГО

Аннотация. В статье представлен краткий обзор основных статей и частично главного труда по педагогической антропологии К. Д. Ушинского, в которых определено направление воспитания человека в России. Проанализировано понятие Ушинского «национальный воспитательный идеал» в контексте «идеалов» других стран и обоснована актуальность его содержания применительно к современной педагогической практике. Педагогическое наследие Ушинского рассмотрено в контексте его жизненного пути и тесной взаимосвязи с собственным жизненным опытом.

Ключевые слова: Ушинский, традиции православной культуры, воспитание, народный воспитательный идеал, труд.

Родоначалником отечественной педагогической науки считается Константин Дмитриевич Ушинский. Именно ему удалось оставить потомкам богатейшее научно-педагогическое наследие, основанное на глубоком переосмыслении традиций православной культуры в воспитании человека.

Детство и отрочество Константина Ушинского проходили в атмосфере традиций, одной из которых стало начальное семейное воспитание и образование, полученное от матери. Несмотря на раннюю смерть, она сумела сформировать у сына традиционные для православной культуры представления об особом предназначении женщины – воспитательницы детей: «Что женщине врождено стремление учить и развивать своё дитя и вместе с тем даны и необходимые для этого способности, в этом не может быть сомнения» [6, с. 242].

Во время обучения в Новгород-северской гимназии Ушинский встретил настоящего учителя. Им стал директор гимназии И. Ф. Тимковский. Ушинский вспоминал: «Мир праху твоему, почтенный старец! Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба, служением науке, твоим благоговейным уважением к ней и твоею постоянною верою в другую, гораздо более высшую святую, ты посеял в сердцах своих воспитанников такие семена, которые да поможет им бог передать своим детям и воспитанникам. Искренние ученые стремления и глубокие религиозные убеждения, соединявшиеся в незабвенном Илье Федоровиче, имели сильное влияние на гимназию» [1, с. 46-47].

В 1840 г. Ушинский поступил в Московский университет на юридический факультет. Следует отметить, что до 1917 г. юридический факуль-

тет выпускал не узко образованных специалистов, а высококультурных и разносторонних, способных глубоко мыслить и творчески развиваться, людей, для которых земные законы сопрягались с Законом Божиим. Здесь Ушинский увлекся историей и серьезно задался вопросом о своем предназначении: «Конечно, этот труд достаточен, чтобы наполнить много жизней, – но угадал ли я свое направление? В нем ли я найду успокоение? Не лень ли только гонит меня от поприща фактической деятельности? Не был ли бы я для нее способнее? Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю? Доставит ли она что-нибудь незрелому народу? Вот вопросы, которые должен я разрешить в следующих днях. И еще: станет ли у меня внешних средств предаваться постоянно и долго этому занятию, не обещающему никакого вознаграждения» [1, с. 47].

В 1846 г. Ушинский начал работать в Ярославском Демидовском лицее, но так как его взгляды не всегда находили позитивный отклик у коллег, то в 1849 г. он вернулся в Санкт-Петербург.

В 1854 г. он поступил на должность преподавателя русской словесности и законоведения в Гатчинский Николаевский Сиротский институт, а уже 14 июля 1855 г. стал инспектором классов. Здесь Ушинский сосредоточил усилия на решении злободневных проблем: установление взаимосвязи между общим и специальным образованием и воспитанием, развитие талантов воспитанников с целью определения призвания в жизни, организация трудовой деятельности и внедрение принципа народного образования в педагогическую практику. Решение этих проблем виделось им в возвращении к традициям православной культуры, но на новом витке времени, в котором наметилась новая проблема – нигилизм. Изучив современную педагогическую литературу и оценив ее состояние как неудовлетворительное, Ушинский указал, что идеи педагогики не могут заимствоваться с запада, а литература «должна быть самостоятельной, народной» [2, с. 16].

Отметим сразу, что под понятием «народный» Ушинский понимал не «принадлежащий народу», как это нередко трактовали в советских источниках, а традиционный, характерный для России с ее исконно христианскими ценностями.

Для формулировки понятия «народный воспитательный идеал» Ушинский исследовал закономерности развития воспитательной системы за рубежом и доказал, что каждый народ следует своей традиционной системе воспитания, отвечающей его потребностям, но имеющей «одно-

образную» основу – «классицизм, общее европейское наследие, и христианство, перешедшее в духовную жизнь новой Европы, через посредство Рима и Византии, двух великих педагогов всех средних веков» [3, с. 74].

Ушинский подчеркивал важность «народности» именно в педагогике. В отличие от науки, которая «принимает в область свою только те выводы, которые справедливы по законам общего человеческого», «воспитание берет человека всего, как он есть, со всеми его народными и единичными особенностями, – его тело, душу и ум, – и, прежде всего, обращается к характеру человека; характер и есть именно та почва, в которой коренится народность» [3, с. 69–70].

По мнению, Ушинского, воспитание имеет целью формирование в человеке идеала, который может быть только народным и выражать национальные ценности, и потому идеал немца – «немецкий ессе homo, совершеннейший немец», «универсальный человек, гражданин мира», идеал англичанина – «истинный джентльмен»; француз ценит «внешний блеск, тщеславие и материальную пользу», а «посреди самой развитой американской жизни, где все так хорошо, так полезно устроено, русскому человеку будет скучно и неуютно посреди всеобщего комфорта» [3, с. 80].

Положенная Ушинским в основу воспитания «идея о человеке» должна отвечать на вопрос: «каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития» [3, с. 80]. Он справедливо заметил, что «каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Всякий народ в своей литературе, начиная песней, пословицей, сказкой и оканчивая драмой и романом, выражает свои убеждения в том, каков должен быть человек по его понятию. Он украшает этого идеального человека всеми лучшими качествами души своей, и если народный идеал человека не всегда сообразен с правилами строгой христианской нравственности, то это только потому, что сама христианская нравственность не вполне еще укоренилась в том или другом народе; но каков бы ни был этот идеал, он всегда выражает собой степень самосознания народа, его взгляд на пороки и добродетели, – выражает народную совесть» [3, с. 122].

В 1858 г. Ушинский получил назначение на должность инспектора Смольного института. Помимо проведенных реформ, заслугой Ушинского в Смольном институте стала систематизация процесса образования, в основу которого легло изучение родного языка, который является выразителем ценностной основы православной культуры.

Нововведения ученого привлекали к нему молодых учителей. В 1860 г. вокруг Ушинского сложился педагогический кружок, состоявший из получивших впоследствии известность ученых-преподавателей: математика В.О. Буссе, словесников В.И. Водовозова и О.Ф. Миллера, географов В.И. Лядова, Д.Д. Семенова и А.И. Павловского, физика Я.И. Пугачевского, историков Л.Н. Модзалевского и М.И. Семёновского и др. Члены кружка собирались по четвергам в квартире Ушинского в маленьком флигеле Смольного института, где в дружеской уютной атмосфере обсуждали программы и предложения по улучшению образования в России. Сам Ушинский на таких «четвергах» обсуждал свой труд «Детский мир».

Вскоре Ушинскому было предложено стать редактором Журнала Министерства Народного Просвещения (ЖМНП). На этом посту он пробыл год и два месяца и опубликовал несколько лучших своих статей. В их числе историко-философский трактат «Труд в его психическом и воспитательном значении», в котором обосновал значение труда в жизни личности.

Ушинский писал: «Если бы люди открыли философский камень, то беда была бы еще не велика: золото перестало бы быть монетой. Но если бы они нашли сказочный мешок, из которого выскакивает все, чего душа пожелает, или изобрели машину, вполне заменяющую всякий труд человека; словом, разом достигли тех результатов, которых добиваются техники и политико-экономы, то самое развитие человечества остановилось бы: разврат и дикость завладели бы обществом, самое общество распалось бы... с уничтожением необходимости личного труда сама история должна прекратиться» [7, с. 335].

Ссылаясь на Священное Писание о том, что труд заповедан Богом изгнанному из рая человеку как средство для жизни, Ушинский указал на разностороннее значение труда – труд, преобразующий окружающий мир (труд тела) и труд, совершенствующий внутренний мир (духовный труд), и необходимость того и другого для достижения счастья.

Ушинский считал, что «только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья» [7, с. 337–338], но при этом предостерегал, что «воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его *не для счастья*, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни» [7, с. 348].

Наиболее ярко православные основы воспитания выражены в статье «О нравственном элементе в русском воспитании». В ней Ушинский указал, что даже самое «величайшее развитие умственное не предполагает еще необходимо прочной общественной нравственности» [4, с. 430], которая, по мнению, педагога, зависит, прежде всего, от семейного, религиозно-православного и общественного воспитания. Подметив патриархальность характерной чертой русского общества, как крестьянства, так и дворян, Ушинский особую роль в воспитании отводил религии: «Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве, и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди» [4, с. 452].

Уникальным качеством, присущим только русскому народу, Ушинский считал патриотизм, на основе которого, по его мнению, и нужно возвращать нравственность. «Мы были бы очень близоруки, если бы подметили в характере нашего простого народа один только патриархальный оттенок. Нет, мы видим в нем много могучих задатков честной гражданственности, полной силы народности и бескорыстной человечности. Начало товарищества, проявляющееся в дружинах, в новгородских ватагах, малороссийском казачестве и нынешних артелях, не показывает ли, что высокое чувство дружбы глубоко коренится в славянской природе, в которой, вместе с тем, дивным образом соединяются патриархальная неподвижность с беззаветной удалью» [4, с. 444-445].

Большую ответственность Ушинский возлагал на личность учителя, который должен быть и «истинным христианским воспитателем», и специалистом, прошедшим «долговременную теоретическую и практическую подготовку». Он смело заявлял: «Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т. д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно. Но на чем же может опираться нравственное развитие, если не на христианстве?» [4, с. 444-445].

С 1862 по 1867 г. Ушинский вместе с семьей провел за границей, где посещал школы Германии, Франции, Бельгии, Италии, изучая их устройство. Испытывая тоску по родной школе, Ушинский занялся составлением ранее задуманных им книг для первоначального обучения детей, известных под заглавием «Родное слово», считая, что «всё школьное ученье и вся школьная жизнь должны быть проникнуты разумным, религиозным и нравственным элементом» [6, с. 259].

Работая над книгами, Ушинский рассматривал язык, не столько как систему фонетических, лексических и грамматических единиц или как средство общения, сколько как живой организм, народный ген, рожденный культурой и отражающий этапы духовного развития народа.

Ушинский справедливо утверждал, что «дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно чрез посредство отечественного языка, и, наоборот, мир, окружающий дитя, отражается в нём своей духовной стороной только чрез посредство той же среды – отечественного языка» [6, с. 259].

По мнению Ушинского, начальная школа должна походить на семью, где ребенок впервые слышит родную речь, делает первые шаги и произносит слова. Неоднократно отмечая наличие природных педагогических наклонностей в женщине-матери, Ушинский акцентировал важность первоначального домашнего воспитания: «лучше начать ученье несколько позднее, чем несколько раньше» [6, с. 244]. Ребенку, «нужно дать созреть» и нравственно подготовить его «чтением библейских событий» [6, с. 246]. Оптимальным возрастом для начала обучения Ушинский считал семь лет, аргументируя свое мнение тем, что именно в этом возрасте ребенок допускается к исповеди.

Ушинский тяготился годами, проведенными за границей. Желая обучать своих детей в России, он вернулся на родину в 1866 г. Здесь он взялся за свой фундаментальный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». В 1867-1869 гг. увидели свет первое издание двух томов. Третий том остался незавершённым.

В «Педагогической антропологии» Ушинский рассматривал все стремления живого организма в целом – «быть» и «жить», поясняя, что для тела важно быть, а для души – жить, и выделял свойственные только человеку духовные стремления, превосходящие стремления тела и души, обнаруживающиеся в его самосознании и проявляющиеся в религиозных и эстетических переживаниях (чувствованиях), вере в Бога и устремленности в будущее.

Пребывание в сыром климате Санкт-Петербурга отразилось на здоровье Ушинского негативным образом. 21 декабря 1870 г. (3 января 1871 г.) он умер и был похоронен, согласно его воли, в Выдубицком монастыре в Киеве.

Педагогическое наследие Константина Дмитриевича Ушинского не утрачивает актуальности на протяжении многих десятилетий. Ушин-

ский ясно обозначил: «Педагогика – не наука, а искусство, – самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств» [8, с. 32], потому что оно, во-первых, опирается на достижения науки, а во-вторых, стремится к идеалу – совершенному человеку.

Его замечание – «сравните число истинно развитых, нравственно и умственно развитых людей, с числом лиц, получающих систематическое воспитание, загляните в училища и сравните число начинающих курс с числом тех, которые оканчивают его, и вы увидите, как много еще остается сделать воспитанию!» и перечень «врагов воспитания», в числе которых: «жажда денег, неверие в добро, отсутствие нравственных правил, презрение к мысли, любовь к окольным тропинкам, равнодушие к общественному благу, снисходительность к нарушению законов чести» [2, с. 22] – вполне применимо к ситуации в современном обществе.

Главную роль в воспитании человека Ушинский отводил Православной церкви: «Обряды нашей православной церкви имеют великое воспитательное влияние уже и потому, что они сами собою, без посредствующих объяснений, обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивают ее на возвышенный торжественный лад» [4, с. 479]. Именно эта настроенность на «возвышенный торжественный лад» как некогда необходима человеку, рожденному в эпоху постмодернизма и вынужденному решать проблемы экзистенциального характера, главной из которых является вопрос о смысле жизни. Православие не только обрисовывает цель жизни человека, но и прокладывает путь – временное служение Отечеству земному для обретения вечного Отечества Небесного.

Использованная литература

1. Ушинский К.Д. Воспоминания о Новгород-северской гимназии // Собр. соч. Т. 11. М.–Л., 1952.
2. Ушинский К.Д. О пользе педагогической литературы // Собр. соч. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861. – М.–Л., 1948.
3. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Собр. соч. Т. 2. М.–Л., 1948.
4. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Собр. соч. Т. 2. М.–Л., 1948.
5. Ушинский К.Д. Основные вопросы третьего тома «Педагогической антропологии» // Собр. соч. Т. 10. М.–Л., 1950.
6. Ушинский К.Д. Родное слово. Книга для учащихся // Собр. соч. Т. 6. М.–Л., 1949.

7. Ушинский К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Собр. соч. Т. 2. М.–Л., 1948.

8. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том первый // Собр. соч. Т. 8. М.–Л., 1950.

Ерёмина Н.В.
(Санкт-Петербург, Россия)

ОБЩНОСТЬ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ МОНАХИНИ АЛЕКСАНДРЫ (ЗАХАРЧЕНКО) И АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА)

Аннотация. Статья посвящена научному наследию монахини Александры (Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна) и вопросу их вклада в православную педагогику. В статье представлен разработанный учёными двуединый антропо-цивилизационный подход и определено значение научных трудов монахини Александры (М.В.Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна) в современной педагогике и в педагогическом сообществе.

Ключевые слова: православная педагогика, антропо-цивилизационный подход, духовно-нравственное становление, цивилизационная традиция.

Профессор кафедры социально-педагогического образования, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, доктор философских наук монахиня Александра (Захарченко) и доктор педагогических наук, академик РАЕН, профессор Самарской духовной семинарии, архимандрит Георгий (Шестун) внесли неоценимый вклад в развитие православной педагогики. Их обширное научное наследие представляет интерес, как для истории православной педагогики, так и для истории духовного образования в России XX-XXI века. Обладая методологическим мышлением, они ставили перед собой задачу концептуального осмысления целей и ценностей православной педагогики в тесной связи с отечественным образованием, разрабатывали методологию использования богословских знаний в современной педагогической практике.

Архимандрит Георгий (Шестун) был не только единомышленником монахини Александры (Захарченко), но и её духовным отцом. Профессор М.В. Захарченко вместе со своим внуком Романом часто приезжала в Свято-Ильинский женский монастырь, расположенный недалеко от Самары. Она была послушницей этой обители в течение четырнадцати лет. В 2016 она тяжело заболела, в 2017 году архимандрит Георгий постриг ее в монахини. Её небесной покровительницей стала страстотерпица царица Александра (Романова). Во время болезни монахиня Александра (Захарченко) не падала духом, мужественно переносила физические страдания. Последние полгода она провела среди любимых сестёр в Свято-Ильинской обители: участвовала в Богослужениях, выполняла посылы послушания. По воспоминаниям игумении Нины – настоятель-

ницы Свято-Ильинский обители, особую радость матушке Александре доставляло чтение неусыпаемой псалтири под сводами храма. Монахиня Александра (Захарченко) ушла из жизни в 2019 году, архимандрит Георгий (Шестун) после продолжительной болезни в 2022 году.

Их статьи, выступления и научные труды оказали большое влияние на становление православной педагогики в постсоветской России. В процессе тесного общения появлялись научные идеи, опережающие время, что способствовало в начале 2000-х годов возрождению отечественной духовной традиции в педагогической среде.

Последние годы учёные внимательно следили за изменениями, которые стремительно происходили в обществе и в системе образования. Серьёзную альтернативу узкому взгляду в педагогике, ориентированному исключительно на достижения конечных заданных результатов, монахиня Александра (Захарченко) и архимандрит Георгий (Шестун) видели в антропологическом подходе, развиваемом членом-корреспондентом РАО, доктором психологических наук, профессором Виктором Ивановичем Слободчиковым. Вслед за ним профессор М.В. Захарченко стала говорить о всеобщих способах бытия человека в его отношении к миру, к себе, к другим, акцентируя внимание педагогов на *деятельности, общности (общении), сознании (смысле)* как способах бытия человека. По убеждению учёного, система воспитания только тогда достигает значимых результатов, пребывающих с человеком и создающих для него точки опоры в любых жизненных обстоятельствах, когда она охватывает эти три способа. Именно деятельность, общность и сознание задают весь универсум собственно человеческих характеристик этого бытия (в том числе и его психологические характеристики) [6, с. 7].

В монографии «Духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся: теория, практика, опыт» (2017) монахиня Александра продолжает разрабатывать тему, связанную с категорией «традиция». Следует отметить, что к этому времени она окончательно утвердилась в необходимости использования в области духовно-нравственного развития и воспитания двух подходов – антропологического и цивилизационного. «В логике двуединого антропо-цивилизационного подхода образование – это антропологическая практика вочеловечивания человека, т.е. обретения человеческим индивидуумом оснований собственной родовой природы и вселенских горизонтов духовного становления и развития в сообществе людей» – так утверждается новый методологический подход [3, с. 4].

Цивилизационная традиция в понимании монахини Александры (Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна) – понятие типологического характера, оно представляет собой логическую конструкцию, которая позволяет исследовать историческую индивидуальность России в русле мировой истории. Историческая индивидуальность России не может быть описана в таких понятиях как *национальное государство* или *многонациональное государство*, глубокую суть может дать понятие «государство-цивилизация» [3, с.121].

«Основой цивилизационной традиции является традиция православного христианства, представленная как в форме практики православной Церкви, так и в форме бытовой культуры народа, основанная на ценностях и смыслах православия. Среди этих ценностей – уважение достоинства любого человека, любой этничности, высокая степень веротерпимости. На этой основе исторически сформировалось многонациональное и многоконфессиональное цивилизационное сообщество – Россия» – пишет монахиня Александра во второй главе монографии [3, с. 122].

Рассуждая о *российской цивилизационной идентичности*, монахиня Александра ссылается на докторскую диссертацию Е.В. Шестуна [10]. Вместе с архимандритом Георгием (Шестуном) основой российской цивилизационной идентичности, она называет «православную духовность», которая есть «традиция и живая жизнь», «иерархически выстроенная система значений, наставляющую человека на путь Правды и Любви здесь и сейчас, в конкретных исторических условиях современного мира» [3, с. 132].

По мнению учёных именно цивилизационная традиция есть основа и ресурс становления мировоззрения для молодого поколения. Только сохранив цивилизационную традицию, мы сможем устоять, опираясь на традиционные ценности, смыслы и идеалы отечественной культуры. Введение в научный оборот таких понятий как *цивилизационная культура*, *цивилизационная традиция*, *цивилизационный суверенитет* стало важным шагом на пути выстраивания диалога между современным образованием и православной педагогикой [2].

Монахиней Александрой и архимандритом Георгием Российское государство осмысливается не как многонациональное, а как самобытное государство-цивилизация. И системообразующее значение в нём несёт традиция православного христианства: она хранит облик настоящего человека – Человека, призванного к вечной жизни. Этот облик определяет непрерывность отечественной истории и культуры, в нём укорен-

нены истоки нравственной жизни и традиционных ценностей русского державного народа [5, с. 18].

Приобретение опыта жизни в традиции зависит от совместных усилий семьи, школы, Церкви, учреждений культуры и общественных организаций. И конечно, от педагогического сообщества. Монахиня Александра определяет цивилизационные смысловые доминанты как духовный вектор каждого человека:

- осознание целей и смысла жизни;
- осознание своего предназначения в мире;
- осознание личной ответственности перед лицом вечности.

Ключевые идеи, связанные с цивилизационной традицией, обогатили современную педагогическую теорию и практику. Но главное значение нам видится в том, что учёные раздвинули рамки системы образования и направили человека за пределы земного бытия, во Вселенную. Они осмысливают и выводят человека за рамки отдельной человеческой жизни, он становится частицей родовой и всечеловеческой истории.

Учёные утверждают, что традиция не даётся, она не существует сама по себе. Традиция создается. Каждый несёт ответственность за создание цивилизационной традиции. Монахиня Александра (Захарченко) и архимандрит Георгий (Шестун) убеждены, что если не будет носителей и хранителей антропологического идеала русской цивилизации, если не будет виден источник Света, освещающий путь каждому, кто пожелает идти по этому пути – то не будет существовать России как культурно-исторического типа цивилизации.

Монахиней Александрой даётся ёмкое и глубокое определение отечественной цивилизации, которое затрагивает её сущность: «многонациональная по характеру народной жизни, русская по культурному коду, православная по истокам антропологического идеала и ценностного сознания» [5, с. 18]. Учёный связывает цели и ценности образования с образом человека будущего – «антропологическим идеалом», укоренённым в культурной традиции конкретной цивилизации, логику развития которой определяют «ценности и смыслы, отражённые в полноте её исторического бытия в ее цивилизационной традиции» [3, с. 4].

В своих научных трудах монахиня Александра (Захарченко) и архимандрит Георгий (Шестун) выделяют два неразрывно связанных компонента – *антропологический*, связанный с осмыслением онтологии человека и природы его индивидуального бытия, и *цивилизационный*

– направленный на понимание природы общества, культуры и преемственности поколений. Так, двуединый *антропо-цивилизационный* подход станет ключевым и определяющим в их научном наследии.

В работах, посвящённых православной педагогике, у ученых прослеживаются общие идеи о смыслах православного воспитания. Обоим созвучна тема наследования Вселенского предания: «внутренне делание православного христианина личностно открывать смысл Предания и вступать в наследование истины, хранимой в Церкви» [7].

Смыслы православного воспитания они видят далеко за пределами церковной ограды. Для любого человека вечные нравственные и духовные задачи встают каждый раз заново в новых исторических обстоятельствах, в разных культурных контекстах. И от каждого человека зависит, как он эти нравственные и духовные задачи будет решать.

Задача, которую учёные называют первостепенной для человека, вступающего в жизнь Церкви, – это «личностно открывать смысл Предания и вступать в наследование истины, хранимой в Церкви» [7]. Возращение духовных младенцев осуществляется в лоне Церкви. Сначала Церковь носит их на руках, кормит и заботится о них, а потом, «когда дети Божии вырастают и укрепляются, они становятся воинами, хранителями и защитниками своей Матери – Церкви» [7].

Основополагающие принципы православной педагогики протоиерея Бориса Ничипорова были очень близки монахине Александре (Захарченко): «православное воспитание начинается с построения деятельности и общения на единой ценностно-смысловой основе Священного Предания Церкви, его условие – формирование со-бытийной общности, образующей условия становления, созревания самобытной личности, способной услышать Божий призыв, направить к нему свой путь и дать Ему действовать в своей жизни» [4, с. 75].

В чём же видели монахиня Александра и архимандрит Георгий задачи православной педагогики в России? В воспитании достоинства и «самостояния» человека, в духовно-нравственном становлении активного и сознательного молодого поколения, способного нести добро, принимать смыслы православной веры и проявлять их в каждодневной жизни, в общении, созидании и в творчестве. Так, смысл православного воспитания монахиней Александрой понимается в укреплении личности «в самостоянии на пути активного добра». Суть обучения архимандрит Георгий (Шестун) связывает с духовным началом, называя «обучение частным случаем *покаяния*, когда человек осознает своё не-

совершенство, своё незнание, и не только осознает, но и стремиться к преобразованию себя» [8, с. 50].

Ещё одной важной задачей православной педагогики учёные называют создание церковной воспитательной среды. Возлагая большие надежды на появление такой среды в Церкви и вокруг Церкви, нельзя забывать и о качестве образования в целом. Нельзя отделять православных детей от мира, но также нельзя полностью игнорировать социальную значимость воспитания в православной среде. Важно, чтобы первый социальный опыт и умения не остались без просвещения Светом Истины.

Большую часть жизни учёные отдавали преподавательской деятельности. Во многих работах высвечиваются проблемы, существующие в педагогической среде – недостаточный уровень богословских знаний у учителей ОРКиСЭ, слабая подготовка специалистов в педагогических вузах, преобладание атеистического мировоззрения. Монахиня Александра (Захарченко) и архимандрит Георгий (Шестун) настаивают на том, чтобы в системе образования были созданы условия для формирования цельного мировоззрения. Учёные убеждены, что для каждого человека необходим хотя бы минимальный опыт Встречи с Православной церковью, так как ее вклад в государственное и культурное строительство России неопровержим.

Перспективу развития православной педагогики учёные видят в освобождении содержания образования от идеологии атеизма, в сохранении исторической памяти о роли Церкви и её значении в формировании отечественной культуры. В настоящее время особенно важно осмысление отечественной культуры как преимущественно православной. Для этого необходимо развивать общую образованность педагогов, включать более глубокое изучение наследия Святых отцов в сферу духовного просвещения и религиозного образования.

Жизнеутверждающие слова монахини Александры (Захарченко) рисуют перспективу развития православной педагогики, как части православной культуры: «православие – не только часть наследия русской культуры, это часть живой сегодняшней жизни. Жив Господь, жива Церковь, живы смыслы православного бытия, жива православная культура и как ее органическая часть православная педагогика» [7].

Эту мысль подтверждает архимандрит Георгий Шестун: «Православную культуру необходимо включить в федеральный образовательный стандарт, то есть изучать во всех школах и регионах России, всем обучающимся в российских школах детям, без различия вероисповеданий.

Изучать не православное исповедание, а представления Православия о человеке, о его призвании в мире, о нравственном законе и способах его соблюдения, о том, как люди, построившие нашу цивилизацию, разделяя эти идеалы, строили свою душу, свой дом и нашу страну, которую завещали хранить и украшать нам, нынешним поколениям» [8, с. 639-640].

Актуальные идеи, высказанные учёными в последней совместной статье «Вернуться в Россию» звучат для нас, как завет. Вернуться в Россию – значит «вернуться к антропологическому идеалу русской цивилизации и настроить всю систему образования на достижение цивилизационного суверенитета России. Отсюда миссия и стратегическая цель образования – создание условий, в которых воспитывается человек – носитель антропологического идеала русской цивилизации, поддерживается и поощряется его влияние на все стороны жизни цивилизации: государственность, культуру, образование, информационное пространство, практику конфессий, повседневную жизнь» [1, с. 10-12].

Стремление к сверхзадачам и большим историческим целям, готовность служить людям и Отечеству, братство и дружелюбие, доверие к творческому потенциалу ученика и учителя – вот узнаваемые типологические черты человека, явленного нам русской историей. Узнать в себе эти черты сегодня – значит вернуться в Россию.

Подводя итоги, следует сказать о значении научного наследия монахини Александры (Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна) для православной педагогики:

- введение понятий богословского знания в педагогический контекст научного знания;
- разработка методологии и научного языка православной педагогики;
- преодоление жёсткого разделения между светской и православной педагогикой;
- осмысление православной педагогики как феномена образовательной практики, укоренённого в антропо-цивилизационной традиции.

Большую роль сыграло научное наследие монахини Александры и архимандрита Георгия в разработке направления «Духовно-нравственное воспитание и развитие», предметных областей ОРКСЭ и ОДНКНР на антропологических основаниях. Введение антропо-цивилизационного подхода в научной сфере и в сфере образования имеет большое теоретическое и практическое значение, особенно при педагогическом проектировании образовательных программ.

Научное наследие монахини Александры (Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна) требует дальнейшего глубокого изучения. По нашему убеждению, интерес к научному наследию монахини Александры (Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна) будет с каждым годом возрастать, так как опора на традиции и отечественное духовное наследие становится сегодня одной из стратегических задач государства [9].

Использованная литература

1. *Георгий (Шестун), архим., Захарченко М.В.* Вернуться в Россию: миссия и стратегическая цель образования // Непрерывное образование. 2019. Вып. 2 (28). С. 10-12.
2. *Георгий (Шестун), архим., Захарченко М.В.* Цивилизационный подход к разработке концепции предмета «Православная культура» // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2010. № 10 (78). С. 108–119.
3. Духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся: теория, практика, опыт: монография. СПб.: СПб АППО, 2017. 268 с.
4. *Захарченко М.В.* К проблеме формирования системы принципов православной педагогики // Культурно-исторические традиции православия. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. Куремяз, Эстония, 2014. С. 72-78.
5. *Захарченко М.В.* Патриотизм как содержательная идея и вопрос обновления содержания образования // Академический вестник: науч. журн. СПб АППО. 2016. № 3 (33). С. 7–21.
6. *Захарченко М.В.* Понятие цивилизационной традиции и его значение для моделирования образовательного процесса в школе России // Непрерывное образование. 2012. Вып. 1. С. 5-12.
7. *Захарченко М.В.* Размышления о православном воспитании в современной России [Электронный ресурс]. URL: <https://uchebana5.ru/cont/2680864.html> (дата обращения 23.08.2023).
8. *Георгий (Шестун), игум.* Православная педагогика. Изд. 4-е. М.: ПРО-ПРЕСС, 2010.
9. Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России и пути его преодоления. Проект. М.: РИСИ, 2016. 142 с. URL: http://ost101.narod.ru/2016_RISI.pdf. (дата обращения: 06.09.2023).
10. *Шестун Е.В.* Православные традиции духовно-нравственного становления человека (историко-теоретический аспект). Дисс. ... д-ра пед. наук. Казань, 2006.

Дивногорцева С.Ю., Ивлиanova Е.А.
(Москва, Россия)

ШКОЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ

Аннотация. В статье вводится в научное поле педагогических исследований понятие «школьная религиозно-учебная литература». Авторы статьи в поисках определения этого понятия выясняют его объем, выделяя виды и типы существовавшей и существующей школьной религиозно-учебной литературы. В статье отмечается, что в ходе исследования школьной религиозно-учебной литературы в истории отечественной педагогики и образования удалось выделить определённую динамику и последовательность её появления. В заключении статьи авторы обозначают проблему, связанную с возможностями использования дореволюционной школьной религиозно-учебной литературы в современном образовательном пространстве и созданием новых учебных книг по религии для изучения в православных общеобразовательных школах.

Ключевые слова: история учебной книги, школьная религиозно-учебная литература, изучение религии, Закон Божий.

Учебная литература, несмотря на все последние инновации в образовании, продолжает оставаться основным средством обучения в школе. Она предназначена как для учителя, являясь для него ориентиром в содержании образования и его объёме, своеобразным «сценарием учебного процесса» [1, с. 248], так и для обучающихся, поскольку обеспечивает их необходимой информацией по изучаемому предмету, выполняет функцию закрепления материала, развивает умения, необходимые для самообразования (обобщение, выделение главного, логическое запоминание и т.п.), при определённых условиях оказывает воспитательное влияние. В последнее время внимание некоторой части педагогов и родителей привлечено к изданной несколько десятилетий назад учебной литературе, а внимание учёных обращено на такую педагогическую субдисциплину как история учебников, в связи с чем В.Г. Безрогов отмечал, что «актуализация истории учебной книги связана с развитием в педагогике историко-компаративистских и историко-текстологических направлений, дискурсивного подхода, методов визуальной антропологии» [1, с. 247] и позволяет глубоко заглянуть и представить практику образования в те или иные периоды развития разных стран, во всяком случае в том виде, как её планировали составители учебных книг. Если они ещё и сами были практикующими педагогами, то исследователь истории педагогики может получить более правдоподобное представление о практике обучения. В этом отношении несомненный интерес для

православного образования представляет исследование школьной религиозно-учебной литературы того периода развития нашей страны, когда православие было государственной религией – начиная от Крещения Руси и заканчивая революцией 1917 года, в результате чего сформировалась православная по своей сути педагогика и такие её инвариантные характеристики, как: «нацеленность обучения на удовлетворение религиозно-нравственных потребностей личности; синтез «веры и знания» в содержании обучения; организация воспитания и обучения как целенаправленного способа интериоризации ценностей православного вероучения и культуры» [3, с. 22], источником знаний о которых выступала школьная религиозно-учебная литература.

Само понятие – школьная религиозно-учебная литература – не было ни до революции, ни сейчас введено в педагогический категориальный аппарат. Чтобы дать ему определение, необходимо прежде всего выяснить его объем, то есть что относили и относят сейчас к учебной литературе по религии. Анализ словарей, каталогов литературы и справочников показал, что такого рода литература до революции в каталогах помещалась, как правило, в раздел, посвящённый изучению Богословия или Закона Божия и относилась к учебно-воспитательной или учебно-народной литературе, или называлась учебной книгой по вере (религии), предназначалась для использования в различных низших, начальных, средних учебных заведениях всех ведомств, при домашнем обучении, для работы в классе и дома, для распространения в школьных и приходских библиотеках, а также в читальнях. Учебная литература по религии в XIX веке делилась на:

1) учебники по Закону Божию, предназначенные для детей (учебная Псалтирь, Часослов учебный, Катехизис, Священная история Ветхого и Нового Завета, Краткая Священная история, изучение Богослужения, объяснение молитв и т.д.);

2) пособия для законоучителей: книги для самообразования (Библия, толкования, «Письма», «Сборники бесед», библейские словари и т.д.) и руководства – методические рекомендации для учителей;

3) книги религиозного содержания для чтения взрослых и детей (например, жития святых);

4) церковная периодика: журналы для законоучителей («Церковно-приходская школа», «Народное обозрение» и др.), журналы духовно-нравственной направленности для взрослых и детей («Пчёлка» и др.).

Отметим, что вся религиозно-учебная литература проходила цензуру в Цензурном комитете при Учебном Комитете при Святейшем Синоде, а также рассматривалась ученым комитетом Министерства Народного Просвещения, соответственно получая «гриф» или рекомендовано, или одобрено, или допущено [4].

Таким образом, к учебной литературе по религии мы можем отнести текст, имеющий двуединую цель – дать знания по религии и воспитать личность как выразителя мировоззрения, традиций и культуры той или иной религии. В этом отношении можно сказать, что первыми учебными книгами по православной религии были книги самого Священного Писания, и об их влиянии на древнерусского человека М.И. Демков предположил следующее: «Книга – это были глаголы самого Бога, и кто её читает, тот беседует с самим Господом. Книга и Божественная мудрость отождествлялись в сознании» [2, с. 27]. Позже количество текстов для изучения религии стало увеличиваться, и только лишь в XIX веке появились учебники по Закону Божию и пособия для учителей. На сегодняшний день в результате изучения довольно большого пласта известной в истории отечественной педагогики и современной школьной религиозно-учебной литературы мы можем констатировать, что ее объем включает следующие виды и типы:

- 1) первоисточники религиозной культуры и богослужебные книги – как оригиналы, так и дидактически обработанные для учебных целей (например, т.н. детская Библия и т.п.);
- 2) учебники и учебные пособия: катехизисы, учебники и учебные пособия по религии, азбуковники, азбуки и буквари, куда включались сведения по православной религии;
- 3) методические издания для учителей;
- 4) вспомогательная литература: книги религиозного содержания, религиозная периодика, хрестоматии, словари.

В разные исторические периоды виды и типы школьной учебно-религиозной литературы были неодинаковыми. Так, в период от Крещения Руси до появления в 1282 году первого азбуковника в качестве учебных использовались в основном сами книги Священного Писания и богослужебные книги. Далее в период до реформ Петра Первого эти книги продолжают оставаться основными в обучении, но одновременно в образовательном пространстве появляются письменные, а затем печатные азбуковники, азбуки и буквари, в которые включаются сведения кате-

хизического характера. Так появляются букварные катехизисы – первоначальные учебные книги для чтения (буквари), в содержание которых могли входить ежедневные молитвы, религиозные или слова верования, веро- и нравоучительные поучения и другой религиозный материал. Первым печатным букварным катехизисом на Руси стала «Азбука» Ивана Фёдорова 1574 года издания, которая включала в том числе отдельные нравоучения, в материалы для чтения входили молитвы, краткие поучения, взятые из Библии, обращённые и к детям, и родителям. Позже появляются буквари В. Бурцева, К. Истомина, Ф. Поликарпова, Л. Зизания, М. Смотрицкого, С. Соболя, С. Полоцкого, Т. Вербицкого, Г. Бужинского, Ф. Прокоповича и др. Они стали предварять изучение часослова, псалтири, Священного Писания и богослужебных книг.

С началом реформ Петра Первого в системе образования стали появляться катехизис как отдельный учебный предмет и катехизисы как отдельные учебные книги, например к таковым в настоящее время причисляют сочинение Феофана Прокоповича «Краткое учение христианское, малому отроку, и невежи всякому, прислушающее, беседами учителя и ученика составленное» или, например, «Краткий катехизис для обучения малых детей Православному христианскому закону» митрополита Платона (Левшина). Также в течение второй половины XVIII – первой половины XIX веков появляется переводная учебная литература по религии. Например, в 1799 году из печати вышел учебник «Священная история Ветхого и Нового Завета, содержащая двести шестьдесят восемь повествований, изъяснённых из писаний Святых Отцов, с показанием в каждом прообразовательного и нравственного смысла, и служащая к наставлению и образованию нравов всякого состояния людей». Это перевод И. Виноградова зарубежной книги «Иисус, книга, заключающая в себе: чудеса, учение, житие и страдание Иисуса Христа, и служащая руководством для детей, начинающих обучаться христианскому закону». Выходили и другие учебные книги, заимствованные из других стран и конфессий, но надо отдать должное, они перерабатывались для русских школ. Позднее введение в учебных план школ помимо катехизиса изучения Священной истории положило начало развитию школьной религиозно-учебной литературы по изучению Священной истории Ветхого и Нового Завета. Раздел, посвящённый Священной истории, появился и в букварях и азбуках.

Со второй четверти XVIII века происходит становление учебной дисциплины под названием «Закон Божий» и начинается работа по опре-

делению разделов ее содержания. Период с середины XIX и по начало XX века можно охарактеризовать как основной в развитии и методики преподавания православного вероучения в нашей стране, и учебной книги по православной религии. Религиозно-учебная литература стала выпускаться в большом объеме и для конкретных типов школ, для разных возрастов обучающихся, а также с учётом местности и территориального расположения учебного заведения. Обогащалось содержание учебных книг по религии, стали появляться новые разделы учебников, обращалось внимание на их соответствие учебной программе. На примере учебника А.Ф. Соколова «Уроки христианского учения» (1890 года издания) мы можем установить сложившееся к концу XIX века содержание изучаемого материала по православной религии в начальной школе. Указанный учебник предназначался для народных училищ с трехгодичным сроком обучения, содержал разделы: «История Ветхого Завета» (1-й – 3-й года обучения); «История Нового Завета» (1-й – 3-й года обучения), «История Церкви» (даются всего две темы «Успение Божией Матери» и «Воздвижение Креста Господня» на втором году обучения и тема «Крещение Руси» на третьем году обучения), «Молитвы» (1-й – 3-й года обучения); «Катехизис» (2-й-3-й года обучения), «Учение о Богослужении» (1-й – 3-й года обучения, но в первом году даются всего лишь две темы – «Объяснение храма и его принадлежностей», «Понятие о Литургии»). Материал в этом учебнике, как и у многих других авторов, располагался по концентрикам, что предполагало не линейное один раз прохождение темы (что также было распространено у ряда авторов), но возвращение к ней на других годах обучения с целью повторения и углубления. Основным методом изложения материала стал монологический, от лица взрослого, однако иногда встречается вопросно-ответный, например, в виде беседы матери с детьми.

Что касается экспертизы учебников и учебных пособий, то для оценки их качества разработанных критериев не было, так же, как и оценочной системы. Но обсуждение учебной литературы практиковалось, например, на съездах учителей, выходили отзывы или рецензии на отдельные учебные книги, в которых среди положительных качеств отмечались и отрицательные. Помимо отзывов специалистов, встречаются и мнения родительской общественности.

Подводя итог, можно констатировать, что религиозно-учебная литература в дореволюционной России прошла длительный путь развития – от чтения в школе Священного Писания до разработки учебной книги,

доступной для обучения детьми тех или иных возрастов, включающей различные разделы по основам Православия, расположенные в том или ином порядке, подборку иллюстративного материала – географических карт, картин и т.п. На сегодняшний день остро стоит вопрос о том, можно ли и с какими ограничениями использовать весь тот весомый пласт религиозно-учебной литературы, который был создан в нашей стране до 1917 года, а также создания современного учебника по Закону Божию для православных школ.

Использованная литература

1. Безрогов В.Г. Учебник среди историко-педагогических источников // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации. Сб. научн. тр. междун. научно-практ. конф.. 2019. С. 246-252.
2. Демков М.И. История русской педагогики. Ч. 1. М.: Изд. авт., 1913. 302 с.
3. Дивногорцева С.Ю. Историко-педагогический анализ православной педагогической культуры в России. Дисс. ... докт. пед. наук. М., 2012. 420 с.
4. Настольная книга по учебному ведомству. Одесса: Тип. Ульриха и Шульца, 1876. 311 с.

Крат А.В.
(Москва, Россия)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ С.Н. ДУРЫЛИНА О ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются педагогические взгляды С.Н. Дурылина – писателя, философа, театрального и литературного критика, искусствоведа, богослова, священника, педагога. Как писатель, он издал множество книг и опубликовал статьи на самые различные темы – философские, богословские, этнографические. Нами же рассмотрены его педагогические идеи, сформулированные и опубликованные до 1914 года, и касающиеся важнейших проблем воспитания – взаимоуважения между педагогами и обучающимися, творческого развития личности ребенка, взаимосвязи свободы и дисциплины, создания доброжелательной среды в детском коллективе – и обоснована их значимость для православной педагогической культуры.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин; православная педагогическая культура; воспитание.

Воспитание является самостоятельным предметом педагогических исследований и в православной педагогической культуре находится в приоритете над процессом обучения личности, определяется как «специально организованный, управляемый и контролируемый процесс взращивания, поддержки ребенка и взаимодействия с ним, конечной своей целью имеющий возрождение, освящение и преобразование личности воспитанника, ее обожение, освобождение от пороков» [7, с. 63]. К числу российских педагогов, считавших, что вопросы воспитания являются важнейшими в педагогике, относится Сергей Николаевич Дурылин (1886-1954), имя которого было вычеркнуто из отечественной педагогики в годы советской власти.

За период с конца XX – начала XXI веков научный интерес к исследованию педагогического наследия С.Н. Дурылина возрастает. Так, например, в контексте изучения феномена свободного воспитания, духовно-нравственного воспитания личности, исследователи – Е.Н. Астафьева, М.В. Богуславский, Е.В. Гладкова, Н.А. Дворяшина, Г. Б. Корнетов и др. – обращали внимание на идеи, описанные в трудах Сергея Николаевича. В данном докладе предпринята попытка выявления прочих, не описанных ранее, идей педагога, касающихся воспитания личности.

Родился С.Н. Дурылин в 1886 году в Плетешковском переулке Москвы, близ Храма Богоявления в Елохове, приходская община которого и доброжелательные отношения в ней в дальнейшем были многократно описаны в произведениях Сергея Николаевича. Родители его были

глубоко верующими людьми и воспитывали детей в духе православного мировоззрения. С 1897 по 1904 годы Сергей Николаевич проходил обучение в 4-ой московской мужской гимназии, которую покинул после окончания пятого класса. Истинная причина выхода из гимназии была впервые подробно описана Дурылиным лишь в 1939 году в воспоминаниях «В своем углу» и представляла собой несогласие с системой образования, не позволяющей проходить обучение детям из «простого народа» [8, с. 297]. Однако уже в 19 лет свой опыт обучения в гимназии и отношение к господствующей образовательной системе он описал в своем первом педагогическом сочинении – брошюре «В школьной тюрьме. Исповедь ученика». Данная публикация вызвала большой интерес в педагогическом сообществе и была переведена на несколько языков, а самого автора пригласили занять должность секретаря редакции в только что созданном журнале «Свободное воспитание» [17, с. 6]. За пять лет службы секретарем С.Н. Дурылин опубликовал более 50 статей, в которых он обобщал опыт школ, придерживающихся принципа свободного воспитания, описывал собственные идеи, со страниц журнала обращался к педагогам современных ему школ.

Совмещая работу в журнале, С.Н. Дурылин преподавал русский язык в группе подготовки на аттестат зрелости и был домашним педагогом в ряде московских купеческих семей [5, с. 37]. Искусствовед А. А. Сидоров, брат протоиерея Сергея Сидорова, одного из воспитанников Дурылина, вспоминал, что он был очень талантливым и востребованным педагогом в Москве того времени: «За ним гонялись крупнейшие московские богачи, подманивая его, чтобы он воспитал самых трудно поддающихся балбесов (скорее великовозрастных гимназистов), до того хорошо Сергей Николаевич умел с ними справляться!» [20, с. 48]. Среди его многочисленных учеников были сыновья купца С.И. Чернышева, сын протоиерея Иосифа Фуделя и будущий религиозный писатель С.И. Фудель, правнук Ф.И. Тютчева, ставший литературоведом, К.В. Пигарев. Многие его ученики оставили воспоминания о Сергее Николаевиче, с глубокой благодарностью описывая время, проведенное с ним, и, в особенности, занятия по приобщению к русской словесности. В подтверждении этому приведем отрывок из письма С.И. Фуделя своему сыну: «Мы вместе с ним прошли какой-то большой, светлый путь... Он научил меня познанию и научил находить радость в познании» [23]. Приведем также отрывок из письма С.И. Фуделя самому С.Н. Дурылину, написанное в 1952 году и уже, вероятнее всего, не прочитанное адресатом: «Каждое

Ваше слово ко мне драгоценно для меня. Я бы хотел сейчас, когда вы больны, сидеть около Вашей постели и не говорить, а что-нибудь читать Вам, или, может быть, писать под Вашу диктовку, или же молчать, зная, что уже все прочтено и написано» [23].

Являясь православным человеком, критику господствующей системы образования Дурылин всегда основывал на идеях Нового Завета. Искусствовед Т.А. Буткевич в своих воспоминаниях описывает лекцию в родительском клубе, на которой Дурылин с одобрением высказался о рассказе А.И. Куприна «Палач» и рекомендовал его для прочтения детям. Родители же были возмущены данной рекомендацией, так как считали совершенно неприемлемым для детей рассказ, в котором палач является положительным персонажем. Возмущенный Сергей Николаевич отстаивал свою позицию, выступая из глубины своих религиозных взглядов: «Он говорил о другой правде, чем та, которая выдвинута у нас сейчас в России, он говорил о правде Евангелия и Христа, Который разбойнику сказал: «Сегодня же будешь со Мною в раю!» Он упрекнул современное общество в том, что оно привыкло судить человека по мундиру, надетому на нем, дальше которого оно заглянуть не умеет. Это был вызов всему почтенному педагогическому собранию, и так это было понято: в зале было шумно, раздавались негодующие возгласы. Я видела, как волновался Сережа, как дрожали его руки, но сколько серьезности, искренности и благородства было в нем в эту минуту!.. Он закончил словами: «Не знаю, господа, может быть, я этим окончательно подрываю мою репутацию как педагога, но я не могу иначе...» [5, с. 48].

Дурылин многократно писал, что для «христианина дети и детство должны быть самым святым и прекрасным, что есть в людях и среди людей» [12, с. 32]. Его понимание детства, как синонима духовной чистоты и святости, тесно связано с воспитанием в духе христианского мировоззрения. С.Ю. Дивногорцева отмечала, что любая педагогическая деятельность в контексте православной культуры, должна исходить из представлений, заданных христианской антропологией, «о человеке как образе и подобию Божию, его телесной, душевной и духовной жизни, о первичности опыта богообщения личности, ее экзистенциальной вовлеченности и сотериологической устремленности» [7, с. 20]. Так размышлял и Дурылин: «Если абсолютны Бог и Истина, то абсолютно ценен и тот, кто носит их в себе, кто осуществляет их в мир – человек» [15, с. 291]. Он считал, что приняв этот факт, человек произвольно меняет отношение к окружающей действительности, а значит и педагог, соблю-

дая «условия к более совершенному раскрытию Бога и Истины в мир» приобретает твердую почву для своей деятельности [15, с. 90]. Учителей он призывал не столько воспитывать обучающихся, сколько самим воспитываться от них, считая детей идеальнее взрослых, так как в них заключена «величайшая возможность вечного совершенства» [17, с. 55].

С.Н. Дурылин был уверен, что воспитание не должно приспособлять детей к «дурной, позорной действительности», в противном случае, воспитание расходится со словом Христа [11, с. 32]. Совершенство и разумность системы воспитания по Дурылину в том, что она оставляет детей детьми, не препятствует быть ими, не похищает у них детство [11, с. 40]. У детей важно, считал он, учиться радости, проявлять прекрасные детские чувства. В подтверждение он приводил слова Христа о том, что взрослым необходимо быть как дети, а не наоборот: «Христос не сказал детям, приходившим к Нему: «Вот стоят перед вами праведные и знающие мужи (а ведь Он был окружен, действительно, праведными мужами – апостолами и учениками своими), будьте как они, и вы войдете в Царство Небесное». Но он сказал как раз обратное: не детям велел быть такими, как праведные мужи, но праведным мужам велел быть такими, как дети. Кого же считал Он более совершенными? Кому же кого велел Он воспитывать, ибо ясно, что более совершенный должен воспитывать менее совершенного, а не наоборот?» [11, с. 71]. С этой точки зрения, С.Н. Дурылин важнейшей задачей педагогов считал «создание для детей той необходимой для их развития атмосферы, которую сами себе создать они не могут, и в помощи им в деле их развития там, где они сами бес- сильны себе помочь» [11, с. 72].

В большинстве своих статей Дурылин отмечал, что в деле воспитания неприемлемо использование любых орудий, так или иначе связанных с насилием. К подобным методам он относил принуждение к дисциплине, заменившей, как он считал, воспитание в школах и совершенно не ведущей к успеху. По его мнению, единственным методом воспитания должна стать свобода. Он боролся за уважение к воспитанникам, признание и одобрение их свободы, доверие к ним. Но речь, скорее всего, в его трудах идет о так называемой «внутренней свободе ребенка» [7, с. 70]. Задача воспитателя, с точки зрения Дурылина, заключается в «постоянном и внимательном предупреждении самого возникновения ненормальных и нежелательных проявлений воли у ребенка» [15, с. 78]. Лишь соблюдая это условие, считал Дурылин, устранится любая необходимость насильственного воздействия на воспитанника. Слепое же подчинение не имеет

никакого смысла и даже вредит воспитаннику, а умение руководить своей волей является результатом длительного и усердного самовоспитания.

Важно отметить, что С.Н. Дурылин считал необходимым удовлетворение потребности ребенка в творческой деятельности. Абсолютно бесспорным он считал «первенство творчества над мышлением и познанием», перефразировав философское утверждение Рене Декарта – «Я есмь, потому что я творю» [15, с. 66]. Сам он отзывался на любое проявление детского творчества, даже самого незначительного. В детских работах он особенно высоко ценил искренность, оригинальность, самобытность воображения и проявление свободного творческого порыва, являющимся «любовью к жизни и самой жизнью» [17, с. 186].

Дурылин считал необходимым проводить занятия вне учебных кабинетов: «При учебном заведении необходимо должен быть хороший двор, где можно было бы воспитанникам играть, бегать, устраивать зимний каток, горы и т.д., необходимы одна-две залы, с достаточным простором и нужным количеством воздуха, для тех же целей» [16, с. 13]. Вновь обратимся к воспоминаниям С.И. Фуделя, в которых автор описывает, как С.Н. Дурылин водил своих воспитанников «в кремлевские соборы, чтобы мы через самый покой их камня и красок ощутили славу и тишину Церкви Божией, водил на теософские собрания, чтобы мы знали, откуда идет духовная фальшь, на лекции Флоренского «Философия культа», чтобы мы поняли живую реальность таинства, в «Щукинскую галерею», чтобы мы через Пикассо услышали, как где-то, совсем близко, шевелится хаос и человека и мира» [20, с. 93]. Подобные выходы были необходимы для «познания Церкви через единый путь русской религиозной мысли, начиная от древних строителей «обыденных храмов» и кончая точно случайными отсветами великого Света у некоторых современных русских писателей» [20, с. 93].

Довольно кратко описав педагогические идеи С.Н. Дурылина, заключим, что среди множества его творческих интересов, вопросы воспитания занимали особое место. Лишь в последние годы своей жизни Сергей Николаевич занимался профессорским преподаванием в официальных образовательных учреждениях. Его истинное призвание, приносящее ему бесконечную радость, было в живом, личном общении с учениками и воспитание их в духе православной веры. Он хорошо понимал детей и считал их носителями «Божьей правды», которая проявлялась в «великих началах правдивости, веселья, чуткости и светлости душевной, которые живут во всяком ребенке» [17, с. 62].

Использованная литература

1. Астафьева Е.Н. Восхождение к ребенку в теории свободного воспитания С.Н. Дурылина // Историко-педагогический журнал. 2016. №3.
2. Астафьева Е.Н. Ценности гуманизма как образ хорошей школы первой трети XX века // Историко-педагогический журнал, 2016. №1.
3. Богуславский М.В. Подвижники российского образования. Сергей Николаевич Дурылин // Вестник образования. 2005. № 1.
4. Гладкова Е.В. Педагогические взгляды и деятельность С.Н. Дурылина // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 1.
5. Гумеров А.Ш. «Под тенью века. С.Н. Дурылин в воспоминаниях, письмах, документах». М.: ТД «Никеа», 2022.
6. Дворяшина Н.А. «Если не будете, как дети...». С.Н. Дурылин о «главном завете воспитания» // Мировая словесность для детей и о детях. Мат-лы III Междунар. научно-практ. конф. и XXIII Всеросс. научно-практ. конф. Ярославль: Литера, 2017. С. 24-35.
7. Дивногорцева С.Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России: дис. ... докт. пед. наук. М., 2012.
8. Дурылин С.Н. В своем углу. К 120 летию С.Н. Дурылина. М, 2006.
9. Дурылин С.Н. В школьной тюрьме. Исповедь ученика. М, 1907.
10. Дурылин С.Н. Детские выставки // Свободное воспитание. 1909. № 6.
11. Дурылин С.Н. Идеал свободной школы: Избр. пед. произв. / отв. ред., сост. и автор предисловия Г. Б. Корнетов. М.: Изд-во УРАО, 2003. – 336 с.
12. Дурылин С.Н. История одной свободной школы // Свободное воспитание, 1908. № 1.
13. Дурылин С.Н. Современная школа и художественное образование // Свободное воспитание. 1908-1909. № 11.
14. Дурылин С.Н. Из книги и жизни. О детском творчестве // Свободное воспитание. 1908-1909. № 7.
15. Дурылин С.Н. Педагогика творческой личности // Свободное воспитание, 1911-1912. № 8.
16. Дурылин С.Н. Что такое школьная дисциплина в школе существующей и той школе, которая должна быть // Свободное воспитание. 1912. № 11.
17. Корнетов Г.Б. Педагогика свободы С. Н. Дурылина. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 2007. – 223 с.
18. Крат А.В. С.Н. Дурылин о важнейших проблемах воспитания личности // Христианство и педагогика: история и современность: Мат-лы V Междунар. научно-практ. конф. Пенза: Пензенск. духовн. семинария, 2021. С. 161-171.
19. Рихтер Н.П. Искусство в педагогике «свободного воспитания» России конца XIX – начала XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. Ч. 2. № 3.

20. Торопова В.Н. Сергей Дурылин. Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014.
21. Томский мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/durylin-sergej-nikolaevich/>
22. Электронный онлайн-ресурс ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ» https://w.histrf.ru/articles/article/show/durylin_sierghiei_nikolaievich
23. Православный портал «Азбука веры» https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/pisma/47.

Непочатова М.И.
(Москва, Россия)

РОЛЬ ПЕДАГОГА В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ С.А. РАЧИНСКОГО)

Аннотация. В статье рассматривается часть обширного эпистолярного наследия выдающегося русского педагога-практика, профессора С.А. Рачинского. На основе как неопубликованных, так и введенных в научный оборот архивных документов анализируется проблематика переписки с отдельными современниками: деятелями культуры, педагогами, бывшими воспитанниками, среди которых был и будущий священномученик Александр Васильев, последний духовник царской семьи Николая II. Переписка позволяет судить о том, как Рачинский продолжал пестовать своих учеников на протяжении многих лет, оставаясь для них наставником в деле духовного становления.

Ключевые слова: Рачинский С.А., священномученик Александр Васильев, духовно-нравственное становление личности.

Возвращение к традициям отечественной православной педагогики, происходящее в последние десятилетия, предполагает переосмысление научного наследия предшествующих эпох. Педагогическая культура, формировавшаяся на протяжении тысячелетия под влиянием православия, традиционно видела своей главной целью духовно-нравственное развитие личности» [2].

Одним из наиболее выдающихся отечественных педагогов-практиков был Сергей Александрович Рачинский, 190-летие со дня рождения которого научное сообщество отмечает в 2023 году. Профессор Московского Университета, член-корреспондент Императорской Академии наук и надворный советник, он вошел в историю как педагог, реализовавший уникальный образовательный проект – создание десятков сельских школ, которые уже при жизни своего основателя показали впечатляющие результаты. Основой концепции народной школы Рачинского было воспитание детей в духе христианской нравственности и церковных традиций.

В архивных собраниях сохранилась богатая переписка Рачинского с выдающимися деятелями эпохи: П. Чайковским, В. Розановым, И. Аксаковым, К. Победоносцевым, Л. Толстым, а также с архиепископом Николаем Японским (Касаткиным), который не только вел переписку, но и лично посещал школы Рачинского. Находя время отвечать многочисленным адресатам, среди которых были представители различных слоёв

российского общества, Сергей Александрович называл переписку «материалом драгоценным для будущих бытописателей» и бережно сохранил её в виде 130 томов (по 80–100 писем в каждом) [4].

В отдельных случаях, читая письменный диалог Рачинского с деятелями культуры, можно проследить этапы становления взглядов будущих властителей дум. Так, философ Василий Розанов, более десяти лет преподававший после окончания Московского Университета в гимназиях в разных городах России, впрочем, не слишком удовлетворенный этой работой [5], прекратив учительство, обобщил накопленный опыт и написал ряд работ, посвященных вопросам образования. Судя по всему, переписка и общение с Рачинским оказали заметное влияние на становление взглядов философа по этим вопросам. Несмотря на разницу во взглядах, сам факт обращения Розанова к Рачинскому примечателен. Сергей Александрович, всю жизнь остававшийся верным чадом Русской Православной Церкви, всей своей жизнью показывал, что никакого противоречия между соблюдением церковных установлений и интеллектуально-творческой деятельностью не только не существует, наоборот, вера помогает обрести новый смысл в том деле, которому человек себя посвятил [8, Д. 112, Л. 63].

Заметную часть эпистолярного наследия С.А. Рачинского составляют письма из разных уголков империи с просьбами о вступлении в созданное Рачинским и распространившееся по всей стране движение трезвости. Часто письма направлялись священнослужителями, которые стремились вступить в общество, подавая пример своим прихожанам [8, Д. 50, 51]. Обращает на себя внимание то глубокое почтение, с которым представители духовенства общаются в письмах с Рачинским. Из содержания многих писем следует, что люди обращались к Сергею Александровичу не только как к педагогу и ученому, но как к носителю духовной традиции. Педагогу удалось стать наставником не только для своих учеников, но для многих современников, и одной из причин стала практическая педагогическая деятельность, которую, несмотря на все сложности, продолжал развивать Рачинский, основывая новые школы и расширяя старые. После публикации статей Сергея Александровича в педагогических журналах, учителя из разных уголков империи стали обращаться к педагогу за советом. В некоторых письмах, представленных в Отделе Рукописей Российской Национальной Библиотеки, учителя не только просят поделиться опытом и задают конкретные вопросы, но и хатайствуют об устройстве талантливых учеников из малоимущих се-

мей в школы Сергея Александровича для продолжения ими образования, поскольку до педагогов из разных губерний доходили сведения, что в школах Рачинского готовят будущих учителей из числа бывших учеником [8, Д. 51. Л. 40-42]. Так, педагоги Церковно-приходских школ обращались за советом, как «духовно учить детей», какую литературу читать самому педагогу и т.д. [8, Д. 22 (51) Л. 55]. По этой переписке мы можем судить о влиянии Сергея Александровича на российское учительство в непростой период религиозного нигилизма в обществе и различных реформ в системе образования. Рачинский в своих сочинениях предлагал простой и понятный рецепт разрешения всевозможных противоречий, проводя параллель между служением духовенства и истинным предназначением учителя: «учительство в русской школе не есть ремесло, но призвание, низшая ступень того призвания, которое необходимо, чтобы сделаться хорошим священником» [7].

Важным и интересным для многих педагогов стал опыт Рачинского в организации школьных паломничеств, т.е. духовно-просветительских походов к почитаемым святыням, который Сергей Александрович подробно и занимательно изложил в статье «Школьный поход в Нилову пустынь», подготовленной на основе дневниковых записей. Татевская школа Рачинского не закрывалась никогда, летом в ней проходило обучение выпускников учительскому делу, там также гостили молодые неженатые учителя и воспитанники разных учебных заведений, начавшие обучение у Рачинского. Весь этот штаб, как называл их Рачинский, был задействован при организации паломнических путешествий [7, С. 174-175]. Указанные сочинения Рачинского, как и его статьи, пробуждали в русском учительстве большой энтузиазм, что также отражено в переписке.

В результате общения с родителями своих учеников – простыми крестьянами – С.А. Рачинский познакомился с нравственными проблемами этой части общества и принял решение создать движение трезвости. Выпускники школ Рачинского помогали своему наставнику открывать новые общества трезвости. Среди них – выпускник школы Рачинского Александр Васильев, по окончании учебы в татевской школе направленный по ходатайству Сергея Александровича в Бельское духовное училище, а затем в Московскую Вифанскую духовную семинарию. Так начинался путь будущего исповедника, последнего духовника императорской семьи Николая II, священномученика.

В письмах Александра Васильева, написанных в годы учебы в духовных школах, звучали благодарность за советы, за поддержку, за при-

сланные теплые вещи, книги, деньги. Студент делился с наставником первыми успехами на преподавательской ниве. Заметна большая ответственность, с которой Александр относился к своим воспитанникам, как радовался, например, желанию одного из них, сироты еврейского происхождения, принять христианство, как начал читать первые проповеди среди рабочих [8, Л. 253]. Из эпистолярного наследия мы узнаем, как активно использовал педагог свои обширные связи в высших кругах общества, чтобы помочь своим питомцам, и всем, кто обращался.

Уже став священником, будущий священномученик Александр Васильев не забыл своего наставника, но делился с ним своими мыслями и переживаниями, в частности, в момент тяжелой болезни маленького сына, опасаясь, что ребенок находится при смерти, бывший ученик признавался наставнику в отсутствии достаточной духовной крепости, но при этом все свои надежды возлагал на Бога [8, Д. 74, Л. 169]. По имеющимся сведениям, первенец отца Александра, названный Сергеем, тогда выжил, впоследствии служил во 2-м лейб-гусарском Павлоградском Императора Александра III полку, погиб в молодом возрасте на полях Первой мировой 7 сентября 1916 г. и был отпет в присутствии наследников престола (отец Александр в тот период был уже духовником царской семьи) [9].

Обширная переписка С.А. Рачинского, очевидно, занимала всё некое свободное время педагога. Судя по содержанию писем, Сергей Александрович сильно уставал, здоровье было подорвано непомерными нагрузками. Когда выдающийся педагог скончался в возрасте 69 лет, прощание с ним стало поистине всенародным. Выпускники разных лет приехали поклониться учителю. С проникновенными словами у гроба обратился к своему наставнику священник Александр Васильев, в конце своей речи сделав земной поклон перед гробом учителя, чему последовали все присутствующие [3]. Пройдет полтора десятилетия, и 5 сентября 1918 г. ученик Сергея Александровича, священник Александр Васильев, будет расстрелян в Петрограде [1].

Татевской школе Рачинского было суждено сохраниться, она никогда не закрывалась, однако, в советское время была лишена имени своего основателя. Имя было возвращено лишь в 1998 году [7, С. 38]. Можно согласиться с важным тезисом о том, что выдающийся педагог осознавал роль учителя как медиатора общекультурных православных традиций [6]. Эта идея представляется сегодня весьма актуальной. Многолетняя переписка Рачинского свидетельствует о колоссальном интересе современников к деятельности Сергея Александровича и к его уникальной

личности, как со стороны царских особ, духовенства, выдающихся деятелей культуры, так и простых педагогов.

После десятилетий вынужденного забвения идеи Рачинского вернулись в отечественную педагогику. Особенно ценным сегодня является христианское содержание педагогического наследия Сергея Александровича, нацеленное на всех своих этапах прежде всего на духовное развитие личности ребенка. Жизнь выдающегося педагога, отразившаяся в его эпистолярном наследии, являет собой достойный пример служения Богу, обществу и людям.

Использованная литература

1. База данных ПСТГУ «За Христа пострадавшие». URL: <https://pstgu.ru/baza-dannykh-za-khrista-postradavshie/bd-za-khrista-postradavshie/> (дата обращения: 26.01.2023).
2. Дивногорцева С.Ю. Становление и развитие православной педагогической культуры в России. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 12-13.
3. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портр.): Сентябрь. – [Репр. изд.]. – Козельск: Введен. Оптина пустынь, 1996. – 620, II, [2] с. ISBN 5-86594-024-4 URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/13384-zhizneopisanija-otchestvennyh-podvizhnikov-blagochestija-18-i-19-vekov-sentjabr/30> (дата обращения: 21.08.2023).
4. Кабанова Н.И. С.А. Рачинский и его роль в истории русской мысли (по материалам публицистического и эпистолярного наследия) // Вестник Брянского государственного университета. Литературоведение. 2016 (1). С. 174 – 178.) С. 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-a-rachinskiy-i-ego-rol-v-istorii-russkoj-mysli-po-materialam-publitsisticheskogo-i-epistoljarnogo-naslediya/viewer> (URL: дата обращения: 11.08.2023).
5. Коленько С.Г. Три принципа просвещения Василия Розанова Вестник СПбГИК № 2 (39) июнь 2019 С. 53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-printsipa-prosvescheniya-vasiliya-rozanova/viewer> (дата обращения: 16.08.2023).
6. Милевский О.А. С.А. Рачинский — педагог и общественный деятель // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2010. — № 3 (10). — С. 115–122. file:///C:/Users/User/Downloads/s-a-rachinskiy-pedagog-i-obschestvennyy-deyatel.pdf Дата обращения: 11.06.2023).
7. Рачинский С.А. Народная педагогика / сост. и предисл. И. Ушакова / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Русская цивилизация. 2019. 624 с. С. 32.
8. Рачинский С.А. Рачинский Сергей Александрович. Письма к С.А. Рачинскому Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 631. Д. 50, 51, 79, 87, 112, 181.
9. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. 2-е издание дополненное. СПб., 2002. 280с. С. 72.

Иерей Борис Борисов
(Псков, Россия)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В 20-40-е гг. XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению уникальности культурной и исторической ситуации в Печорском крае в годы его нахождения в составе Эстонской республики, позволившей сохранить населению свою национальную самобытность и традиции. Передача социального опыта подрастающему поколению происходила благодаря работе Русских культурно-просветительских обществ, которые сетью покрывали территорию края. Данный феномен заслуживает всестороннего изучения и использования в современной педагогической практике.

Ключевые слова: воспитательная работа, педагогические традиции, духовно-нравственное воспитание, культурно-просветительские общества, Печорский край.

В настоящее время воспитательная работа вновь полноценно возвращается в систему образования России, Указом Президента России были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, задавшие ориентиры воспитания подрастающего поколения. В этой связи необходимо обращение к традициям отечественного духовно-нравственного воспитания. В этом плане представляет несомненный интерес подобный опыт, имевшийся в период нахождения Печорского края, этой исконно древней русской земли в составе Эстонской республики, что позволяло нашим предкам не только сохранить свой уклад, но и по новому его переосмыслить в силу иного культурного окружения.

А культурная жизнь в Печорском районе, в период его пребывания в 1920-1930-е гг. в Эстонии отличалась своеобразием, и была весьма интенсивна. Это место, являющееся одним из древних родовых гнезд русской цивилизации, будучи оторванным от России, стало точкой притяжения большого числа эмигрантов из неё, занявших своё достойное место в культурной жизни этого края, несмотря ни на какие трудности.

Так, ещё в годы Гражданской войны в городе Печоры вместе со своими семьями оказалась целая плеяда педагогов и управленцев от образования. Это и бывший директор Псковского сельскохозяйственного училища Яков Михайлович Шаховской, бывший председатель Псковского земского управления Владимир Владимирович Назимов и многие дру-

гие. В Печоры из Пскова переехали такие музыканты и дирижеры как М.Ф. Гривский, Н.А. Вехновский, Б.П. Жемчужин.

Таким образом, в относительно небольшом и небогатом уголке земли, каким был Печорский край до революции, волею судеб оказалось столь много образованных и, что очень важно, общественно деятельных людей. Так, молодой печорский учитель Николай Николаевич Пенькин вместе с петербурженкой Татьяной Евгеньевной Дезен стали организаторами Печорского отделения Русского студенческого христианского движения (РСХД). Далеко за пределами Старого Изборска была известна подвижническая деятельность учителя и историка А.Н. Макаровского, чьи учебники для русских школ в Эстонии были незаменимы в деле формирования русского национального самосознания у детей.

Александр Иванович Макаровский – выдающийся педагог, богослов, историк, собиратель легенд и сказаний Изборского края, коллекционер. Родился 6 ноября 1888 года в Пскове. Учился и с успехом закончил Псковскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. В 1914-1918 годах преподавал логику, психологию, философию, историю и другие предметы в школах и училищах Пскова. 1 ноября 1919 года Макаровский был назначен заведующим первой Изборской школы. Он же руководил музеем, созданным в это время в Изборской школе. Его исторические статьи об Изборске, Малах, исторических памятниках публиковались в русских изданиях в Эстонии в 1920-1940 годы. Те, кто учились у Макаровского, вспоминают его не иначе как «настоящего учителя, воспитавшего целое поколение изборян на уважении к древней истории и любви к своему краю» [1, с. 3]. Достаточно сказать, что здание школы, которое построили при Макаровском, было оснащено всем необходимым, благодаря его стараниям, и стало своеобразной методической базой для учителей всего Печорского уезда, само же здание это до сих пор стоит в Изборске. После войны, будучи обвинённым в связях с немцами, Макаровский был смещён со всех должностей. Семья его находилась на грани голода, и Александр Иванович принял предложение преподавать в ленинградской духовной академии. В тот период одним из его учеников в академии был и будущий патриарх Алексей II, который в один из своих визитов в Изборск, посетил могилу своего учителя. Дело Макаровского по популяризации изучения исторического наследия Изборска нашло своё продолжение, поскольку именно его ученики – Н.И. Ерофеев, С.А. Щербаков, В.Д. Розова, В.В. Воронков и П.Д. Мельников были инициаторами создания в Изборской библиотеке исторического кружка

«Историческая пятница», на базе которого был создан Изборский музей на общественных началах.

Большой вклад в духовную культуру края, а также в развитие культурных связей Печор с другими центрами Русского зарубежья, а также в защиту русского коренного населения и Русской Православной церкви в Эстонии от притеснений со стороны эстонских властей внёс епископ Иоанн Булин, в бытность настоятельства которого в Псково-Печерской обители проходили съезды Русского студенческого христианского движения, оказавшие огромное влияние на подъем русского самосознания эмигрантов не только в Эстонии, но и во многих европейских странах. Именно здесь взаимосвязь культурных достижений России начала XX века, носителями которых, безусловно, были многие русские эмигранты, и традиционно православной, самобытной местной культуры, исторически складывавшейся под влиянием Псково-Печерского монастыря, и породила культурный феномен Печорского края, никогда и нигде больше не повторявшийся [3, с. 1].

Так или иначе, потенциальная возможность потерять свою принадлежность к русской нации заставляла людей по-новому взглянуть на значение народного искусства, традиций, обрядов. Согласно воспоминаний современников в довоенных Печорах в дни народных или религиозных праздников считалось неприличным появляться на улице одетым не в национальную русскую одежду. Русскость для многих печерян была естественным их состоянием, образом их жизни [5, с. 95].

В феврале 1923 г. в ходе съезда русских учителей в Таллинне был учрежден Союз русских просветительских и благотворительных обществ в Эстонии, который стал главным общественным объединением, много потрудившимся в деле развития духовности и культуры русского меньшинства. Начиная с 1924 г. в местах, где компактно проживало русское население (а оно составляло 40 % населения Эстонской республики), ежегодно стали проводиться Дни русского просвещения – культурно-просветительские праздники с обширной программой.

В Государственном архиве Псковской области сохранились материалы Залесского культурно-просветительского общества, организатором которого был известный псковский хоровой дирижер Михаил Федорович Гривский, являвшийся также священником Залесской Троицкой церкви, и поныне действующей в Печорском районе этого региона России. Среди его сподвижников можно отметить учителя А.А. Анисимова, псаломщика В.П. Воскресенского и других неравнодушных жителей

округи. Создатели общества ставили целью своей деятельности ведение просветительской работы среди местного населения посредством организации занятий в специально созданных при обществе кружках. Данное общество, как и многие другие ему подобные, входило в Союз русских просветительских и благотворительных обществ Эстонии. С началом его существования, в 1923 г. была открыта воскресная школа в деревне Залесье, где преподавание велось на русском и эстонском языках.

Необходимо отметить, что существенной особенностью данного периода развития этой местности было то, что жизнь прихода и его благотворное влияние распространялось широко за пределы храмовой ограды, и не ограничивалось одним лишь участием в богослужении, а было сосредоточено в широкой кружковой деятельности. Так, при культурно-просветительском обществе, руководимом отцом Михаилом Гривским, действовало четыре кружка: музыкальный, певческий кружок, кружок любителей книги и кружок артистов-любителей. На селе регулярно силами кружковцев ставились любительские спектакли, а коллектив участвовал в гастролях. В 1926 г. возник спортивный кружок и появилось пожарное общество. Подобно другим селениям волости здесь также каждое лето, после Троицы, являвшейся престольным праздником в селе, отмечали День русского просвещения, программа которого включала в себя: благодарственный молебен, акт, речи, выступления хоров с оркестром, шествие деревень, народное гуляние, завершавшееся спектаклем или вечером русской песни и музыки. Благо что музыкальный кружок, со временем, вырос до размера оркестра народных инструментов.

Итог данной целенаправленной культурной деятельности Залесского общества лучше всего передают слова, сказанные его членами по поводу перевода в Ригу одного из самых его активных членов – М.Ф. Гривского. Деятельность Гривского М.Ф. члены правления общества оценили как «возведение фундамента прекрасного здания культуры в нашем глухом уголке» [2, с. 171].

Несмотря на отъезд М.Ф. Гривского, и очевидную утрату для дела общества, любовь, заложенная к музыке, пению и театру оказалась сильна в душах Залесских жителей. Так, же в 1929 г. появилась детская площадка, а в 1930 г. подобно Кулейскому обществу, в Залесье появились курсы кройки и шитья, а сама деятельность Залесского общества стала одной из самых ярких страниц в истории русского просвещения Печорского края. И это неспроста, видимо потому что край находится на перекрестке культур, они взаимно обогащали друг друга, ведь давно

известно, что родная культура наиболее рельефно раскрывается при взаимодействии с другими.

Примером этому могла служить соседняя Кулейская волость, где в 20-40-е годы при численности населения 5600 человек, находилось три храма, и несмотря на объективные материальные трудности, люди жили достаточно насыщенной духовной жизнью.

Так еще в 1913 г. возникло Кулейское культурно-просветительское общество, в обязанности которого входило обучение крестьянских детей грамотности. В том же году в д. Киршино открылась школа, в которой Закон Божий был одним из главных предметов, для преподавания которого два раза в неделю приходил священник. С 1926 г. школа стала шестиклассной, начиная с 4-го класса изучали эстонский язык. Дети посещали школу с радостью. Многодетным семьям оказывалась необходимая помощь: одежда и питание. Помимо этого, в здании школы были организованы курсы кройки и шитья, кулинарные курсы. А к празднику готовились спектакли. Одной из главных задач, которая ставилась перед культурно-просветительским обществом – это создание хора. Кулейский хор насчитывал порядка 40 человек, а руководил им Л. Поспелов. Дело было поставлено настолько профессионально, что голоса были расписаны, песни исполнялись по нотам, в сопровождении струнного оркестра. В соседней с Кулье деревне Лисье тоже был достаточно большой хор, выше 40 человек. Руководил им регент церковного хора, а впоследствии и настоятель храма Владимирской иконы Божией Матери в деревне Лисье – Василий Лирин, под руководством которого партии были расписаны на басы, тенора и другие виды голосов. Василий Иванович Лирин вел большую общественную работу, руководил хором, который под его руководством пел профессионально. Помимо этого он написал несколько нотных книг, был хорошим поэтом. Являясь псаломщиком-регентом он возглавлял приходской совет Лисейской церкви.

Из дневника Василия Лирин от 12 августа 1934 г. следовало, что в селении Кулье устраивался день «Русского просвещения», в ходе которого Лисейский хор после окончания Богослужения, отправился в Кулье в 12 часов дня, когда на площадь принесли икону святого пророка Илии (храмовую икону этого сельского храма), отслужили молебен пророку Илие, а также святым учителям славянским Кириллу и Мефодию. После был пропет гимн Эстонии, а затем народ с песнями прошел по деревне. Обойдя деревню, подошли к установленной эстраде и стали излагать приветствие по поводу настоящего праздника от культур-

ных обществ. Инструктор культурных обществ И.В. Семёнов освятил собравшейся публике жизнь и деятельность двух русских великанов Д.И. Менделеева и Н.В. Гоголя.

Такие же дни были и в Лисье в день 8 сентября, в праздник Сретения Владимирской Божией Матери [4, с. 225]. Таким образом, на территории Печорского края удалось на практике преодолеть имевшиеся изъяны духовно-нравственного воспитания дореволюционной поры, когда пастыри приняли на себя миссию просветительства, а устраиваемые ими праздники объединяли всех жителей от мала до велика.

Благодаря планомерной просветительской, созидательной деятельности неравнодушных пастырей и их сподвижников, глухая деревня, обездоленная, убогая и темная вышла на широкий путь образования, культуры, музыкально-певческого искусства. Союзу русских просветительных и благотворительных обществ Эстонии удалось выстроить работу по формированию гражданского самосознания и национального достоинства местных жителей, сделав «полуграмотных грамотными, отсталых граждан – передовыми общественными деятелями, рутинных землеробов – культурными сельскими хозяевами, неподвижных общинников – самостоятельными сельскими хуторянами, темных суеверов – просвещенными христианами и грубых отцов – серьезными ценителями и школьного, и внешкольного образования».

Таким образом, удалось достичь того, что, увы, не было сделано за десятилетия после отмены крепостного права в России.

Использованная литература

1. Баранова Н. Настоящий учитель // Псковская правда. 2012. 30 авг. С. 3.
2. Волкова В.П. Залесское культурно-просветительское общество // Псков. Научно-практический, историко-кредедческий журнал. 2001. № 15. С. 171.
3. Засецкая М.Л. «На краю большой России». Фотодокументы по культуре Печорского края 1930-х гг. в Российском этнографическом музее // Российский этнографический музей. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ALBUM/1544735> (дата обращения: 03.08.2023).
4. Зуров Л.Ф. Статьи и письма. М., 2014. С. 225.
5. Цит. по: Сахарова Н.В. Культурная жизнь русского населения Печорского края 1920-1930 гг. // Псков. Научно-практический, историко-кредедческий журнал. 2009. № 30. С. 95.

Безуглова Л.И., Данилова Н.К.
(Санкт-Петербург, Россия)

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ПРИТЧИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.М. ШУКШИНА

Аннотация. В статье даётся краткая характеристика жанра притчи. Анализируются черты жанра, выявленные в произведениях В.М. Шукшина на уровне мотива, сюжета, персонажа и позиции читателя. Основное внимание уделено сюжету притчи о блудном сыне; он реализуется в киноповести «Калина красная» и создаёт двуплановость произведения, а также в рассказах «Материнское сердце» и «Крепкий мужик». Определены параллели с притчами о мытаре и фарисее, о двух разбойниках в рассказах «Беседы при ясной луне» и «Охота жить». Делается вывод о смысловой сложности текстов.

Ключевые слова: жанр притчи, творчество В. Шукшина, библейский сюжет, смысловая сложность текст.

Творчество В.М. Шукшина, обращённое к глубинным вопросам человеческой жизни, на протяжении десятилетий остаётся востребованным у читателей, зрителей и популярным как предмет исследования в науке. Ответом на духовные запросы читателей и потребности науки станет наша попытка выявить в творчестве писателя жанровые традиции притчи.

Исследователи творчества В.М. Шукшина (В. Карпова [5], В. Коробов [6], А. Варламов [1] и др.) отмечают, что его произведения с трудом поддаются чёткой жанровой классификации. Они весьма самобытны. Черты, восходящие к фольклору, соединяются в них с тем уникальным, что привнесено в литературу самим писателем. Всё чаще говорят о притчевом характере его творчества [7], наиболее определённо эту мысль высказал А. Грунтовский («Материк Россия») [2, с. 322].

Итак, необходимо описать черты поэтики жанра притчи, определить круг произведений Василия Шукшина, тяготеющих к данному жанру, выделить в текстах сюжеты известных притч.

Притча в исходном, «базовом» своём определении – это поучительный рассказ малого размера, несущий моральное назидание в аллегорической форме. Со временем литература уходит от малых форм, в XX веке появились роман-притча («Плаха» Ч. Айтматова), повесть-притча («Белый пароход» Ч. Айтматова), драма-притча («Жизнь Галилея» Б. Брехта) и др. Но неизменным в этой структуре остаётся моральное назидание в аллегорической форме: «Обязательная для притчи доля иносказательности является своего рода механизмом активизации воспринимающего сознания» [10].

Отметим также особую – параболическую – композицию притчeveго сюжета. Повествование начинается с отвлечённого предмета, затем следует описание назидательного случая, и в конце вновь возвращается к исходному моменту; содержание такого рассказа напряжённо-выразительно. Такие произведения необычны по своему строению и по содержанию: их можно воспринимать в прямом значении, поверхностно, или вникая в потаённый смысл, где открывается бесконечное поле для размышлений и толкований.

«Любая притча Евангелия или Ветхого Завета, а также притчи, передаваемые сквозь века, имеют понятные и простые сюжеты. Но, по мере того как мы <...> всё больше и больше приобщаемся мудрости, которая создала этот образ, мы начинаем выходить за пределы самого образа. При этом образ не теряет своей достоверности, но истина, заключённая в нем, предстаёт в необычайной красоте», – писал митрополит Антоний (Сурожский) [8, с. 70-72].

Важно понимать картину мира, которую моделирует притча, и то, какое место в ней занимает герой. Притча «предполагает ответственность выбора в качестве бытийной компетенции персонажа. Это императивная картина мира, где персонажем осуществляется (или преступается) не предначертанность судьбы, а некий нравственный закон. <...> Здесь действующие лица <...> предстают перед нами не как “объекты” эстетического “наблюдения” (именно таковы герои сказания или анекдота), “но как субъекты этического выбора”. Все их поступки в притче есть реализация такого выбора» [10]. Иными словами, испытывается нравственность героя.

Притчевые черты могут обнаруживаться на различных уровнях художественного текста: мотивном, сюжетном, персонажном [12]. Также притча предполагает особую позицию адресата (слушателя, читателя). От него требуется извлечение и истолкование некоего нравственного урока.

Целью творчества В.М. Шукшина, автора, совсем не желающего назидать, было как раз назидание, только назидание не диктаторское, а свободно перетекающее от сердца к сердцу. Неповторимое своеобразие рассказов Шукшина было замечено уже с первым появлением их в печати: «...что-то тревожащее, словно подул колющий ветерок из неведомых пространств, – писал критик. – Шукшин рассказывал “случаи из жизни”, притом самой обыкновенной, ничем особенным не примечательной. Действие его произведений протекало в крестьянской избе, в чайной. Ничего чрезвычайного ни в избранных им сюжетах, ни в обстоятельствах, о которых он писал. Однако в этих маленьких рассказах ощущалась обшир-

ность внутреннего задания автора. <...> Шукшин... был ясен и прост во всём, что касалось фабулы, происшествия, на котором он строил рассказ, но при чтении возникал обычно второй план, далеко не так просто поддающийся истолкованию, как нам порою хотелось бы» [5, с. 47].

Двуплановость произведения, двумерность его – характерный признак притчи. При этом главным на фоне сюжетных декораций является как раз второй план, который необходимо правильно понять.

Среди произведений Шукшина по библейским притчевым сюжетам в первую очередь нужно назвать «Калину красную».

Развернув сюжет христианской притчи о блудном сыне, Шукшин создал на её основе большую киноповесть. Сюжет притчи прост. Сын решает покинуть дом отца, чтобы отправиться «в свободное плавание», для этого он просит родителя отдать положенную ему часть наследства. Отец соглашается. В праздности и блуде на чужбине сын расточает своё имущество, в нужде нанимается пасти свиней за унижительную плату – и вспоминает о родном доме. Он принимает решение вернуться и наняться к отцу в работники, не надеясь на прощение. Но отец радушно принимает его, устраивает праздник по случаю возвращения родного дитяти, называя это возвращение фактически воскресением заблудшей души – «был мёртв и ожил» (Лк. 15: 24). Пересказ получается чуть ли не длиннее самой притчи – так лаконична её форма, ни единого лишнего слова.

С евангельским блудным сыном ассоциирует себя каждый кающийся грешник. Интересно трактуют эту притчу иеромонахи Кирилл и Мефодий (Зинковские). Они поясняют, что на часть имения, которую потребовал выдать себе сын, «по тогдашнему закону он не имел права, покуда отец его не умрёт. <...> Одним этим требованием он, по сути, сказал отцу: “Ты для меня мёртв”» [4, с. 152]. В том, как отец принял сына назад в свой дом, есть тоже символические образы: «Надел на руку его перстень, что означало вчинение в сыновство и возвращение ему всех тех прав, которые он когда-то имел как сын. И несмотря на то, что он потерял часть наследия, истратил её, живя блудно, отец вдруг возвращает ему право наследия на то, что осталось, и приготовляет пир <...> чего он почти никогда не делал» [4, с. 153].

При том, что притча не русского происхождения, она кажется очень народной, близкой нашему менталитету – и сыновнему, и родительскому: первый самовольно вытребовал, ушёл, прокутил, вернулся; второй уступил, ждал, вышел навстречу, принял в объятия, оправдал, возрадовался, одарил.

В «Калине красной» тоже показан чисто русский характер: противоречивый, упрямый как в делании добра, так и, к сожалению, в делании зла, но при этом тяготеющий к добру.

Центральной темой «Калины красной» является уход человека из родного дома, оставление корней и запоздалая встреча с матерью.

С. Фисун и И. Островских, рассматривая христианский подтекст произведений Шукшина, пишут, что «на символическом уровне в рассказах Шукшина репродуцируются все основные сюжетные узлы, составляющие притчу: отпадение человека от Бога (веры), искушение его плоти и духа, духовная смерть и даже стремление к покаянию, кроме главного – возвращения блудного сына в дом Отца Небесного. <...> Это непрерывное прозревание в человеке Божественного образа делает Шукшина представителем религиозного реализма в русской литературе» [11].

После выхода «Калины» на экраны в 1974 году о ней много спорили: «Что же это за жанр, где перемешаны комедия, мелодрама, трагедия, что же это за стиль, где жестокость и сентиментальность сливаются в несоединимое?» [5, с. 144-145]. В журнале «Вопросы литературы» один из участников дискуссии о фильме упрекал автора в отступлении от жанровых рамок. Он писал: «Шукшин ориентирует свой фильм то на высокую трагедию, то на жестокий романс, то на мелодраму, то на устную байку, то на лирическое признание, то на провинциальный балаган» [5, с. 144-145].

Такое непонимание как раз является примером внешнего восприятия притчи. Внешнее восприятие – только первого плана притчи – допустимо для зрителя, но не для критика. Покинул блудный сын родной дом, растлился, расточил наследство, а отец его возьми да прости – какой это пример детско-родительских отношений?! Убрать, запретить Евангелие! Утрированно, но именно так выглядит подобный подход к произведению.

«Если говорить о доминирующей жанровой природе этого фильма, то со всей ответственностью можно сказать о том, что это философская притча об исторически неизбежном переходе России из крестьянской цивилизации в городскую с резкой потерей культурного континуума русского национального характера», – отметил А. Дмитриев [3].

Шукшин, необычайно проникновенный знаток человеческих душ, говорил, что для него «больше всего важна не сама история грехопадения, а предыстория. Почему всё это могло произойти? Какие условия привели к тому, что такое здоровое и крепкое вдруг стало больным? Откуда

стала возможна эта порча душ?» [5, с. 140]. Развернувшись до масштабов киноповести, «произведение превращается в некую притчу – художественно-философское размышление о проблемах времени и человека в их главных связях – социальных, этических и психологических, – о прочности этих связей и, наконец, о грозных последствиях их обрыва, их нарушения» [9, с. 52].

Выделим в произведении главные составляющие притчи: мораль, нравственный выбор героя, композицию-параболу.

Начнём с последнего. Парабола – это симметрично изогнутая линия, перевёрнутая дуга, концы которой подняты вверх. Начало и конец у притчи, говоря простым языком, соответствуют концам этой дуги, а пик – кульминация – приходится на центр параболы.

Структура «Калины красной» подчинена рисунку параболы. Повествование открывается картиной исполнения заключёнными песни «Вечерний звон» – среди них и Егор, но он пока именно один из многих; внимание автора в начале обращено на то, сколь много таких Егоров, что они составляют целый хор «Бом-бом», и каждый со своей судьбой; тюрьмы переполнены, в фильме он останавливается на лицах... Когда Егор выходит на свободу и остаётся один, ситуация начинает накаляться: куда он пойдёт, что предпримет, как поведёт себя? Действие неумолимо движется к кульминации – это посещение материнского дома (в фильме, вспомним, усилен драматизм: герой на земле на фоне храма). Достигнув апогея, катарсиса, эмоциональное напряжение ослабевает, как это ни удивительно, ведь, казалось бы, развязка сюжета – гибель – ещё впереди. Но именно здесь, в этот момент герой внутренне *перерождается*, и это начало обратного отсчёта до его конца. Произведение отвечает законам параболы.

С моралью сложнее. В притче она не должна быть явной, до неё надо прийти, разгадать самому. Автор признавался, что пытался «рассказать не о злосчастной судьбе рецидивиста – рассказать о душе. О том, как не устроена она, как мается и ищет своего места... <...> Но вот что меня мучает страшно: всегда ли мы успеваем задумываться о самом главном – о человеке, о душе человеческой? Достаточно ли мы думаем и заботимся о ней? Об этом “Калина красная”» [12, с. 345]. А также – об ответственности человека: «За всё, что происходит сейчас на земле, придётся отвечать нам, ныне живущим. И за хорошее, и за плохое. <...> Мой человеческий совет зрителю – подумать о своей нравственной ответственности. За всё. За всё» [12, с. 345; 5, с. 135-136].

Мотив блудного сына присутствует и в других текстах Шукшина. Сам излюбленный троический образ его произведений – человек, дорога, дом – и его герой – личность-в-становлении – являются главными элементами притчи о блудном сыне. Многие рассказы Шукшина объединяет мотив дороги, пути. По мысли Л. Ягунковой, «русский человек у Шукшина – это путник» [13, с. 60].

Назовём в этом ряду рассказы «Материнское сердце» (здесь на первом плане путь матери, её сердца, в надежде освободить своё дитя), «Крепкий мужик» (показная весёлость главного героя на фоне укоров односельчан: «Пошто церкву своротил, нехристь?» – и его «уход» в ночь из деревни; что-то ждёт его за поворотом?).

«Материнское сердце» – словно обратный притче о блудном сыне рассказ: путь проходит сама мать, которая переживает о попавшем в беду сыне. Это тоже очень по-русски. Понимая, что он несправедливо угодил в тюрьму (хотя и закономерно – выпил, поддался соблазну), Витькина мать ходит по инстанциям, пытается вернуть его домой. Витька терпит нравственное падение; нравственный выбор матери всегда – спасти дитя.

Проблема «отчего дома» перерастает в проблему борьбы за развитие той подлинной культуры жизни, где никогда не будут знать горя люди слабые и беззащитные.

Назовём и другие притчевые сюжеты. В рассказе «Беседы при ясной луне» прослеживаются параллели с притчами о неразумном богаче и о фарисее («Я тебя жизни обучать буду!»). В произведениях «Охота жить» и «Калина красная» – с притчей о двух разбойниках (Ср.: «Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил. <...> Паскуда!» – «Тварь я последняя! <...> Прости меня, Господи, если можешь!»).

Притча всегда современна, потому что в ней поднимаются проблемы, которые в принципе неразрешимы и, несмотря на все оптимизации, реформы и преобразования, будут возникать, пока существует мир.

Знание текста Священного Писания необходимо исследователю творчества В. Шукшина, иначе в своей работе он очень скоро упрётся в некоторое обманчивое «дно», за которым не сможет увидеть глубинного смысла. Выявление текстуальных контаминаций с притчами и историческими событиями Евангелия способствует подлинному осмыслению авторского наследия. Глубокие думы о судьбах народа и каждого его «чужака» вкупе с совершенствованием художественного мастерства позво-

лили Шукшину создавать и собственные сюжеты-притчи, вполне отвечающие законам этого жанра, главный из которых – побуждение нас к духовным размышлениям.

Использованная литература

1. Варламов А. Шукшин. М., 2015.
2. Грунтовский А. Материк Россия. Слово о русской словесности. СПб, 2011.
3. Дмитриев А. Герои В. М. Шукшина как носители русского национального характера: Научная статья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.host2k.ru/library/geroi-shukshina-kak-nositeli-russkogo-nacionalnogo-haraktera.html> (дата обращения: 21.08.2023).
4. Кирилл (Зинковский), иеромон., Мефодий (Зинковский), иеромон. Связь времён. СПб, 2011.
5. Карпова В. Талантливая жизнь: Василий Шукшин – прозаик. М., 1986.
6. Коробов В. Василий Шукшин. 2-е изд., М., 1988.
7. Михеева Ю. Кинематограф Василия Шукшина: вочеловечение притчи: Научная статья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-vasiliya-shukshina-vochelovechenie-pritchi> (дата обращения: 21.08.2023).
8. Сурожский А. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002) / Пер. с англ. М., 2012.
9. Толченова Н. Слово о Шукшине. М., 1982.
10. Тюпа В. Три стратегии нарративного дискурса [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://papusha.at.ua/V.Tiupa-Tri_strategii_narr_diskursa.htm (дата обращения: 21.08.2023).
11. Фисун С., Островских И. Мотив блудного сына в художественном мире В. М. Шукшина: Научная статья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-bludnogo-syna-v-hudozhestvennom-mire-v-m-shukshina> (дата обращения: 21.08.2023).
12. Шукшин В. Вопросы самому себе: Публицистика. М., 1981.
13. Ягункова Л. Василий Шукшин. Земной праведник. М., 2019.

Галушко Т.Г.
(Санкт-Петербург, Россия)

ДУХОВНАЯ ВСЕЛЕННАЯ С.С. АВЕРИНЦЕВА КАК ПАЙДЕЙЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ HI-TECH

Аннотация. В статье обосновывается важность и актуальность воспитания духовности на основе наследия ученого и мыслителя, филолога и библеиста, поэта и переводчика, христианского мыслителя Сергея Сергеевича Аверинцева в связи с тем, что возрастает опасность технологического мышления, о котором предупреждали создатели теории информации и вычислительной техники. Такое мышление затрудняет проявление в личности интуитивно чувствуемый образ интеллекта и грозит утратой культурно-исторических корней, так как опосредующие технологические структуры, имевшие раньше инструментальный характер, обретают постепенно субъектные формы на основе примата средства над целью. Духовная вселенная С.С. Аверинцева, убежденного христианина и проповедника Евангелия, рассматривается как пайдейя (греческая пайдейя – это воспитание и его результат, культура), как путь противостояния хаосу и энтропии эпохи Hi-Tech, путь становления личности через открытие тайн русской словесности, античной и византийской культур (перекличка времен и выстраивание культурных мостов). Девиз и проект Аверинцева «Ad fontes! К истокам!» позволяет черпать из этих источников новые смыслы для воздвигания ума, души и духа на основе культурного идеала, как сознательно формирующего принципа. Духовное наследие С.С. Аверинцева рассматривается как сопротивление технологическому рационализму, как утверждение познавательных ценностей сердца и совести (совесть как инструмент познания!) и обращение к христианским ценностям, добродетелям человека, к его сердечной, глубокой вовлеченности в происходящее.

Ключевые слова: духовность, христианский мыслитель, проповедник, филолог, Ad fontes!

Тотальная цифровизация, как всеобщая погруженность современного мира в интернет-среду информационных технологий, означает антропологические изменения личности. Уход человека в виртуальную реальность означает проблемы в когнитивной сфере прежде всего на уровне образования. В условиях интенсивного развития Hi-Tech возникает необходимость осмысления ограничений их влияния для сохранения человеческой культуры на основе компенсаторных цивилизационных механизмов культуры и образования. Поэтому образовательные стратегии должны быть нацелены на усиление и углубление доминанты «образование без души опустошает душу»: как кислород для дыхания в образовании требуется **выход** за пределы усвоенного материала, что требует воли и мужества. С.С. Аверинцев пишет о символике **выхода**: «Состояние «**выхода**» явно имеет в древнееврейской литературе весо-

мость символа: человек или народ должны выйти из инерции своего существования, чтобы стоять в пространстве истории...как воля против воли» [4, с. 69].

Целью данной работы является обоснование важности и актуальности духовного воспитания современной молодежи на основе наследия ученого и мыслителя поистине необъятных масштабов Сергея Сергеевича Аверинцева, одного из самых значимых в культуре последних десятилетий филолога и библеиста, поэта и переводчика, яркого и оригинального христианского мыслителя, а также антрополога и богослова, христианского просветителя и апологета, а также рассмотрение духовной вселенной Аверинцева как греческой пайдеи (воспитание и его результат, культура).

Идея культуры и культурный идеал как сознательный формообразующий принцип – это «беспреданное усилие приблизиться, насколько возможно для человека, к совершенству, это источник того, что мы называем гуманизмом» [5, с. 13].

Поводом к написанию этой работы послужило также второе издание уникального труда С.С. Аверинцева «Слово Божие и слово человеческое. Римские речи», вышедшего в издательстве «Никея» в 2023 году [2].

В современном образовании основной акцент ставится на технологическое мышление (программирование, алгоритмизация, компьютеризация, информатизация), что затрудняет проявление в личности интуитивно чувствуемый символический образ интеллекта, превосходное определение которого, сформулированное Э. Торндайком, не утратило своей актуальности до настоящего времени: «Интеллект – это то, чем Платон, Аристотель и Фукидид отличались от афинских идиотов своего времени». Создатели теории информации и вычислительной техники К. Шеннон, Н. Винер и Д. фон Нейман предупреждали об опасности их открытий: при информационно-технологическом мышлении взгляд на человека не как на личность, а как на обучаемый компонент системы образования.

В основе технологизированного мышления лежит внешнее отношение к человеку, оно нетерпеливо и торопливо, оно стремится к цели любыми средствами, рефлексия для него не требуется. Поэтому М. Мамардашвили назвал идею проектирования нового человека одной из самых глупых и трагических в XX веке, подчеркивая, что «Эмпирическое Я» рефлекторно, а «Когитальное Я» – рефлексивно. Познавая или переживая нечто, мы одновременно познаем себя и этим самопознанием доопределяем это нечто, самоопределяем, в пределе сотворяем себя» [6, 343].

Современный мир высочайших технологий, всеобщего и открытого доступа к любой информации по оценкам мыслителей и философов представляет собой время «нового варварства», когда нет слуха, зрения и внимания для восприятия важных и глубоких истин. Согласно С.С. Аверинцеву, мысль не может быть признана мыслью, пока не будет содержать в себе самой мысль о **вневременном смысле** человеческого бытия, а М. Бахтин назвал это «поступающим мышлением», которое возможно только на основе наследия мировой культуры.

С.С. Аверинцев, наивысшей образованности философ и гениальный филолог, пронзительно верующий и великий интеллектуал (вне сомнения самый большой интеллектуал в России), выстроил концепцию духовного родства Востока и Запада... «Да будет все едино» (*ut unum sint*), как молился в Гефсиманском саду Спаситель. Христианство, как он был убежден, представляет собой единое целое. Аверинцев сознавал, как и Вяч. Иванов, что человечество должно дышать «двумя легкими»: западной и восточной духовностью. Искренний как ребенок, застенчивый и деликатный, и в то же время человек исключительной духовной честности и чистоты, он был первым профессором в Москве, который в начале 70-х годов в своих лекциях на филологическом факультете МГУ заговорил о Боге. И было понятно многочисленным слушателям, что он не только знает Евангелие, но сам верит в Бога. На своих лекциях Аверинцев раскрывался как знаток древнегреческого и латинского языков, как глубокий интерпретатор и исследователь античного и средневекового эстетического наследия, он цитировал на память большие по объему тексты, и сам был большим религиозным поэтом. Подлинный мастер слова, он открывал тайны русской словесности, античной и византийской культуры, обосновывая диалогизм культур, что позволяет нам черпать из этого источника мудрости новые и новые смыслы для возделывания ума, души и духа.

При этом, как подчёркивал Аверинцев, надо доходить и договаривать до конца, без намеков и пространности. Главное – додумывать до конца, с ответственностью и требовательностью к себе. И это означает нравственность, которая проявляется не на бытовом уровне, а на метафизическом. Такой труд нравственного созидания является трудом духовным. Христианский просветитель и гуманист С. Аверинцев любил высказывание *Ad fontes!* (К истокам!), имея в виду классическую античность и свободное культурное творчество. Филология как любовь к слову и тексту – это сердцевина гуманизма как античного, так и совре-

менного. Вся просветительская энергия Аверинцева была направлена на воспитание своего читателя и слушателя в христианских традициях. «Его новая рациональность – это «одновременно сопротивление дурному иррационализму и плоскому рационализму. Это познавательная ценность *сердца и совести*» [7, 417].

Девиз и проект С.С. Аверинцева «Ad fontes!» является целью гуманистической христианской культуры, очень важной и сложной для современной культуры и образования. Обратимся к некоторым положениям концепции «Ad fontes!».

1. Одна из самых серьезных опасностей нашей эпохи охарактеризована выдающимся христианским эссеистом XX столетия К.С. Льюисом как «хронологический снобизм», что означает некритическое принятие чего-либо просто в силу принадлежности к интеллектуальной моде нашего времени. Во избежание этой опасности – умственно замкнуться в сегодняшнем дне, – мы вынуждены постоянно оживлять в уме, в воображении и душе память о корнях европейской культуры, христианской по своей сути и происхождению (также и в некоторых аспектах, которые могут казаться скорее секулярными или нейтральными по отношению к вере как таковой!) Боевой клич гуманистов былых времен «Ad fontes!» [к источникам] должен стать сегодня нашим девизом.

2. «Что общего между Афинами и Иерусалимом?» Этот вызывающий вопрос некогда задан был Тертуллианом: Афины означали философию, мирскую культуру ума, Иерусалим – веру...к этим символическим именам городов мы должны добавить третье имя – Рим, олицетворяющее государственный порядок и закон.

3. Если мы рассмотрим корни самого центрального понятия европейской ментальности, идеи личности, мы с необходимостью должны учесть каждую из трех парадигм: понятийный язык Библии и древне-еврейской традиции...; римскую традицию изучения законов, которая предавала существовавшему *persona* нравственный и юридический смысл...; греческую философскую культуру, которая окружала обычаи и правила рефлексией и обсуждением...

4. Вселенский анамнезис во Христе – вот, что значит, цель гуманистической христианской культуры: потому что такова историческая предпосылка осуществления всемирной соборности... «La memoria ontologica» (онтологическая память) – «La Anamnesi universale in Christo» (Вселенский анамнезис во Христе): обе формулы – наилучшие девизы будущих усилий [2, с. 276-278].

Все написанное и сказанное С. Аверинцевым не перестает сообщать новые и новые смыслы для будущих поколений. Он рассматривал христианство как общительность и общение, способное принять все ценное и доброе, созданное человечеством на основе глубокого почтения к отечественной и мировой культуре, что создает гармонию и противостоит хаосу и энтропии.

Главный предмет его творчества С.С. Аверинцева – это человеческое понимание, без которого человек обречен на заблуждения и ошибки.

Специалист по античной, средневековой, русской и европейской литературе и культуре, убежденный христианин и проповедник Евангелия на языке высокой культуры, Аверинцев многие годы жизни посвятил выстраиванию культурных мостов между западноевропейской и отечественной культурами, являясь ярким и оригинальным мыслителем.

Его уважительное и даже почтительное отношение к человеку было связано с библейской мудростью, в основе которой лежала культурная, интеллектуальная и духовная преемственность. Поэтично описывает метод своего учителя О. Седакова: «Впечатление почти фокуса: он вытаскивает одну нитку, и вокруг нее заплетается вся мировая культура – такая, какой она была со времени Гёте, культура Афин, Иерусалима и Рима.... Исследовательская мысль С. Аверинцева исходила из «чувства цельности, переключек, соответствий», «широчайших перспектив, распределения опор и магистральных линий традиции» [7, с. 403]. Как писал сам С. Аверинцев: «Настоящее так важно потому, и только потому, что через него таинственная глубина прошлого и таинственная широта будущего раскрываются навстречу друг другу» [2, с. 144].

Мысль С.С. Аверинцева, начиная с «Похвального слова филологии», всегда остается филологической, связанной со словом и с текстами. Филология – царица наук. Филология – служба филологического понимания. Филологическое понимание означает найти середину между рациональным исчислением и субъективным переживанием. Однако его мысль выходит за пределы филологии: это философия, антропология, богословие, христианская апологетика. При этом главным остается неизменно возделыванием ума человека в духе «ума Христова».

Его коллега С.Г. Бочаров пишет: «Филолог Аверинцев оставил нам свой энциклопедический словарь не просто важнейших понятий – важнейших слов нашей жизни (“любовь”, “спасение”, “чудо”, “судьба”) но и многое другое» [3, с. 19].

Аверинцев был светским проповедником на разные темы, вызывающий к добродетелям человека (*virtus humana*). Словами самого Аверинцева это называется «этической перспективой, свободной от поверхностной морализации».

В отличие от рационализма эпохи Просвещения и последовавших за ней двух веков, который отрицал все иррациональное, сводился к аналитике, «техническому методу», новый рационализм Аверинцева «перекликается с самыми древними представлениями о разуме, который своими корнями имеет мудрость, а мудрость включает и нерациональное...» Этот «сказочный ум», которым обладал Аверинцев, признавал «области, перед которыми ум с удивлением и почтением останавливается» [7, с. 394]. Когда он говорил, большинство людей ощущали расширение сознания – он делал людей выше, чем они были, приобщал их к высокой мысли, к высоким ценностям. Уникальность Аверинцева многогранна: эрудиция его – «не горизонтальная, а иерархическая», и это позволяло ему тонко чувствовать меру как золотую середину, свидетельствовало о «трезвом обаянии ума» [7, с. 403].

Научное творчество Аверинцева сегодня как никогда остается актуальным для культуры и образования, это особого рода оптика, в которой видно источник света, когда в понимание включен весь человек, его «сердце», его интуиция, его совесть... Совесть как инструмент познания!

Для этого необходим герменевтический метод Аверинцева – метод мудрости, «духа человеколюбивого», метод глубокой, сердечной вовлеченности в происходящее.

Согласно С. Аверинцеву, очищение слова человеческого заключается в тайниках Слова: «Человеческая речь, угловатая, затрудненная, подчас косноязычная только при соприкосновении со Словом, подобно музыкальному инструменту, может настраиваться на Истину» [2, с. 29]. И далее: «Только на непостижимом пути к Слову Божию можно обрести мудрость» [2, с. 40]. Дабы слово человеческое могло возродиться, жить рядом с Ним и, как говорит апостол Павел, отразить Его. Более того, можно привести пророческое проклятие из рассказа К.С. Льюиса: «У того, кто отрекся от Слова Божьего, будет отнято и слово человеческое» [2, с. 315].

На слова Апостола Павла: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам понять, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2) Аверинцев завершает свою прерванную речь в палате депутатов 16 ноября 2002 года

важными словами: «Да будет с нами Мудрость Божия в нашей конструктивной критике современности, в тихом и мирном отказе «сообразовываться». Аминь!

Не оставляет надежда, что люди будущих поколений не будут «поддакивать своему времени», а это значит, что духовность, заповеданная С. Аверинцевым, не умрет в повседневности.

Использованная литература

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений. София-Логос. К., 2006.
2. Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое. Римские речи / Сост. Пьерлука Адзаро. М.: Никея, 2023.
3. Бочаров С.Г. Аверинцев в нашей истории // *Вопр. лит-ры*. 2004. № 6. С. 125-128.
4. История всемирной литературы. Т. 1. М.: Наука, 1983.
5. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2014.
6. Мамардашвили М.К. Картезианские этюды. М.: Прогресс, 1993.
7. Седакова О.А. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. М.: Никея, 2022.

Григулевич Н.И.
(Москва, Россия)

ВЛИЯНИЕ ВОССТАНОВЛЕННЫХ МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ НА ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В МАЛЫХ ГОРОДАХ ЦЕНТРА РОССИИ¹

Аннотация. Одной из задействованных в проекте «Население малого русского города в XXI веке (2017-2021 гг.)» тем стала «История и современность православия в малых городах Центра России». Особое внимание в данном исследовании мы предполагали уделить тем вопросам, которые касаются последних десятилетий истории малых городов (Белёва, Тульской области, Старицы, Тверской области, Данилова и Пошехонья, Ярославской области). Закрытые в советское время церкви и монастыри постепенно передавались Русской православной церкви, восстанавливались из руин, во многих возобновлялось приходское и монашеское служение. Было интересно понять, как эти процессы повлияли на горожан и, напротив, как храмы и монастыри взаимодействуют с местными жителями, причем не обязательно православными. Для этого нами была разработана анкета для опроса экспертов (священников и настоятелей местных церквей и монастырей), а также блок соответствующих вопросов в Анкету для массового опроса (по 300 человек в каждом городе в 2018-2021 гг.).

Ключевые слова: малые города, история русской церкви, культурное наследие, возрождение храмов и монастырей, Белев, Старица, Россия.

Первые результаты наших комплексных исследований в малых русских городах были представлены в нескольких монографиях [1]. Многие иерархи русской церкви сыграли важную роль в самые трагические моменты отечественной истории, когда речь шла о самом существовании государства. Одни, как митрополит Московский Филипп (11 февраля 1507 – 23 декабря 1569 г.), за приверженность православному вероучению и несогласие с политикой Иоанна Грозного, был низвержен с престола и поплатился своей жизнью. Другие, как уроженец Старицы первый русский патриарх Иов (1530-е годы. – 2 июля 1607 г.) в дни воцарения Лжедмитрия I чуть не лишился жизни, был оклеветан и отправлен в ссылку. Его приемник, патриарх Гермоген (Ермоген) за отказ благословить очередного самозванца и сотрудничать с изменниками был заключен в Чудов монастырь, где 17 февраля 1612 г. скончался от голода. Одна из тем, которые разрабатываются в ходе реализации данного проекта – история русской церкви и ее ярких представителей, которые являются уроженцами этих территорий [2].

¹ Исследование проведено по теме НИР ИЭА РАН

Белев, Тульская область

Князья белёвские, на месте старого городища на высоком Окском берегу, основали, предположительно, в 1525г., Свято-Преображенский Белёвский монастырь, ставший архитектурной доминантой города и, несмотря на бурную историю, доживший без существенных потерь до наших дней. После революции, в 1921 г. белевские монастыри² были закрыты. В 1930-1932 гг. большинство членов монашеской общины при Богородице-Рождественской церкви, братия Спасо-Преображенского монастыря, а также некоторые священнослужители и миряне г. Белева и Белевского уезда были арестованы органами ОГПУ и высланы в отдаленные места [3, с. 219]. В 1931-1932 гг. многие из них были осуждены в Тульской тюрьме на смертную казнь и расстреляны на Тесницком полигоне недалеко от Тулы.

Игумен Свято-Преображенского Белевского монастыря Арсений (Девятериков)³ поделился с нами историей постсоветского восстановления обители: «В 2007 г. монахи из Оптиной пустыни по благословению отца Илия⁴, начали приезжать сюда, как волонтеры. Уже через год в 2008 г. Святейший синод, во главе с ныне покойным патриархом Алексием II, принял решение об открытии и возрождении Спасо-Преображенского мужского монастыря в Белеве. Сейчас монастырь живет полноценной монашеской жизнью. Здесь пока пятеро монашествующих. Около 20 трудящихся братьев здесь живет. Есть и такие, кому жить негде, кто потерял документы, долго жил на улице. Слава Богу, они трудятся, подвизаются. Монастырь молится о наших людях, о нашем государстве. Мы также ведем социальную работу, помогаем людям, попавшим в сложные жизненные ситуации. Некоторые люди приходят ненадолго, таким помогаем восстановить утраченные документы. По благословлению владыки нашего Серафима⁵, при монастыре в 2015 году открыта школа звонарей. Мы обучаем детей с 14 до 18 лет основам и приёмам колокольного звона. Любой желающий может заниматься в этой школе, как православный, так и неверующий. Монастырь также принимает паломников» [5].

Ежегодно с 2015 года в августе в стенах Белевской Спасо-Преображенской обители проводится епархиальный открытый фестиваль коло-

² Рядом со Спасо-Преображенским мужским монастырем находится разрушенный в богоборческое время девичий Крестовоздвиженский монастырь.

³ Все должности указаны на момент проведения исследования (прим. авт.).

⁴ Схиархимандрит Илий (Ноздрин), духовник Оптиной пустыни, духовник патриарха Кирилла.

⁵ Митрополит Белевский и Алексинский Серафим (Кузьминов).

кольного звона «Белёвский перезвон», приуроченный к престольному празднику Преображения Господня.

Старица, Тверская область

Город Старица, родина первого русского патриарха Иова, один из любимых уделов Ивана Грозного, в котором он подолгу пребывал. С 1566 г. Старица входила в опричнину.

В 2022 году Старицкая обитель отметила 25-летие возобновления монашеской жизни. Тогда произошло событие, которое придало новый смысл древнему городу на берегу Волги. Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II постановил благословить открытие в городе Старице Тверской епархии Успенского мужского монастыря для возобновления в нем монашеской жизни.

Старицкий Свято-Успенский монастырь, воспитавший многих великих подвижников православия, был не только оплотом веры. Обитель вошла в историю и как крупное монастырское хозяйство. Монастырская братия выращивала хлебные злаки, овощи и фрукты, разводила домашний скот, знала многие ремесла. Монастырь был центром грамотности и традиционной культуры.

Вот как описывал ее автор истории Свято-Успенского монастыря игумен Арсений: «С горы старого городища еще более привлекательный вид представляет монастырь. Любитель картин природы поражается неожиданно развернувшейся перед ним, почти под самыми его ногами, массивною группою церковных куполов и башен и с удивлением смотрит на громаду высоких построек, со всех сторон окруженных природными земляными стенами. Картина природы редкая и в нашей губернии единственная!» [4, с. 4].

Во время работы экспедиции Центра антропоэкологии ИЭА РАН 1-5 октября 2019 г. мы беседовали с настоятелем мужского Старицкого Свято-Успенского монастыря иеромонахом Паисием [6]. Он рассказал, что Успенская обитель имела во все века большое значение как для старичан, так и для всей Тверской земли. В 2019 году в монастыре открылся кружок звонарей, который ведет студент, один из выпускников звонарной школы. Обитель дружит со всеми преподавателями старицкой школы искусств, всегда откликается на их конкурсы и другие мероприятия. Многие ученики этой школы занимаются параллельно и в монастырских кружках. Больше 50 учеников занимаются в изокружке у игумена Паи-

сия, который по мирскому образованию художник. Кроме того, он обучает подростков иконописи по авторской программе.

Многие старицкие дети занимаются также музыкой. Они приходят в монастырь играть на старинном немецком фортепиано, которое отец Паисий специально привез из Санкт-Петербурга. Монастырские кружки посещают девочки и мальчики, которых существенно меньше, чем девочек. Они также занимаются рисованием и мультипликацией. Отец Паисий считает, что необходимо развивать ремесла, рисование, лепку, шитье, резьбу, все то, что делается своими руками и в реальном пространстве, а не в виртуальном, куда погружены многие современные дети.

Одна из его учениц написала книгу про свою собаку: «Она живет в деревне, ухаживает за козами, кроликами, знакома со всей деревенской жизнью. Мы с ней придумали проект мультфильма на сюжет этой книги. Написали сценарий, потом сделали раскадровку и декорации» - рассказал отец Паисий. Большинство детей, которые занимаются в монастырских кружках, светские. Настоятель монастыря надеется, что дети старицких горожан со временем будут воцерковляться.

Отец Паисий считает, что Старицкий Свято-Успенский монастырь представляет довольно редкое явление. Очень сложно бывает монахам поддерживать равновесие, чтобы не уклониться в затворническую жизнь и не перестать контактировать с миром. Другая крайность - настолько широко распахнуть двери монастыря, что он превратится в парк культуры и отдыха, а его насельники станут заложниками ситуации. Ведь они постригались с целью постижения Бога и глубин духовной жизни. Необходимо соблюсти баланс, чтобы монастырь жил интенсивной духовной жизнью, и в то же время, чтобы он был открыт для общества, горожан, туристов, и чтобы эти две ипостаси жизни в монастыре гармонично сочетались.

Ежегодно 28 августа, в престольный для обители праздник Успения Пресвятой Богородицы, на монастырской соборной площади проходит праздничное напутствие первоклассников всех школ Старицкого района. На нем присутствуют не только будущие школьники, но также их родители, родственники, учителя и многие горожане. Этот праздник стал уже традиционным для старичан.

В изученных нами малых городах за последние 30 лет были восстановлены и заново построены многие храмы и монастыри. Возобновилась монашеская жизнь в обителях, которые пока еще не стали массово посещаться как горожанами, так и паломниками. Малочисленность населения малых русских городов и нацеленность многих семей на переезд

в более крупные, приводит к тому, что прихожанами храмов и монастырей являются, в основном, люди пожилого возраста.

Многие храмы в малых городах и их окрестностях все еще нуждаются в реставрации. В обследованных нами городах к 2023 г. уже много сделано для возрождения храмов и монастырей, а в окружающих их сёлах все ещё остаётся огромное количество полуразрушенных храмов, ждущих восстановления. Ситуация усугубляется тем, что эти территории стремительно теряют население, особенно в сельской местности. Восстанавливать поруганные святыни зачастую некому, да и ресурсы на это государством не выделяются.

Во вновь открытых монастырях и храмах постепенно возрождается монашеская и приходская жизнь, открываются воскресные школы, различные кружки для детей и подростков, школы молодых звонарей. Со временем восстановленные святыни малых русских городов становятся одними из главных туристических объектов, которые привлекают путешественников не только архитектурными шедеврами, но и различными культурными мероприятиями, которые проходят на их территориях. Многие местные жители принимают активное участие в возрождении разрушенных в богоборческое время памятных мест родных сел и малых городов.

Использованная литература

1. Григулевич Н.И., Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко и др. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белёве и Старице. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. (Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 267). <http://doi.org/10.5281/zenodo.2575296>; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019. 290 с.; Малые русские города в начале XXI века / Григулевич Н.И., Ямсков А.Н., Зыкина О.А. и др.; отв. ред. Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсков, Н.А. Дубова / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Старый Сад, 2022. 412 с.
2. Григулевич Н.И. Митрополит Евлогий Георгиевский: как формировалась личность будущего святителя // Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. (11-12 декабря 2020 г. Пюхтицкий Успенский монастырь). – Куремяэ, Эстония, 2020. С. 227 – 233.
3. Герасим (Дьячков), игумен. Белёвский край. Очерки церковной жизни XX-XXI вв. М.: 2010. 574 с.
4. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря / сост. игум. Арсений. Тверь: Типография Губернского правления, 1895. 88 с.

5. Полевые материалы автора (в дальнейшем – ПМА). Тульская область, г. Белёв 2017-2019 г. Интервью с игуменом Арсением (Девятирековым), настоятелем Спасо-Преображенского монастыря.

6. ПМА. Тверская область, г. Старица 2017-2019 г. Интервью с игуменом Паисием (Новожёновым), настоятелем Старицкого Свято-Успенского монастыря.

Иванов И.Д.
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ДУХОВНОМ ОБРАЗОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. История развития православной традиции в контексте религиозного образования и воспитания имеет весьма важное практическое значение. Очень часто мы можем обнаружить, что некоторые современные взгляды тех или иных исследователей педагогической мысли уже находили своё отражение в древности, в частности у религиозных мыслителей, богословов и педагогов. Изучение истории развития православной традиции, в контексте разговора об духовном образовании иностранных студентов, необходимо не только для узко специализированных специалистов, занимающихся изучением адаптации иностранных студентов, но и студентам высших духовных учебных заведений, а также всем интересующимся вопросами педагогики. Рассмотрение данного вопроса поможет указать на общие проблемы духовного образования в его историческом развитии.

Ключевые слова: православная традиция, святоотеческое наследие, образование, воспитание, иностранные студенты.

Любые изменения в системе педагогической мысли или деятельности её отдельных персоналий могут быть приняты только лишь при осознании всей полноты традиции [7, с. 33]. С.И. Гессен говорил, что не существует истории древних народов, потому что всякое «древнее» продолжает жить в настоящем влияя на его ход.

С самых древних времён человечество старалось накапливать, и применять опыт обучения предыдущих поколений, который будет способствовать актуализации уже имеющихся знаний в самых различных сферах. Для этой цели человечество создавало различные образовательные учреждения, которые готовили представителей самых разных ремёсел. Однако, уже с самых древних времён люди поняли, что создать процветающее общество невозможно без научения каждого человека нравственности и морали. В этот самый момент перед каждым народом вставал вопрос о том, как же наладить процесс воспитания и обучения будущих граждан?

Опуская подробности развития религиозного воспитания в древних цивилизациях, необходимо сразу начать рассматривать именно православную традицию, которая берет свои истоки в начале IV века в молодой Византийской империи. Византийская государственность просуществовала на протяжении почти целого тысячелетия с 395 года по 1453 год. Византийская империя была хранительницей древней античной

культуры с привнесением в неё новой христианской культуры. Именно этот синтез стал выражением всей богатой культуры империи. Христианская традиция в империи, несомненно, повлияла на развитие образования [4, с.36].

Именно в это время тему религиозного воспитания и духовного образования поднимали многие святые отцы, жившие в то время. Например, святитель Василий Великий в своей беседе «к юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями» показывает какой путь нужно выбрать молодым людям, чтобы их жизнь была безопасна. Для Василия Великого такой путь, несомненно, находится в учении нравственности. Причём акцент делается на том, что prepares человека к вечному блаженству. Святитель видел преемственность с античной традицией: в изучении античных поэтов и авторов он видел важный образовательный этап развития личности воспитанника [1, с. 90].

Другой видный христианский богослов того времени – святитель Григорий Богослов, так же отмечал важность воспитания детей. Особенно он подчёркивал важность того воспитания, которое даёт человеку возможность совершенствовать свою нравственную жизнь и тем самым получить вечное блаженство. Именно поэтому святитель критикует наставников, которые заботятся о научении лишь своего ума. Тем самым святитель возникает против чисто светского характера воспитания и образования.

Он отмечает, что при таком воспитании дети становятся подобными косоглазым, которые терпят большие страдания, когда смотрят [2, с. 318].

Выразителем христианской традиции образования и воспитания можно по праву считать святителя Иоанна Златоуста. В многочисленных трудах он подчёркивал, что Иисус Христос – истинный пример воспитателя. Именно поэтому учителю важно подобно Спасителю снисходить до уровня ученика и уже после восходить вместе с ним. Именно Иоанн Златоуст подчёркивает важность религиозного воспитания говоря: «что процесс воспитания сравним с процессом священнодействия» и что «что искусство воспитания — это самое святое из всех дел» [3, с. 403].

Византийская образовательная культура ключевым образом повлияла на Восточную Европу, жители которой стали активными проводниками богатой культуры, в том числе и духовного образования, на Древнюю Русь. Именно преемственность Византийской традиции на долгое время отражалась во многих религиозно-образовательных трактатах, издаваемых на территории русского государства в дальнейшем [4].

Последователи Византийской традиции святые равноапостольные Кирилл и Мефодий в 863 в столице Моравского княжества открывают первую школу с преподаванием на славянском языке. Выпускники этой школы продолжили дело своих учителей и отправились для просвещения Руси.

На протяжении веков характерной особенностью образовательной деятельности того времени был институт наставничества. Одним из ярких примеров наставника можно назвать преподобного Сергия Радонежского. Основатель Троицкого монастыря предстал перед взором людей, как добрый пастырь и учителей учитель [7, с. 150]. Новые образовательные возможности стали доступны с созданием книгопечатания в Московской Руси. Одной из первых книг, которую стал печатать Иван Фёдоров была именно «Азбука», а прекрасно иллюстрированный «Псалтырь» стал одной из главных учебных книг.

Спустя несколько веков святые отцы вновь обращаются к основам воспитания для формирования новых воспитательных традиций. Высказанное святыми отцами становится не навязчивой и заушной истиной, а живым опытом, который преподаётся для воспитания.

Например, продолжая традиции восточных святых отцов IV века святитель Тихон Задонский отмечал, что жизнь есть временный путь в вечность. При таком размышлении его педагогические труды строились на методе демонстрации ребёнку того, что все его возможные неудачи и «падения» – следствие проступков. Именно поэтому для воспитателя главным становится демонстрация истинного бытия с Богом [6, с.456]. По мнению святителя главное – научить воспитанника ценить свою личность и почувствовать любовь которой он окружён, потому что именно на любви зиждется все в нашем мире [5, с. 157].

Для святителя Игнатия Брянчанинова важнейшим также было наставление воспитуемого в христианской вере, потому что только она и способна заложить основы нравственности и морали, которые будут помогать в жизни. Святость, по мнению святителя, есть утраченное состояние, которое можно получить лишь при помощи воспитания в нравственности и морали. Такое воспитание должно не просто ограждать воспитуемого от всего плохого, но дать ему истинные жизненные ориентиры. Достичь этого можно при помощи обращения к святому Евангелию и святоотеческому наследию, так как именно в этих трудах сосредоточен весь опыт Церкви.

Обращаясь к краткому историческому экскурсу духовного образования, можно сделать вывод о том, что именно православная традиция

влияла на него ключевым образом. Но что же можно подчеркнуть для образовательных традиций иностранных студентов в XXI веке?

Духовное образование иностранных студентов имеет богатую традицию. Например, на обучение в Санкт-Петербургскую Духовную Академию уже на протяжении более 300 лет прибывают иностранные студенты из разных уголков земного шара. Первые образовательные программы для иностранных студентов в ней начинают создаваться в середине XIX века. И все они строились при активном использовании методик и практик, которые были описаны как религиозными педагогами, так и святыми отцами.

Несмотря на успешность таких методик, сегодня в XXI веке духовные учебные заведения вновь сталкиваются с новыми образовательными вызовами, решить которые невозможно без приобщения к богатой православной образовательной традиции. Однако нельзя просто перенять уже существующие методики. Необходимо создание особых систем обучения иностранных студентов в стенах духовных учебных заведений. Такие системы должны с одной стороны, строиться на традиционных методах, а с другой иметь современную форму. Такой подход наиболее применим для религиозного образования и помогает активно включать иностранных студентов в культурное пространство православной и отечественной культуры. Например, в рамках внеучебной деятельности возможно знакомство студентов с новой для них культурой, а также совершенствование теоретических знаний в рамках практических семинаров-лекций, которые можно проводить в паломнических и экскурсионных поездках. В рамках такого взаимодействия удаётся не только на практике актуализировать уже полученный материал, но и повысить языковые компетенции иностранных студентов. Говоря о паломнической деятельности, как одного из направления внеучебной работы важно отметить, что не просто для знакомства с богатой православной культурой необходимо приобщение студентов к этому виду деятельности.

Паломническая и экскурсионная деятельность благотворно влияет на процесс социальной и культурной адаптации иностранных студентов. В рамках такой деятельности происходит культурная ориентация, формирование нового взгляда на ценности новой культуры, развивается познавательный потенциал, а также улучшается эмоциональное состояние студента. Именно во время таких поездок можно создать дружественную к иностранному студенту атмосферу, в которой ему будет наиболее комфортно адаптироваться и заводить новые дружественные

контакты. Такая среда может быть особенно полезной при ситуации, когда студент долгое время находится в стрессовом состоянии из-за недостаточно быстрого и сложного процесса адаптации. В такие моменты важно создать некое новое буферное пространство, в котором иностранному студенту будет комфортно проводить время, и он будет «взят» из травмирующего пространства. Такие поездки запоминаются на долго и помогают иностранным студентам получить дополнительную мотивацию к изучению русского языка, как ключа к пониманию православной традиции России.

Иностранный студент в самом начале своего обучения имеет трудности в адаптации к новому образовательному пространству. Например, владение языком на недостаточном уровне и отсутствие знаний об особенностях преподавания материала, а также застенчивость в межличностном общении снижает учебный потенциал иностранных студентов.

В рамках создания разговорных клубов и проведения семинаров медленного чтения возможно приобщение студентов к богатому православному наследию, а также повышение их языковых компетенций и создание дружеских связей внутри учебного коллектива. Такие связи в дальнейшем могут быть выражены в рамках неформального шефства студента из России над иностранным студентом. В рамках проведения разговорных клубов возможно дать слово и возможность быть услышанными тем студентам, которые в силу определённых причин остаются не задействованы во время лекционных занятий. Очень часто иностранные студенты испытывают состояние одиночества как со стороны своих товарищей по учёбе, так и педагогов. Проведение открытых лекций помогает студентам изучить новые для них темы, связанные с культурой Русского православия и в формате обсуждения заявленной темы улучшить свои знания и выстроить тесные доверительные отношения с другими студентами учебного заведения, а для студентов из России получить опыт от соприкосновения с новой культурой, обогащая свой культурный уровень.

Благодаря приобщению студентов к богатой православной традиции на сегодняшний день стало возможным реализация множества образовательных проектов для иностранных студентов, а активное вовлечение иностранных студентов в культурное пространство Русской Православной Церкви и России помогает решить одну из главных проблем – социокультурную адаптацию иностранных студентов к условиям российского образования.

Использованная литература

1. Антология педагогической мысли христианского Средневековья. В 2-х т. Т.1. Путь христианского образования в трудах Отцов Церкви мыслителей раннего средневековья. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
2. Григорий Богослов, свт. Творения. В 6 ч. Ч. 1. М.: Тип. Августа Семена, 1843.
3. Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений: в 12 т. Т. 1. Кн. 1. М.: Изд-во Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2010.
4. Талышева И.А., Салимуллина Е.В. Образовательная деятельность (в схемах и таблицах). Ч. 1. История образования в зарубежных странах. Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2018.
5. Иоанн (Маслов), схиархим. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. – М.: АОЗТ «Самшит», 1996.
6. Тихон Задонский, свт. Соб. творений. Т. 1. Житие; Слова; Наставления; «Плоть и Дух», 2008.
7. Торосян В.Г. История образования и педагогической мысли. Учеб. для студентов вузов. М.: ВЛАДОС-Пресс, 2003.

Канунникова И.А.
(Санкт-Петербург, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ ПО ОСНОВАМ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы, касающиеся возможности изучения основ православной культуры посредством занятий по иностранному языку. В качестве примеров приводятся некоторые лексические упражнения для различных уровней школьного обучения.

Ключевые слова: православная культура, духовно-нравственное воспитание личности, иностранный язык, духовная жизнь, немецкий язык.

На современном этапе обучение иностранному языку в общеобразовательной школе рассматривается, главным образом, как обучение коммуникативной направленности и умение выстраивать международные и межкультурные контакты. При этом нередко забывается, что изучение чужого языка предполагает собой также впитывание нового мировоззрения или же переложение своего мировоззрения на чужую речь.

В новейших учебниках по иностранным языкам практически невозможно встретить лексику, которая в той или иной мере могла бы отображать особенности духовной жизни человека или того, что связано с понятиями вероисповедания, церковной жизни, церковной архитектуры и т.п. В учебных пособиях по предмету «Иностранный язык» обычно не принято писать о том, что у человека есть душа, что человек может совершать не только ошибки, но и грехи, которые нужно исправлять посредством покаяния. Существует немало объяснений тому, по какой причине подобная тематика практически отсутствует в данных учебниках. Одной из наиболее распространённой точкой зрения является стремление не ущемлять права верующих других религий или конфессий, рассказывая и тем самым выделяя, какое-то определенное вероисповедание. С нашей точки зрения, это ошибочное утверждение, поскольку более близкое знакомство в языковом контексте в определённо взятой религией несколько не отнимает возможности у других вероисповеданий.

Известно, что изучение иностранного языка обладает межпредметными связями как в общеобразовательном контексте, так и в плане узкоспециальной направленности. В силу своей специфики иностранный язык имеет огромный воспитательный и развивающий потенциал. Благодаря своей уникальности он может приобщать учащихся к образцам

мировой культуры, духовным традициям других народов; даёт возможность по-особому взглянуть на ценность и достояние собственного культурного и духовного наследия.

Если рассматривать содержание Федерального Государственного Образовательного Стандарта, то мы увидим, что здесь немалое значение уделяется вопросу необходимости активизации процесса духовно-нравственного воспитания личности. Подобного рода воспитание благотворно влияет на все стороны и формы взаимоотношений человека с миром, на его этическое развитие, мировоззрение, а также формирует его гражданскую, патриотическую и семейную позиции. С нашей точки зрения значительную помощь в данном воспитании может принести знакомство с духовной и религиозной лексикой того или иного вероисповедания, переданное посредством иностранного языка.

Не умаляя достоинства различных вероисповеданий народов России, стоит признать, что для русскоговорящего человека во многом более привычным и понятным является обращение к православной культуре. На занятиях иностранного языка использование лексического материала по этой тематике может во многом помочь в вопросах воспитания духовно-нравственных основ и уклада жизни людей, живущих в нашей стране.

При этом стоит отметить, что при использовании подобной воспитательной технологии, преподавателю необходимо быть достаточно хорошо знакомым с особенностями не только православной, но и церковной культуры, с её праздниками, народными традициями по церковному православному календарю и другими особенностями.

Рассматривая саму специфику использования знаний по основам православной культуры на уроках иностранного языка, следует отметить, что подобного рода материал важно преподносить логично и ненавязчиво выстроенным, гармонично входящим в контекст конкретно взятых тем. В зависимости от разделов учебных пособий по иностранному языку (например, «Традиции», «Праздники», «Исторические события»), обучающимся можно предлагать в качестве сравнения с культурой изучаемого языка также ознакомиться с лексикой и описанием православной культуры и обычаев.

В этой статье мы рассмотрим некоторые из вариантов различного рода упражнений и заданий, которые можно использовать в рамках изучения учебного предмета «Немецкий язык». Ниже будут приведены примеры для различных уровней обучения языку.

Итак, начиная занятие учащимся как начальной, так и старшей школ, можно предложить прочесть наиболее известные в православном мире молитвы. Среди них одними из самых известных являются такие, как: «Отче наш» (*Das Vaterunser*), «Молитва Святому Духу» (*Gebet zum Heiligen Geist*) и другие.

В ходе занятий учащиеся младших классов могут получать, к примеру, карточки с описанием того или иного понятия, относящегося к православию.

В этом же контексте для развития лексических знаний в младших классах можно предложить заполнить небольшие таблицы или ментальные карты (по желанию снабжённые картинками православной тематики), в которых заданием будет являться сопоставление русских эквивалентов христианской лексики с немецкими названиями. Ниже приведён пример такого задания (см. табл. 1)

Таблица 1

Православная икона	der Gott
религия	die Seele
вера	der Glaube
Бог	die Orthodoxe Ikone
Господь	der Herr
душа	die Religion
святой	die Heiligkeit

Для начала беседы по православной тематике в классах средней и старшей школы, прежде всего, можно предложить такие темы (или вопросы), как:

- *Orthodoxer Kalender der Kirche*;
- *Orthodoxe christliche Feiertage (Ostern, Weihnachten)*;
- *orthodoxes Fasten*;
- *Wie viele Heilige gibt es in der orthodoxe Kirche?*

Затрагивая темы святости или духовной жизни человека, в некоторых из занятий можно включать те же самые молитвы, которые были приведены выше.

Как и для обучающихся начальной школы, для обучающихся старших классов стоит предоставить решить более усложнённые задания, свя-

занные с общецерковной православной тематикой, или, например, с названием христианских имён, православных святых покровителей и т.п. Ниже приводится две таблицы с использованием подобной тематики в заданиях (см. табл. 2 и табл. 3).

Таблица 2

Общецерковная лексика	Kirchliche Wortschatz
Библия	das Gebet
грех	die Rechtgläubigkeit
Дух Святой	die Ikonostasis
апостол	der Apostel
крещение	beten
вера	Der Glaube
верующие	die Gläubigen
Бог	der Gott
молитва	Beichten bei
иконостас	der Heilige Geist
Троица	die Dreifaltigkeit
исповедоваться	die Bibel
верить	glauben an
молиться	die Taufe
православие	die Sunde

Таблица 3

Православные праздники и имена Святых	Orthodoxe Feiertage und Namen der Heiligen
Богородица	der Palmsonntag
Пасха	Christi Geburt
Иисус Христос	Jesus Christus
Сергий Радонежский	der Segner Nikolaus der Wundertater
Рождество Христово	das Ostern
Святитель Николай Чудотворец	Sergej von Radonesch
Вербное воскресенье	die Gottesmutter

В соответствии с тематикой «Обычаи и традиции» (*Bräuchen und Traditionen*) обучающимся можно предоставить возможность рассказать, например, о Пасхе Христовой или о Рождестве Христовом, которые празднуются в их семьях. Другими темами могут стать описания православного храма или святых мест. Это можно сделать в виде проекта, рассмотреть православную церковь и католическую церковь с точки зрения искусства, архитектуры и других аспектов.

Церковь является важной составляющей нашей культуры. Церковь – это часть истории, искусства, архитектуры и литературы. Хотя православие и католичество происходит от одного – от христианства, оба этих направления очень отличаются друг от друга.

Если рассматривать с точки зрения архитектуры, то можно сразу же увидеть отличия, православная церковь будет иметь большие золотые купола, в декорировании храмов присутствует золото, торжественность и нарядность. Обязательно будет три купола, которые указывают на Троицу: Отец, Сын и Святой Дух. Католическая церковь выглядит более строгой, состоит из острых углов. Обычно присутствует базиликальный тип храма. Однако с точки зрения декора, считается, что католическая церковь более детально украшена, нежели православная. Однако православная церковь знаменита своими иконами, картинами, мозаикой, расписными потолками.

В католической церкви вместо расписных стен, можно увидеть витражные окна на библейский мотив. Свет, узор, сам сюжет позволяют почувствовать себя в безопасности и заглянуть внутрь в себя. Вместо икон статуи, которые изображают святых. Статуи настолько детализированы, что у человека возникает чувство «присутствия».

Изображение Христа на кресте является значимым акцентом для обеих церквей. Такой символ является окном в духовный мир. Он соединяет мир земной с Богом.

В православной церкви иконы занимают главное место. Иконопись является одним из старейших видов искусства в православной культуре. Иконы украшают храмы и изображают святых. Через них мы можем предположить, как выглядели святые и постараться быть ближе к Богу.

На иконах и картинах, которые находятся в церкви изображены различные сцены из Библии, отображены исторические моменты. Запечатлены те чувства и эмоции, которые должен испытывать человек, глядя на них. Нанесение изображения осуществляется в соответствии с самы-

ми высокими стандартами и используются различные цвета и техники нанесения.

По сравнению с католической церковью, где используются статуи и другие трёхмерные объекты, эти символы плоские и двухмерные, что указывает на то, что духовный аспект объектов имеет приоритет. Самыми распространёнными материалами для изготовления вывесок являются дерево, лен, золото и серебро.

Можно сказать, что Русская православная церковь и Немецкая католическая церковь отличаются искусством, архитектурой и другими аспектами. Католические храмы обычно имеют более сложную и вычурную структуру и большое количество орнаментов, а православная иконопись отличается простотой форм и использованием символов, отдающих приоритет духовной стороне. Также используются символические узоры, чтобы украсить храмы и создать в них мирную атмосферу. Необходимо отметить, культурные различия между православной и католической церковью в искусстве и архитектуре являются важной частью их идентичности.

Задача учителя – помочь ученику взглянуть на религию с разных сторон: лексики, искусства, архитектуры, литературы и т.д. Как правило, примеры словарных упражнений не только помогают развить общие идеи или помочь понять конкретные аспекты ваших духовных привычек и практики.

При изучении иностранного языка существует множество возможностей для обучения и использования их в целях улучшения самопознания, духовного развития.

Использованная литература

1. *Бабыкин Ю.А.* Русско-немецкий словарь. Тула: Изд-во: ТГУ, 2009. 272 с.
2. *Церковнославянская азбука* / Худ. и сост. Т.Д. Зубова. М.: Паломникъ; Общ-во ревнителей правосл. культуры, 2000.
3. Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном Соборе Русской Православной Церкви (Москва, 27-29 января 2009 года) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/541724>.
4. *Карандашов В.Д.* Икона в русской культуре: история и философское осмысление // Вестник Ленинградск. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. <https://cyberleninka.ru/article/n/ikona-v-russkoy-kulture-istoriya-i-filosofskoe-osmyslenie>.
5. Церковная архитектура и изобразительное искусство – <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/33442-Церковная-архитектура-и-изобразительное-искусство-Хрестоматия.pdf>.

Козлова А.Г.
(Санкт-Петербург, Россия)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА МАГИСТРАНТОВ

Аннотация. В статье раскрыто понимание содержания единого образовательного пространства как ресурса для формирования познавательного интереса магистрантов к отечественному культурному наследию. Автором раскрыты пути, представлены некоторые технологии активного освоения обучающимися содержания учебных дисциплин магистратуры по профилю «Духовно-нравственное воспитание» в сочетании с содержанием образовательного пространства города. По мнению автора, приобщения к культурному наследию города должно проходить посредством деятельностного образования, в результате которого необходимо магистрантам обобщать свой опыт полученных знаний в виде «продукта деятельности» – публикации статьи, методических рекомендаций, публичного выступления. Материалы статьи будут полезны классным руководителям, аспирантам, магистрантам, преподавателям.

Ключевые слова: образовательное пространство, познавательный интерес, магистратура.

Введение

Образовательное пространство в научно-педагогической литературе рассматривается с двух сторон:

- во-первых, как процесс взаимоотношений участников образовательного процесса, как пространство личности;
- во-вторых, как ресурс для организации учебно-воспитательного процесса, или как социокультурное пространство для саморазвития и самоопределения личности.

На самом деле данное деление является условным. Использование образовательного пространства в педагогическом процессе строится на единстве, всесторонности и взаимодействии участников образовательного процесса с целью перманентного личностного развития воспитанников.

Санкт-Петербург, являясь культурной столицей России, вбирает в себя весь спектр возможностей для развития познавательного интереса личности.

Согласно культурно-исторической теории развития личности Л.С. Выготского особую значимость для развития обучающегося имеет опора на взгляд в будущее, ориентация «не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития». Обучение через всю жизнь закрепило это требование и для взрослых.

Рассматривая развитие познавательного интереса у магистрантов в РГПУ им. А.И. Герцена осваивающих программу по профилю «Духовно-нравственное воспитание», мы установили, что все учебные дисциплины нацелены на соблюдение следующих принципов при использовании образовательного пространства города [3].

Ведущим из них является принцип единства образовательного и культурного пространства, который опирается на генезис исторических традиций в воспитании подрастающих поколений.

Принцип восполняемости уже имеющихся знаний, расширения кругозора и познавательных способностей магистрантов путем самостоятельного приобщения к культурному наследию города посредством деятельностного образования.

Принцип общедоступности и персонификации познавательной деятельности обучающихся в образовательном пространстве Санкт-Петербурга также является легко реализуемым.

Стереотип восприятия специфики, структуры и сущности понятия «образовательное пространство»

Само понятие «образовательное пространство» не имеет однозначной трактовки. Но в то же время рассматривается как многоаспектное понятие. Общей является особенность единого образовательного пространства, которая состоит в том, что образовательный и воспитательный процессы взаимосвязаны. При этом однозначно суждение о том, что в систему единого образовательного пространства как один из структурных элементов обязательно входит взаимодействие с внешними образовательными и социальными институтами.

По мнению Виноградовой Е.В., следует определять три уровня образовательного пространства. «1) Макроуровень – единое образовательное пространство страны. <...> 2) Мезоуровень – единое образовательное пространство города, региона. Это пространство взаимодействия групп людей, проживающих на данной территории. На данном уровне функция образовательного пространства подразумевает воспитание полноценного члена культурной или социальной группы, через язык, систему символов, обычаев, традиций. <...> 3) Микроуровень – образовательное пространство образовательного учреждения» [1].

В данной статье мы рассматриваем единое образовательное пространство как мезоуровень. Санкт-Петербург имеет огромный воспитательный потенциал для развития познавательного интереса магистрантов,

для становления выпускника магистратуры как специалиста, умеющего ценить традиции народа и гордиться культурным наследием. Справка. «Более 200 музеев, более 180 театров, более 350 научных организаций, более 100 газет и 150 журналов выпускается, 229 культовых зданий, почти 1000 выставок, более 120 премьер, почти 300 фестивалей проводится ежегодно. Санкт-Петербург по праву считается культурной столицей. Санкт-Петербург всегда был и по сей день остаётся одним из главных мировых центров культурного просвещения. В городе работают 1100 библиотек, крупнейшими из которых являются Российская национальная библиотека (Публичная), Библиотека Российской академии наук и др.

В городе постоянно работают духовные образовательные учреждения: Санкт-Петербургская духовная академия и Санкт-Петербургская духовная семинария Русской православной церкви, католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов». В городских культовых сооружениях находятся мощи святых Александра Невского, Иоанна Кронштадтского, Ксении Петербургской».

Проблема в том, что это укорененное восприятие человека культурного. Посети музеи, театры, прочитай книги, посети памятные места и непременно станешь культурным человеком. На самом деле это просто созерцание. Приобщение к культурным ценностям проходит через аксиологическое вчувствование в дух созидания, в значимость достояния отечественного наследия. И главное: приобщение только тогда состоится, когда будет зафиксирован деятельный отклик на обретенные знания.

Создание единого образовательного пространства для развития познавательного интереса магистрантов

Содержание образовательного пространства характеризуется взаимодействием обучающегося с образовательной средой.

Прежде чем создавать единое образовательное пространство для развития у магистрантов познавательного интереса к наследию культуры было проведено микроисследование культурных предпочтений магистрантов.

В течение десяти лет (2012-2021 гг.) проводилось анкетирование обучающихся 1 курса магистратуры по профилю «Духовно-нравственное воспитание». К настоящему времени проанализировано 186 анкет.

С точки зрения «идентичности» только 41% студентов считают, что традиционная культура большое значение для современного российского общества и лишь 16% студентов оптимистично относятся к развитию тенденции укоренения традиционной культуры. В большей степени ма-

гистранты осведомлены о произведениях западной культуры. Только 12% студентов считают, что необходимо изучать и знать традиционную культуру. Близость и идентификация с западной культурой непременно приводит к отчуждению и неприятию традиционной культуры, что также отражает аномальное отклонение культурных предпочтений среди современных студентов. Даже среди магистрантов, четко ориентированных на обучение в магистратуре по данному профилю, мы наблюдаем отсутствие культурного доверия к ценностям собственной традиционной культуры. Утрата культурного доверия среди студентов в основном отражает культурную неполноценность, что отражается в недооценке традиционной культуры России, имеющей достопримечательную историю, насчитывающую многие века развития.

В связи с этим перед преподавательским корпусом встала наиважнейшая задача: помочь обучающимся преодолеть пренебрежение идеями гармонии развития традиций, обычаев, ценностей в отечественной культуре. При этом не допустить доктрины закрытия, отстранения от чужой культуры.

Единое образовательное пространство Санкт-Петербурга является благодатным ресурсом для восстановления баланса в развитии культурно-ценностной идентичности студентов.

Методы, технологии, способы в развитии познавательных интересов магистрантов к культурным традициям

Приобщение к культурным ценностям Санкт-Петербурга (инкультурация) имеет богатую методическую оснащенность. Посредством инкультурации магистранты социализируются в своей собственной культуре, перенимая ее нормы и ценности. Ведущим методом в развитии познавательных интересов магистрантов считается экскурсия, важнейшей функцией которой является получение обучающимися новых знаний, которые лежат в основе других функций, в частности образовательной.

Обучение в магистратуре по профилю «Духовно-нравственное воспитание» дало возможность рассмотреть использование экскурсий в трех видах. Во-первых, посещение музеев, во-вторых, экскурсии по городу (Санкт-Петербург – музей под открытым небом) и, в-третьих, виртуальные экскурсии. Все виды экскурсий содействуют развитию способности у магистрантов к формированию познавательного интереса и положительной мотивации как к процессу обучения в целом, так и к изучению конкретного предмета.

Традиционным для первокурсников в рамках изучения учебной дисциплины «Основы конфессиональной педагогики» стало проведение экскурсии в Государственном музее истории религии по теме «Золотое правило нравственности». В ходе экскурсии магистранты не только восполняют уже имеющийся опыт знакомства с историей, культурой, традициями и вероучением религий мира от архаических времен до современности, но и углубляют познавательный интерес к истокам воспитания в различных конфессиях.

На занятиях по учебной дисциплине «Основы православного краеведения» предоставляется «уникальная возможность приобретения не только книжного опыта, но и деятельностного прикосновения к истории, раскрывающее, в первую очередь, духовно-нравственные аспекты изучаемых предметов, воплощенных в камне, в архитектуре, в живописи, духовной музыке, в литературе. <...> Последовательное, поэтапное знакомство с окружающим территориальным пространством, основанное на хронологическом принципе изучения: первоначальное посещение отдаленных от Санкт-Петербурга мест, связанных с историей становления православной Руси, затем – поликонфессиональный Петербург, и уже потом – православный Петербург, воспринятый с точки зрения веротерпимости» [4].

Безусловно, важнейшим источником для формирования познавательного интереса магистрантов к ценностям отечественной культуры является выполнение интерактивных самостоятельных заданий в период проведения различных учебных (производственных) практик. Основная задача преподавателей состоит в том, чтобы любое задание имело свое окончательное завершение: либо публичное выступление магистрантов (на семинаре, на радио, на классных часах у школьников и т.д.), либо публикация обобщенного опыта в статьях, в методических рекомендациях [2]. Обязательно, чтобы после выполненного самостоятельного задания остался «продукт», который может быть использован другими магистрантами. Так, например, по дисциплине «Передовой педагогический опыт в сфере духовно-нравственного воспитания» магистранткой Е. Пустошкиной была опубликована научно-методическая статья «Классный час в форме заочной экскурсии. Тема: «Невский проспект – улица веротерпимости» [4]. Автор пишет: «Невский проспект – лицо города. Протяженность Невского от Адмиралтейского проспекта до Александро-Невской лавры – четыре с лишним километра. На Невском проспекте вы увидите различные храмы – православный Казан-

ский собор, голландскую церковь, лютеранский храм святых Петра и Павла, католический костел святой Екатерины, Армянскую церковь. Интересно, что с легкой руки Александра Дюма, посетившего Петербург в середине XIX века, Невский проспект стали называть «Улицей веротерпимости. Наша задача – опровергнуть или подтвердить высказывание известного французского писателя. Итак, вы начинаете свой путь по Невскому проспекту в том направлении, в каком шла «большая перспективная дорога», – от Невы» [4].

Как правило, магистранты в ходе выполнения подобных заданий овладевают основными методами и приемами: наблюдением, интерпретацией, анализом, обобщением, оцениванием, объяснением, метапознанием (осознание собственных мыслительных способностей).

Таким образом, надо отметить, что опыт преподавания в магистратуре по профилю «Духовно-нравственное воспитание» прокладывает путь к действенному познанию единого образовательного пространства Санкт-Петербурга, к реальному развитию познавательного интереса магистрантов к традициям отечественного наследия.

Использованная литература

1. Виноградова Е.В. Образовательное пространство как основа воспитания эмоционально-волевой культуры старшеклассников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. № 7. Часть 2. с. 209-211. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-209-211.
2. Козлова А.Г. Наш «Кинозал» и работа в фокус-группе // Интеграция культурно-образовательного потенциала вузов в профессионально-личностном становлении молодежи: научно-методические рекомендации. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2011. С. 21-29.
3. Козлова А.Г. Проблемы конструирования содержания магистерского образования (на материале магистратуры «Духовно-нравственное воспитание») // Известия Российск гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2013. № 155. С. 110-118.
4. Методика проведения классного часа. Тема: «Воспитание веротерпимости у школьников»: Сборник научно-методических материалов / Под ред. А.Г. Козловой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Лингвистический Центр «Тайкун», 2011. 105 с.

Липинская Т.В.
(Санкт-Петербург, Россия)

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ РЕБЕНКА В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье особое внимание уделено воспитанию души ребенка в Воскресной школе, через наполнение ее «Ветром Радости». «Ветер Радости» это богословское определение Бога протоиерея Григория Григорьева, доктора богословия, члена учёного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия; профессора церковно-практической кафедры Санкт-Петербургской православной духовной академии. Словом «Ветер» на греческом также обозначается «Дух». Бог – это Дух, Который охватывает своей радостью всю Землю». Так же раскрывается смысл названия школы «Воскресная», что это название обозначает не календарный день, а высокий духовный смысл воскресения души человека от радости встречи со Спасителем нашим Иисусом Христом. Мы постарались определить, что нужно сделать для того, чтобы дети с удовольствием шли на воскресные занятия и что должна дать ребенку Воскресная школа. За ответом на эти вопросы, мы обратились к богатому опыту Святых отцов и священнослужителей, к наставлениям Святого Праведного Иоанна Кронштадтского.

Ключевые слова: Дух Святой, «Ветер Радости», воскресная школа, духовность, душа ребенка, русская педагогика.

Как же хорошо, когда на душе радостно и светло. И это не удивительно, ведь Господь создал человека для радости: «*Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь*», – призывает святой апостол Павел. Но не все знают, где взять эту радость. К сожалению, многие люди не хотят услышать слова Господа Бога: «*Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас*» (Мф.11:28), т.е. слышать они их слышат, но идти на Божий зов не хотят, решив что справятся сами. А в итоге получается, что ни успокоения, ни радости человек сам себе добыть не в силах.

Но Господь не прекращает стучаться в сердце человека: «*Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною*» (Откр. 3:20), и однажды, человек слыша этот тихий стук, тихонько приоткрывает дверку своего сердца и прислушивается, кто стучит и куда зовет. Господь тихо и нежно дает знак, указывает путь, человек, конечно, не подозревает, что это за путь и куда он ведет, но отозвавшись, он идет, и в этом видимом мире попадает на корабль, на корабль спасения. В Церковь!

«Невозможно переплыть море без корабля. А Святая Христова Церковь в мире – то же, что корабль в море. Этот духовный корабль – Церковь – из разных стран перевозит через житейское море всех правоверу-

ющих и истинных христиан в Небесное Царство и, хотя обуреваются многими ветрами и волнами (мучений и гонений), никогда не подвергнется крушению. Сколько врагов и гонителей ни восставало на Святую Церковь, она никогда не была побеждена, потому что утверждается словом Господним: «*Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее*» – говорит святой Иоанн Златоуст.

Израненная в житейском море человеческая душа, тянется к Богу. Церковь – это самый драгоценный дар, данный человеку Богом. Это Тело, организм, в котором струится жизнь Христова. И этот организм создается Святым Духом. Церковь, как душелечебница, а веками собранные православные традиции Церкви, помогают в духовном становлении человека.

Храм Божий всегда открыт для каждого человека. Дух Божий, как Ветер Радости пребывает в Храме. «Ветер Радости – это мое богословское определение Бога. Словом “Ветер” на греческом также обозначается “Дух”. Бог – это Дух, Который охватывает своей радостью всю Землю» – говорит протоиерей Григорий Григорьев.

На протяжении многовековой истории Православная Церковь наполняла своей духовностью русскую педагогику. В XIX столетии Воскресные школы были самым основным образовательным учреждением. В них получали начальное образование люди любых сословий, разного возраста, изучали грамоту, закон Божий, историю и другие предметы. Но к великому сожалению в XX столетии у верующих людей нашей страны не стало возможности для религиозного образования своих детей, так как педагогика и школы были отделены от религии. И только в конце XX столетия начали возрождаться институты религиозного воспитания, в частности Воскресные школы.

Очень интересно, что смысл названия школы «Воскресная», обозначает не календарный день недели, а имеет духовный смысл – воскресение души человека от радости встречи со Спасителем нашим Иисусом Христом.

На сегодняшний день, по Божьей милости, уже во многих Православных Храмах России есть Воскресная школа. Наряду с изучением Закона Божьего, очень важным является духовно-нравственное воспитание ребенка в Воскресной школе. Но, так как посещение Воскресной школы является сугубо добровольным выбором ребенка и его родителей, то возникает вопрос, как же привлечь ребенка в воскресную школу. Ведь дети хотят играть, бегать, радоваться.

Постараемся определить, что же нужно сделать для того, чтобы дети с удовольствием шли на Воскресные занятия.

На наш взгляд, нужно, что бы Воскресная школа являлась источником Ветра Радости, наполняющего душу ребенка для пробуждения в ней высших духовных качеств. Главная задача Воскресной школы, это создать ребёнку максимально позитивное пространство, о котором в его детской памяти навсегда останется воспоминание, как о самом добром и радостном месте на земле, где всегда любят и ждут! Ведь каждый ребенок хочет Радости. Церковь, в лице Воскресной школы должна показать ребенку, где можно взять эту Радость, Царство Божие отличает радость: *«Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир, и радость во Святом Духе»* (Рим. 14:17).

Атмосфера нашей Воскресной школы, Храма Рождества Иоанна Предтечи в Юкках, как и весь наш Храм, наполнена Ветром Радости. Гимн нашей Воскресной школы звучит так: «Мы плывем Господь к тебе на чудесном корабле, руку другу подаем, на корабль с собой берем, и отправляемся в путь, в Царство Небесное»!

Чуткая и нежная детская душа, прекрасно знает, что ее ждет в Царствии Небесном сам Господь Бог! Но что бы попасть в Царствие Небесное, нужно много чего узнать и о Боге, и о собственной душе. И поэтому жизненное путешествие в Царство Небесное нужно проложить через Сад собственной души, созданной Всепремудрым Богом по Его образу и подобию.

«Заглядывал ли кто-нибудь из вас в глубину сердца своего? Ведь там прячется целый мир, не менее интересный и загадочный, чем мир видимый. Когда мы говорим: “На душе радостно и светло!” – тогда внутреннему взору открывается духовное небо. Ум не мыслит ни о чем плохом и недостойном, совесть спокойна и чиста. Словно белокрылая птица, детская душа взмывает в духовные просторы, купается в небесной лазури, парит, распластав крылья, и не желает опускаться вниз. В такие минуты все кажется добрыми и милыми, всем хочется сказать ласковое слово, каждого обнять, пожалеть, утешить. Тогда, Сам Бог и Спаситель наш Иисус Христос – Солнце правды – сияет в сердце, пронизывая и заливая его лучами Своего живительного света», – так в своем труде «Моя первая исповедь» пишет протоиерей Артемий Владимиров.

Проводниками путешествия в сад Собственной души являются педагоги и воспитатели Воскресной школы. А с кем интересно и радостно путешествовать, с тем, кто сам имеет Ветер Радости в душе и может по-

делиться им с окружающими. Поэтому самое важное условие для воспитателей и преподавателей Воскресной школы, быть наполненными Ветром Радости.

Митрополит Антоний Сурожский дает свое определение, каким должен быть настоящий Христианин: *«Давным-давно апостол Павел предупреждал верующих, что из-за них люди не могут верить в Бога и во Христа, потому что в них они не видят торжества жизни, в них они не видят людей, которые сияют вечностью. Станем же таковыми, чтобы каждый из окружающих нас, каждый человек, который нас встретит, остановился бы и воскликнул: “Что сияет в глазах этих людей?! Это свет неземной, это свет, который струится откуда-то – мы не знаем, откуда, но нам туда надо, потому что нам нужен этот свет, не временный свет, а вечный, сияние Божие”».*

Батюшка Иоанн Кронштадтский, призывает священников, пастырей духовных, быть во всем примером, не только проповедовать словом, но и делами своими показывать людям как нужно жить по учению Христову. То же требуется и от преподавателей Воскресной школы. Что бы нести Свет Христов детям, нужно, что бы этот свет горел в тебе. Дети очень чувствительные существа, они хорошо видят какой ты человек, это невозможно скрыть от ребенка. Поэтому важнейшее условие для преподавателя Воскресной школы, необходимость жить во Христе. Вверяя себя полностью в руки Божьи, человек наполняется Божественным духом, Ветром Радости, и не сам и не от себя такой педагог будет говорить, а сам Господь через него будет говорить: *«Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить»* (Лк. 12:8).

Конечно, это не означает, что преподаватель Воскресной школы должен расслабиться, ничего не делать, а только ждать, что сам дух Святой за него все сделает. Педагог Воскресной школы должен постоянно подготавливать себя к такому служению. Во-первых, нужно быть членом Церкви Христовой, нужно участвовать в Богослужениях и знать их, постоянно причащаться Тела и Крови Христовой, молиться. Во-вторых, в повседневной жизни нужно стараться жить по Божьим заповедям. На первый взгляд это кажется трудным, но с Божьей помощью это возможно, Господь сказал *«Иго Мое благо и бремя Мое легко»* (Мф. 11:27-30). В-третьих, нужно совершенствовать свое педагогическое мастерство, изучать психологию детей. И что есть самое главное для любого педа-

гога, нужно любить детей. Ведь все мы и взрослые, и дети, хотим, чтобы нас любили.

Педагог Воскресной школы должен помочь детям задуматься над тем, любим ли мы кого-то, любим ли мы сами себя, что такое ЛЮБОВЬ. Когда Господа нашего Иисуса Христа спросили: *«Какая большая заповедь в законе? Он ответил: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки”»* (Мф. 22: 37-40).

Учитель должен сам непрестанно учиться, тщательно готовиться к своим занятиям. Святой Праведный Иоанн Кронштадтский в учении детей видел высокое служение Господу, он говорил: *«Учишь ли детей своих или чужих, обращай дело в служение Богу, уча их с усердием, занимаясь предварительно обдумыванием средств к обучению ясному, вразумительному, полному (по возможности) и плодотворному. “Духа не угашайте!” (1 Сол. 5: 19) – гласит Слово Божие. Помни это всякий христианин, особенно священник и наставник детей. Как мы много сделали бы для Бога, для людей и для себя, если бы с верою и любовью, с усердием, с горячностью и энергиею занимались своим делом, и как мало, сухо, бесплодно будет наше делание, когда мы станем заниматься вяло, лениво, с холодностью, без всякого усердия и энергии. В великом ответе будем пред Богом и за себя, и за вверенных нашему попечению».*

Что же должна дать ребенку Воскресная школа? Мы можем учить заповеди и начнем с первой, ребенок ее выучит, а что значит любить, о какой Любви говорит нам Господь. Что входит в эту Любовь, какими качествами обладает Любящий человек? А ведь это есть Духовно нравственные качества. Конечно, духовно нравственное воспитание должно быть везде и в семье, и в общеобразовательной школе, и в государстве в целом, и мы видим, и это очень хорошо, что наше государство внесло в основы государственной политики сохранение и укрепление традиционных Российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809). А для Воскресной школы, это должно на первом месте.

«При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, – на сердце больше всего нужно обращать внимание, сердце – жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, нужно зажечь в нем чистый пламень жизни так, чтобы он горел и не угасал и давал направление всем мыслям,

желаниям и стремлениям человека, всей его жизни» (Святой Праведный Иоанн Кронштадтский).

Воскресная школа должна не просто рассказать детям о духовно нравственных ценностях, но и показать, что, совершая хорошие поступки по отношению к ближним, человек делает благо для своей души и за это душа возблагодарит человека радостью.

На каких же примерах лучше всего воспитывать душу ребенка? Конечно же, самыми лучшими примерами духовно нравственного воспитания является сам Господь наш Иисус Христос и Его Святые, как мы знаем: *«Бог прославляется во Святых своих».* Раскрывая перед детьми истории из жизни Святых, нужно показать детям, как Святые совершали добрые дела и какой радостью от этого были наполнены их сердца. Преподавателю Воскресной школы нужно с таким «сердцем» доносить все это до детей, что бы дети всецело ощутили эту радость, как ощущали ее ученики Батюшки Иоанна Кронштадтского в гимназии. Как пишет один из учеников дорогого батюшки Н.В. Суровецкий: *«Близко узнал я о. Иоанна, на уроках Закона Божия в Кронштадтской гимназии. Еще весной, перейдя в 1-й класс, мы узнали, что законоучителем у нас будет о. Иоанн Сергиев. С большой радостью мы встретили эту весть. Прошло уже много лет и теперь, как живое стоит перед глазами его доброе, с румянцем оживления, лицо и так помнится его тонкая благословляющая рука. Ясно и с сердечной убедительностью говорил он о важности для нас, детей, уроков Закона Божия, для сохранения веры, чистоты сердца и влечения к молитве. С первого же дня о. Иоанн внушил всем нам серьезное отношение к Закону Божию, и дома я всегда приготовление уроков начинал с его предмета. И это осталось навсегда. Каждый раз, когда подходил день его урока, нами овладевало тихое, радостное ожидание его прихода. Поучения батюшки дышали силой такой веры, что каждое его слово глубоко проникало в душу. Его наставления, полные отеческой любви, принимались сразу, с сердечной готовностью следовать им. И мы наставлялись в своих отношениях к родителям, к церкви, к старшим лицам в добрых поступках. Вся детская жизнь освещалась батюшкой».*

Богословско-педагогическая система Иоанна Кронштадтского должна служить примером в педагогических и воспитательных процессах детей и юношества. Современным педагогам и воспитателям необходимо изучать труды батюшки Иоанна, как самоотверженно любящего Бога и людей служителя, духовника и воспитателя, служащего примером для педагогов и родителей.

В заключение хочу отметить, что Воскресная школа должна поставить своей целью воспитание души ребенка и для земли, и для неба. И если педагоги Воскресных школ будут гореть пламенной Любовью к Богу и ближним, особенно к детям, следовать советам и наставлениям Святых отцов и пастырей Духовных, то дети обязательно потянутся в Воскресные школы, как цветочки тянутся к солнцу. И тогда Воскресная школа выполнит свою миссию – Воскресение Души человека от Радости встречи со Спасителем нашим Иисусом Христом. И Ветер Радости наполнит души детей огнем Христовой Любви.

Использованная литература

1. Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге: извлечение из дневника протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. – в 2-х т., изд. 2-е исправл. С.-Петербург: тип. В. Ерофеева. 1893. – Т. 1. – 400 с.; Т. 2. – 429 с.

2. *Владимиров Артемий, прот.* Моя первая исповедь. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019.

3. *Григорьев Григорий, прот.* Ветер Радости. Ветер Городокское приволье. СПб.: Изд-во РХГА, 2021.

4. *Антоний Сурожский, митр.* Проповеди. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Митрополит Антоний Сурожский». URL: https://www.mitrast.ru/inname/a_main.htm.

Минин С.В.
(Таллин, Эстония)

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ В ИКОНОПИСИ. ПИМЕН СОФРОНОВ

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы становления и развития уникального старообрядческого иконописца и реставратора Пимена Максимовича Софронова. Уделено внимание педагогической деятельности, которая осуществлялась как внутри старообрядческой общины, так и за её пределами в странах Европы и США. Отмечена значимость роли Пимена Софронова в сохранении традиций древнерусского духовного наследия, а также приумножении духовных и художественных ценностей христианского искусства XX века.

Ключевые слова: древнерусское духовное наследие, старообрядчество, старообрядческая иконопись, икона, христианское искусство, традиция, канон, ценности, культура.

*...Желание мое и попечение... в том, чтобы не погибло
и не ушло в историю правильное иконописание...*

*Из письма П.М. Софронова
княгине Н.Г. Яшвиле от 12 января 1932 г.*

Искусство иконописи пришло на Русь из Византии после принятия крещения в 988 году при князе Владимире.

В XV веке русская иконопись, достигая своего высшего расцвета, освобождается от ученической зависимости, становится вполне самобытной и русской. В момент высочайшего подъема русской государственности при Петре I русская живопись, в том числе живопись церковная, строится на новых западноевропейских принципах.

Старообрядцы активно выступали против нововведений, отстаивая традицию русской и византийской иконы. В крупных старообрядческих центрах сложились самостоятельные школы иконописи.

Старообрядцев иногда сравнивают с европейскими протестантами. Но в отличие от европейцев они продолжали жить в стране, где власть принадлежала их религиозным противникам. Находясь под государственно-церковным прессом, староверы руководствовались целями, направленными не на получение прибыли в пользу конкретных людей или семей, а на обеспечение процветания всей общины.

Условия быта, выработавшие особую строгость общинных взаимоотношений, разделение труда и равенство в собственности и потреблении. Но и они не могли существовать в полной изоляции от «мира анти-

христа», от которого бежали. Связь с внешним миром экономическая и культурная была необходима. На этом фоне особо выделяются иконописные центры, которые сохраняли старые традиции письма, и что особо надо отметить, развивали свои реставрационные школы, чтобы сохранить это письмо. Следует отметить, что в старообрядческих общинах практически все были грамотными, отсюда – знание, понимание и любовь к текстам, которым на иконе часто отводится много места. Надписи каллиграфически красивы. Московские старообрядческие мастерские на рубеже XIX–XX веков писали иконы изысканного колорита, стилизуя свои работы под дониконовские образцы. Лики строгие, взгляд «взыскующий», проникновенный, мощное письмо рельефно выступает над светлой, золотистой охрой, реже оливковым санкирем. Тщательная проработка деталей, наличие элементов северного пейзажа – особенности поморского письма, оказавшие влияние на иконопись других старообрядческих центров таких, как в Палехе и Мстёре. Старообрядческая иконопись находилась на уровне эстетических запросов своего времени и была столь популярна, что мастера-староверы получали заказы для официальной церкви. В источниках упоминаются факты обращения никоиан в староверские толки исключительно с целью обучиться иконописи, а затем подвизаться в качестве иконописцев официальной религии.

Создавая новые иконы, старообрядцы стремились строго придерживаться древних образцов. Однако, поступая так, старообрядческие мастера-иконописцы не просто слепо копировали древние образцы, но творчески продолжали развивать древнерусские и византийские традиции в своей иконописи.

В конце XIX века возникла своя уникальная иконописная школа в Причудье. Она была создана знаменитым иконописцем и федосеевским наставником Гавриилом Ефимовичем Фроловым (1854–1930). Фролов с детства обучался иконописи у своего отца, а после его смерти в 1875 году устроил вместе с братом Титом иконописную мастерскую при Московской Преображенской общине. В 1880-х годах Гаврилу Фролова пригласили перебраться в Причудье, поскольку местные староверы испытывали острую нужду в опытных иконописцах. С тех пор деревня Рая (Раяуши), выбранная Фроловым для своего местопребывания, стала духовным центром старообрядцев Эстонии. До конца жизни он руководил общиной, был её духовным наставником.

Из школы Фролова в Причудье вышли выдающиеся старообрядческие иконописцы двадцатого века. Это П.М. Софронов, М.Г. Солнцев,

Ф.А. Мызников, Д.Н. Поляков, Н. Глухов. Важно отметить, что Фролов обучал своих учеников не только мастерству древлеправославной иконописи, но обучал их церковному знаменному пению и на личном примере истинному благочестию наряду с ежедневными молитвами. Воспитывалось отношение к иконописанию как к «святому делу».

Духовная составляющая обязательно должна присутствовать в каждом произведении искусства, только тогда оно будет истинным произведением, которое не оставит равнодушным никого из соприкоснувшихся с ним. Старообрядческая икона рассматривается как хранительница древних истоков русской иконописи. Эти иконы были созданы не просто глубоко верующими людьми, но теми, кто, отстаивая истинность своих убеждений в вопросах веры, платил за это изгнанием, а часто и жизнью.

Одним из лучших учеников Фролова был Пимен Максимович Софронов (1899–1973), уроженец Эстонии, прекрасно владевший старинной техникой иконописи и сумевший создать свой изобразительный стиль без нарушения традиций древнерусской школы.

Пимена Софронова заслужено называют выдающимся русским и славянским иконописцем XX столетия. Реставратор, коллекционер, преподаватель. По оценкам специалистов, ученик Фролова является самым «влиятельным иконописцем русской эмиграции» в Европе и Америке. В 1930-х и 1940-х годах он создавал школы иконописи в Риге, Париже и Белграде, читал лекции в Бельгии и Праге, а также создал работы для короля Югославии Александра I и папы Пия XI в Риме.

Родился всемирно известный иконописец и реставратор 4 сентября 1898 г. в деревне Тихотка (эстон. Тихеда) Казепяэской волости Тартуского уезда Лифляндской губернии, расположенной на западном берегу Чудского озера, в семье потомков крестьян староверов-беспоповцев федосеевского согласия, бежавших в начале XVIII века на окраину Российской империи, в Причудье. Отец Пимена – Максим Михайлович владел тремя гектарами земли, занимался огородничеством, извозным промыслом, а также рыболовством. Мать – Пелагея Ивановна была дочерью рыбака с острова Пийрисаар. У Пимена было еще пять сестер и брат Владимир. В четырехлетнем возрасте мальчик лишился отца. В водах Чудского озера рыбаки гибли часто...

Начало творческого пути мастера связано с Эстонией и позднее с Латвией (1910–1931). Талант к рисованию обнаружился, когда мальчик подрос и стал ходить в школу. В возрасте 12 лет Пимен начинает трёхгодичное обучение в иконописной школе Гавриила Ефимовича Фролова при Раяушском федосеевском храме. С 1905 г. работает помощником мастера

Г. Фролова, продолжая обучение и приобретая навыки древнерусского иконописания и церковнославянского чтения и пения. В 1926-1927 гг. работает под руководством своего учителя над созданием икон для иконостаса Раюшского староверческого храма.

В 1926 г. вместе с Гавриилом Фроловым Пимен Софронов были приглашены для реставрации старых икон в Резекне (Латвия). Там Пимен написал большую икону «Благовещение».

В 1928-1931 гг. Софронов по приглашению рижских староверов Гребенщиковской старообрядческой общины работал в Риге, где руководил иконописной мастерской и преподавал иконописание при «Кружке ревнителей русской старины», организованном И.Н. Заволоко. В храме общины сохранились две иконы, написанные Софроновым, – «Три святителя» и «Великомученик Димитрий Солунский». Рижская художница, иконописец и реставратор Т.В. Косинская писала в то время; «Здесь я встретила с известным старообрядческим иконописцем П. Софроновым. И он после некоторых колебаний согласился учить меня всем приёмам древней иконописи, у нас почти утраченной. Старообрядцы смотрят на иконопись как на святое дело, требующие строгой монашеской жизни. Пимен Софронов ревностный исполнитель этого устава, не решался учить меня, «никонианку», но по совету своего учителя, иконописца Фролова, принял меня» [4].

В 1929 году состоялась выставка икон, на которой особое внимание получили образы П.М. Софронова «Деисус» и «Спас Нерукотворный».

Второй период жизни и творчества можно обозначить, как западно-европейский. Он охватывает период с 1931 по 1947 годы и связан с такими странами, как Чехия, Франция, Бельгия, Сербия, Италия.

В ноябре 1928 года Софронов в Париже представил на выставке Общества «Икона» свою работу «Христос-Сеятель». В 1931 году его приглашают в Париж, где он руководит школой древнерусской иконописи при обществе «Икона». Общество «Икона» было создано в 1927 году в Париже по инициативе Владимира Павловича Рябушинского с целью распространения знаний о русской иконе, как в русском, так и во французском обществе. Но постепенно деятельность Общества переросла эти рамки и приобрела общекультурное значение.

Во Франции Софронов также участвовал в работе Международного конгресса изографов. Составил и издал в 1931 году в Жуанвиле методическое пособие по иконописанию «Целебник».

Некоторое время в качестве мастера иконописания Софронов обучал церковной живописи монахов-бенедиктинцев из монастыря Аме (Бельгия). Несколько икон он специально написал для этого монастыря. Икона «Матерь Божия» стала широко известной благодаря художественным открыткам, изданным в Бельгии монахами. Сейчас в Шеветонском монастыре (как теперь его называют, так как в 1939 году братия монастыря переехала в г. Шеветонь) хранится небольшая коллекция икон П.М. Софронова.

В 1932 г. Софронов переехал в Прагу по приглашению Института им. Кондакова, где также преподавал на курсах иконописи, которые посещали не только православные, но и лютеране, и католики. Во время работы в Праге он посещал семинар Кондакова, где занимались орнаментом, а Софронов как раз коллекционировал вышивки. Позже, в 1930-е годы, Софронов сам будет вести в институте Кондакова курсы иконописания и читать лекции об иконописи. Следует отметить, что в Праге в это время собралось большое количество эмигрантов из революционной России. Присутствие такого количества русской интеллигенции содействовало созданию музеев, библиотек и активной творческой деятельности. Историк Николай Андреев, работавший в это время в институте, вспоминал о Софронове так: «Он был тогда лет тридцати, одевался очень по-русски – поддевки, расписные рубашки-косоворотки. И был ультрарусский человек очень чистой души» [4, с. 39].

Пимен Максимович писал тогда своей покровительнице княгине Наталье Яшвиле: «Я твердо уверен, что внутреннее состояние в человеке очень влияет на работу иконную (хоть даже самую «трафаретную»). А в смысле вознаграждения меня, то в таковом я сговорчив, располагаю на ваши возможности. Уверяю искренне, что желание мое и попечение будет в том, чтобы не погибло и не ушло в историю правильное иконописание, ведь и сейчас уже во многих мнение, что иконописание стилей новгородского и московского погибло, осталось только подражание неудачное, это неправильно, чистоту стиля старообрядцы сумели сохранить, и сейчас в России по сибирским скитам хороши мастера без повреждения есть. Может, теперь только антихристы истребят...» [8].

В 1933 году король Югославии Александр I (Карагеоргиевич) пригласил Софронова расписать фресками стены домового храма св. Андрея в официальной королевской резиденции в Белграде. К сожалению, эта работа не состоялась. Но появились другие заказы. Софронов работал над росписью нового здания Патриархии Сербской Православной церкви. Продолжал писать и реставрировать иконы для частных лиц, архиереев сербского Синода, сербских храмов. По благословлению патриарха

Варнавы организовал иконописную школу в монастыре в Раковице недалеко от Белграда, в которой преподавал три года. Школу закончили семнадцать человек, среди них епископ Иоанн (Булин).

Годы, проведённые в Югославии, были весьма насыщенными. Некоторое время он жил в королевском дворце, побывал во многих сербских, черногорских, македонских монастырях. Много путешествовал, изучал древние фрески в Сербии и Черногории, которые оказали огромное влияние на совершенствование его иконописного мастерства, изучал особенности древней южнославянской церковной живописи. В Югославии Софронов женился на сербке.

В 1934 году парижское общество «Икона» вновь приглашает Софронова для открытия иконописной школы в Париже.

Зимой 1935 года вновь руководит иконописными курсами в Праге. Здесь же он проводит сложные реставрационные работы, занимается переводом старых икон на новые доски.

В 1939 г. по приглашению секретаря Выставочного комитета при Ватикане и правительства Италии Софронов приехал в Рим. Ему предстояло написать пятирусный иконостас с 56 иконами в образцовой православной церкви для Всемирной выставки религиозного искусства в Риме. Начавшаяся Вторая мировая война помешала открытию выставки, но уже написанные к этому времени Софроновым иконы были приобретены Ватиканом. Сейчас пятирядный иконостас вместе с другими работами иконописца находится в Восточном институте Ватикана и Академии Грегориано в Риме.

В 1941 г. в Риме состоялась первая персональная выставка икон Софронова, после чего его и стали считать крупнейшим иконописцем XX столетия. Критик Бьянка Паулуччи, восхищаясь эмоциональным началом, свежестью чувств в иконах Софронова, сравнивала его с великим мастером Предренессанса Джотто.

Во время войны Софронов, поскольку был русский, жил под надзором полиции, и только то, что он находился в Италии по приглашению Ватикана, спасало его от ареста. По окончании войны Софронов не решается переехать в СССР. Мать умерла, сёстры замужем.

В 1947 году он принимает приглашение архиепископа Виталия, представляющего Русскую Православную Зарубежную Церковь и выезжает в Соединенные Штаты Америки. Так начинается третий период его творчества – американский (1947-1973).

В США Софронов поселился в Милвилле (штат Нью-Джерси), в одной из четырёх старообрядческих общин. Здесь он расписал старообрядческий храм Святого Николая, Троицкий собор в Бруклине, храм Трёх Святителей в Ансонии, храм Петра и Павла в Сиракузах, Владимирскую церковь в Трентоне, усыпальницу архиепископа Иоанна Максимовича в храме в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в Сан-Франциско, церковь Св.Троицы в Вайнленде, церковь Св.Андрея в Сент-Питерсберге (штат Флорида), церковь Казанской Богоматери в Си-Клиффе (штат Нью-Йорк), поморский храм в Детройте.

Был организован ряд персональных выставок художника в Сан-Франциско (1966 год), Лос-Анджелесе (1967 год). В это же время издаётся большой альбом его работ [1]. Софронов продолжает вести и преподавательскую деятельность.

В 1950 году иконописец получает гражданство США.

1 июля 1961 года был торжественно отпразднован пятидесятилетний юбилей творческой деятельности П.М. Софронова.

В декабре 1962 года за выдающиеся труды в области религиозной живописи и возрождение византийских иконописных традиций греческий Орден Дионисия Закинфского награждает Пимена Софронова крестом Таксирха всех трёх степеней. В знак признания его трудов и помощи Православной Церкви Пимен Максимович возведён в дворянское достоинство. Его долгий путь на ниве иконописи был по достоинству оценён.

В 1966 году мастер совершает паломническую поездку на Святую землю. Здесь ему поступило предложение от Иерусалимского патриарха основать иконописную школу и расписать храмы. К сожалению, Софронову пришлось отказаться, так как мастер не чувствовал в себе сил, чтобы осуществить такую грандиозную работу.

В 1966 году возобновилась переписка с И.Н. Заволоко. 9 июня 1968 года Софронов пишет Заволоко в Ригу: «...Очень мне хочется встретиться, но когда это осуществится? Слышно, у вас в Риге меня укоряют: почему я здесь в Америке иконы пишу для никониан? Но ведь здесь старообрядцев мало... <...> А вот бы выписали меня как иконописца или реставратора в Ригу, Двинск или Режицу? Умею и фресковую (живопись) и мозаичную... <...> А без вызова тяжело мне подняться. Уже если самостоятельно уезжать из США, то не временно, а совсем, а у меня домик свой и книг три этажерки, редких книг жаль. Да и как меня примут? Хотя я ни в войнах (последних), ни в политику не вмешивался...» [8].

И все же в августе 1969 года Софронов приезжал в СССР, после более чем 20-летнего перерыва посетил Прибалтику, побывал в Москве, Ленинграде, Риге, Таллине. В Ленинграде он посетил Институт русской литературы. Здесь в Древнехранилище Пушкинского Дома он встретился с В.И. Малышевым. Навестил и Тарту, и родную Тихотку, на старом кладбище поклонился могилам родителей и своего учителя Г.Е. Фролова, повидал дом, где родился, и деревню Раюши. В Риге он встретился с Заволоко, иконописцами Павловым и Быкадоровым.

В последние годы жизни зрение его ослабело, стало трудно писать мелкие детали. Он ходил в храм на все службы, пел на клиросе. Однажды в субботу он не пришел на вечерню. Дверь его дома была заперта. Нашли его 16 мая, когда приставили лестницу к окну второго этажа, где находилась спальня. Вот тогда и увидели, что Пимен Максимович лежит в постели бездыханный. 17 мая 1973 года хоронили П.М. Софронова в Милвилле, на староверческом кладбище позади храма (позже на его могиле был сооружен памятник из черного гранита). В это время воры сломали окно в доме и украли его уникальные коллекции.

Согласно завещанию, имущество иконописца должно было перейти Милвиллской старообрядческой общине и пяти племянницам, проживавшим в СССР. Известно, что письма и бумаги Пимена Максимовича взял на сохранение его душеприказчик, автор его краткой биографии Федор Данилов. Другим душеприказчиком был Александров – бывший ученик Софронова по иконописи. Летом 1989 года в Милвилл приезжал француз, которому по поручению Ватикана надлежало объехать все города и страны, где жил и работал П.М. Софронов. Он сфотографировал все работы Софронова в храме и в библиотеке его имени, основанной общиной после смерти иконописца [9].

В 2018 году в Америке состоялась выставка «От прориси – к живописи», посвященная «самому влиятельному иконописцу русской эмиграции» – староверу, уроженцу Причудья Пимену Софронову [3].

2 июля 2019 года в Эстонии, в деревне Тихеда Муствеевской волости состоялось торжественное открытие самого большого в Причудье музейного комплекса – Музея Причудья, в структуру которого органично вписался и Музей П.М. Софронова.

16 мая 2023 года исполнилось 50 лет со дня кончины Пимена Максимовича Софронова. Его роль в сохранении и развитии иконописного наследия трудно переоценить. Через своих многочисленных учеников в Париже, Праге, Риме и Америке Софронов не только передал, но и укрепил

иконописную традицию в Европе и Новом Свете. Достигнув высочайшего уровня мастерства и мирового признания, П.М. Софронов показал красоту древнерусской иконы, ее духовное совершенство. Сохранение духовных корней очень важно для каждого из нас. Именно они формируют стержень в человеке, определяют ориентиры. Труд таких подвижников может служить ярким примером для следующих поколений.

В заключение хочу выразить слова сердечной благодарности Фёдорову Маспанову за живой отклик и предоставление информации в период подготовки данной статьи. Следует отметить, что известный эстонский журналист, многолетний редактор газеты «Чудское побережье / Peipsirannik» Ф. Маспанов является автором книги «Житие иконописца Пимена. По следам биографии и творчества П.М. Софронова». На протяжении 30 лет он собирал материалы о жизни и творчестве выдающегося иконописца. Издание насчитывает 544 страницы, включает уникальные фотографии, архивные документы, письма, воспоминания, рисунки. Книга вышла в свет в 2022 году в столице Причудья – городе Муствее.

Использованная литература

1. *Иванов И.* Пимен Софронов // Русские Латвии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/pimen-sofronov.html> (дата обращения: 27.08.2023).
2. *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996.
3. *Кишкова С., Клифф С.* Встреча у дома Софроновых // Peipsirannik. Чудское побережье. 2018. № 8.
4. *Косинская Т.В.* Балтийско-русский сборник. Кн. II. Мат-лы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из архива Гуверовского института. Stanford. 2007.
5. *Мануйлов Ю.Н.* Икона староверов Причудья: Гавриил Ефимович Фролов и его иконописная мастерская. Таллинн: Sihtasutus Ikoonimuuseum, 2013.
6. *Маркелов Г.В.* Изограф из Причудья. Памяти Заволоко Ивана Никифоровича – Рига: Издание РГСО. 1999. С. 98–113.
7. *Маспанов Ф.* Житие иконописца Пимена. По следам биографии и творчества П.М. Софронова. Муствее, 2022.
8. Пимен Софронов величайший старообрядческий иконописец XX столетия... : [Электронный ресурс]. URL: <https://starove.ru/izbran/pimen-sofronov-velichajshij-staroobryadcheskij-ikonopisets-xx-stoletiya/> (дата обращения: 17.08.2023).
9. 50 лет со дня кончины П.М. Софронова. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: [Электронный ресурс]. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/47809_50 лет со дня кончины п_м_софронова.
10. «Бельгийская страница» в жизни иконописца Пимена Софронова: [Электронный ресурс]. URL: <https://vestniktartu.ee/tartu/belgijskaya-stranica-v-zhizni-ikono/> (дата обращения: 21.08.2023)

Савчук И.В.
(Старая Русса, Россия)

С.В. РАХМАНИНОВ. ДНЕСЬ СПАСЕНИЕ ДУШИ

Аннотация. В статье говорится, об имени великого русского композитора С.В. Рахманинова, его духовной музыке, духовном наследии, которое является прекрасным образцом для духовно – нравственных ценностей человека. Его духовная музыка – русская, она написана под влиянием русской духовной традиции. Слушая духовную музыку С.В. Рахманинова, мы можем понять, что она спасает сейчас и всегда, исцеляет души и оживотворяет сердца. Музыка рассказывает миру о Боге и о любящей Его прекрасной Святой Руси. Рахманинов явился продолжателем традиций великих мастеров русской классической музыки. Творчество Рахманинова и сегодня радует миллионы слушателей, покоряя своей глубокой правдивостью, неугасимой верой в человека, теплотой и поэтичностью образов. Глубокое понимание веры, православной службы было заложено в нем с самого детства и продолжалось всю жизнь.

Ключевые слова: музыка, С.В. Рахманинов, православие, духовность.

«Музыка должна идти от сердца»

С.В. Рахманинов

В 2023 году исполнилось 150 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Сергея Васильевича Рахманинова – гениального композитора, выдающегося пианиста и дирижера, имя которого стало символом русской национальной и мировой музыкальной культуры. Композитор родился 20 марта (по старому стилю) 1873 года в усадьбе Семеново Старорусского уезда Новгородской губернии. Музыкальная одаренность Сергея Рахманинова обнаружилась в раннем детстве: уже с четырех лет он стал обучаться игре на фортепиано. «Самый непостижимый из всех Господних даров людям – музыка. Господь дал этот дивный, таинственный дар – слышать музыку и своим талантом исцелять души и оживотворять сердца. Среди них – гордость русской культуры «серебряного века», великий русский композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов»[3]. Великую музыку невозможно изобразить словами и эпитетами, потому что она неопишима. Мы слышим прекрасную музыку, можем получить достаточно полное представление о прекрасном и Божественном. Такова и есть музыка С.В. Рахманинова – духовно насыщенная, необычайно величественная, красочная, нежная и мечтательная. Она рассказывает миру о Боге и о любящей Его прекрасной Святой Руси, поющей Ему славу своим неповторимым колокольным гласом... О России, чьи бескрайние просторы украшены величественными храмами, наполнен-

ными чудотворными иконами, возвышенными молитвами и духовными песнопениями... «Я – русский композитор, – писал Рахманинов, – и моя Родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и поэтому русская музыка: единственное, что я стараюсь делать, когда сочиняю, – это заставит её прямо и просто выражать то, что у меня на сердце»[6]. Глубокое понимание веры, православной службы было заложено в нем с самого детства и продолжалось всю жизнь. В творчестве С.В. Рахманинова очень важны христианские мотивы, которые свидетельствует о том, что его гений был ниспослан России. Будучи верующим человеком, Рахманинов не только сделал выдающийся вклад в развитие русской духовной музыки, но и в прочих своих произведениях воплотил христианские идеи. Первое обращение С.В. Рахманинова к духовным жанрам было еще в 1893 году, когда им был написан духовный концерт для смешанного хора без сопровождения «В молитвах неусыпающую Богородицу...». Этапом становления духовных основ в музыке Сергея Васильевича Рахманинова стала «Литургия Иоанна Златоуста» (соч. 31), написанная в 1910 году и впервые с большим успехом прозвучавшая 25 ноября в Москве, в исполнении Синодального хора под управлением знаменитого регента и друга Рахманинова, Николая Данилина. В Литургии Рахманинов дает новую жизнь хоровым жанрам русской музыки. Композитор ввел в свое произведение практически полный текст Литургии св. Иоанна Златоуста, восстановил ектины (великую, сугубую, просительную и малую), использовал элементы фольклора, интонации знаменного пения, а также имитацию колокольного звона, что придает музыке неповторимый и истинно национальный характер. Спустя пять лет С.В. Рахманинов завершил величайшее из своих творений – «Всенощное бдение» (1915), написанное на темы древних песнопений знаменного распева. «Всенощное бдение» посвящено памяти Степана Васильевича Смоленского (1848-1909) – профессора Московской консерватории, управляющего Придворной певческой капеллой в Петербурге, исследователя и знатока церковного пения. Представляет собой «монументальное эпическое полотно, достойно продолжающее «кучкистские» национальные традиции, единственное произведение такого масштаба в русской музыке после «Сказания о граде Китеже» Римского Корсакова». 42 «Всенощная», – говорил Асафьев, – появилась у Рахманинова в суровую годину испытаний, выпавших на долю России, «как ответ, возникший из крепких корней народного эпоса о мире всего мира. То, о чем Римский-Корсаков так тепло и проникновенно мог поведать в эпическом «Сказании о невидимом граде Китеже», потому и

влекло Рахманинова, что слышалось, как родное, высоко эпическое понимание глубин народного строя русской жизни». Хоровой цикл включает 15 песнопений воскресного всенощного бдения, это неизменяемые песнопения. Очевидно, что выбор композитора не случаен, воскресная служба занимает исключительное место в церковной жизни. «Это день, принадлежащий не времени, а вечности. Это малая Пасха, которую мы имеем счастье праздновать раз в неделю». По словам известного хорового дирижера В. Чернушенко: «Всенощная» С.В. Рахманинова создана для храма. А храм этот, – вся Россия с голубым куполом неба, с неоглядным раздольем полей и лесов, с иконостасом, где запечатлены лики и деяния святых – лучших сынов ее, с умным, добрым, красивым народом». Великая музыка С. В. Рахманинова и сегодня радует, и волнует миллионы слушателей, покоряя своей глубокой правдивостью, неугасимой верой в человека, простотой и непосредственностью чувств, теплотой и поэтичностью образов, красотой и подлинно русской широтой мелодий, она спасение души. Слушая музыку Рахманинова душа стремится к свету и прозрению. О Рахманинове как композиторе можно сказать: «Такую музыку мог написать только человек, который все, что в ней сказано, пережил в своей жизни». Рахманинов сотворил для современной фортепианной культуры во славу тишины как прибежища музыки, её истока, как совершившееся её предназначение, утешение ею даруемое. И сегодня непереносимый «шум мира» делает музыку тишины, музыку С.В. Рахманинова этическим сокровищем! Особенностью характера Рахманинова была великая скромность, некоторая замкнутость и отрешенность от мира, и, что всегда отражалось в его музыке, особенная умиротворенная возвышенность. Один из его современников, пианист Иосиф Гофман утверждал, что не знал человека «чище и святее, чем Рахманинов». «Рахманинов – огромное богатство. В его творчестве есть дух православия, есть сила Воскресения, Россия, доброта, милостивый взгляд на мир, память о вечности» утверждает японский пианист Садакацу Цучида, который пришёл к православию. С.В. Рахманинов ушел ко Творцу в Крестопоклонную неделю Великого поста 1943 года, а нам – его потомкам – в наследство досталась удивительная музыка русского гения, несущая в себе отсвет Благой вести.

Справедливо высказывание С.В. Рахманинова о том, что «несмотря на то, что следует уважать традиции прошлого мы тем не менее не должны быть в плену условностей. Борьба с традиционными верованиями есть закон художественного прогресса. Все великие композиторы и ис-

полнители возводили новые здания на руинах разрушенных ими условностей. Незримо прекраснее творить, чем подражать. Но прежде, чем мы сможем создать что-либо, хорошо бы ознакомиться с тем лучшим, что нам предшествовало».

В его духовной музыке очень глубокие православные корни. Он очень любил русские колокола и включал православный колокольный перезвон в свои самые известные композиции. Через его духовную и хоровую музыку мы можем почувствовать свои православные истоки. Его духовная музыка – русская, она написана под влиянием русской духовной традиции, в ней проявляется неопишуемая красота. Духовные сочинения С.В. Рахманинова по праву считаются ценнейшим вкладом в русскую духовную музыку, в которой он усматривал русскую историю и лучшие традиции православной культуры. В своём творчестве композитор стремился отразить духовную жизнь России во взаимосвязи прошлого и настоящего. Его творчество важно не только для музыки, но и для Православной Церкви, он был и церковным композитором на рубеже знаковых эпох нашей страны.

Его наследие сейчас популяризируется среди населения, и это очень радостно, особенно радостно, что это происходит и у нас на родине великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова.

Использованная литература

1. Антошков Д. Воскресение – малая Пасха. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Храма Петра и Павла. Режим доступа: [hram-pokrova-orbita@rambler.ru/](mailto:hram-pokrova-orbita@rambler.ru) (дата обращения: 12.01.2016).
2. Асафьев Б.В. Избранные труды. Т. 2. М.: Академия наук СССР, 1952. С.301.
3. Винарова М. Отзвук вечности. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Сретенского монастыря. Режим доступа: [editor@pravoslavie.ru/](mailto:editor@pravoslavie.ru) (дата обращения: 15.01.2017).
4. Келдыш Ю. Рахманинов и его время. М.: Музыка, 1973. С. 5, 16, 413.
5. Никитин Б.С. Сергей Рахманинов. Федор Шаляпин. М.: ОТиСС, 1998. С.240.
6. Райзе Е.С. О музыке и музыкантах: афоризмы, мысли, изречения, высказывания. М., 1969. С. 167.
7. Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т.3. М.: Сов. композитор, 1980. С.232-240.
8. Русская духовная музыка. Великое славословие. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Котовского Благодичиния. Режим доступа: kotovsk-istok.com.ua/ (дата обращения: 18.02.2016).

Чернобай С.Г.
(Евпатория, Россия)

РОЛЬ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ В ПЕРИОД ГОНЕНИЙ XX ВЕКА

Аннотация. XX век – стал одним из самых насыщенных периодов в истории человечества. Одним из ключевых моментов был период гонений на различные религии на территории СССР, особенно это коснулось Русской Православной Церкви. Невзирая на все трудности, верующие люди продолжали славить Господа ценной своей жизни. Благодаря им духовная музыка не только не забыта, а и продолжала свое развитие.

Ключевые слова: духовная музыка, гонения, композиторы.

За более чем тысячу лет после принятия на Руси христианства, духовная музыка претерпела множество изменений и реформ. Она росла и развивалась вместе с народом, на смену монодии и «ангелоподобному» пению пришел партес, она выстояла период гонений, но одно оставалось неизменным – она всегда славил и будет славить Всевышнего. XX век стал насыщенным ключевыми моментами в человеческой истории. Для религиозных людей СССР данный период стал настоящим испытанием стойкости.

Вначале нужно кратко обозначить отношение СССР к религии. На протяжении всей своей истории оно было разным, но в основном подерживался, хоть и неофициально, атеизм, вплоть до 1988 г., содействуя «отмиранию религиозных предрассудков» (по решению КПСС и советского государства о религии и церкви). Русская Православная Церковь стала отделена от государства и школы. Довоенное время все предметы на религиозную тематику были убраны из школьной программы. В начале гонений отбиралось церковное имущество, вскрывались мощи, инспирировались расколы, проводилась безбожная пропаганда и т.д. Действующей властью РПЦ рассматривалась как очаг «контрреволюционной» деятельности. До 1932 года проводилось довольно «мирное просвещение» народа, но все чаще стали отдавать предпочтения репрессивным методам борьбы, как с православием, так и с другими религиозными общинами.

В 1937 году в свет вышел совершенно секретный приказ от НКВД № 00447, где «церковники и сектантские активисты» были объявлены «антисоветскими элементами», которые подлежали репрессиям. По мнению разных ученых в период с 1931 по 1941 гг. было ликвидировано 80-85% священников (православных и обновленцев). Среди них были регенты и композиторы. Например, регент Троицкой церкви Кизеловского заво-

да священномученик Вячеслав Невьянский (Луканин) (был расстрелян до основных гонений), регент Крестовоздвиженского храма, клинский новомученик Андрей Трофимов (скончался в 1938 г. в исправительном лагере Амурской области) и другие.

Церковные хоры распускались, существуют сведения, что в некоторых храмах несколько человек, в основном преклонного возраста, пели службу преимущественно на 6-стихирный и на 4-тропарный гласы, это обуславливалось отсутствием профессионалов данного искусства и легко запоминающейся мелодией этих распевов.

После начала Великой Отечественной войны власть отказалась от гонений, предпочитая держать религию под строжайшим контролем. В 1942 году на Пасху даже был отменен комендантский час и некоторые службы прошли в режиме светомаскировки.

Также нужно обозначить, что кроме гонений на Русскую Православную Церковь и на христиан, были еще гонения на иудеев, а позже на мусульман. К последним отношение было в первые годы терпимым и даже «теплым», так как властные структуры СССР хотели использовать данную религию как инструмент, чтобы распространить идеи коммунизма в мусульманских странах.

Обращаясь к истории развития христианской церковной музыки, нужно обратить внимание, что в начале XX века возникает такое понятие как «концертно-духовное творчество», но оно не было новшеством, так как берет свое начало от П.И. Чайковского. Логика развития цикла в творчестве московских композиторов привела к созданию такого стиля, которое вылилось в написание С.В. Рахманиновым его двух духовных циклов: Литургию и Всенощное. Кроме него к композиторам этого периода можно отнести творчество А.Т. Гречанинова (его «Демественная Литургия» и т.д.), А. Д. Кастальского («Братское поминовение» и т.д.). В это время композиции стали больше феноменом концертной эстрады, нежели богослужебной. Многие исследователи творчества таких композиторов, как П.Г. Чесноков, Н.Д. Леонтович относят именно к такому явлению.

Многие великие духовные композиторы писали свою музыку «в стол» (например, какое-то время так делал П.Г. Чесноков), а некоторым приходилось свои партитуры подписывать фамилиями других мастеров данного искусства. Например, «Ангел вопияше» М.П. Мусоргского на самом деле же принадлежит перу оренбургского регента Николая Матвеевича Уварова (1883 – 1942 гг.), который предположительно еще в дореволюци-

онной России издавал свои сборники за свой счет. Тот факт, что именно последний является автором доказывает наличие научных статей, ранних публикаций в сборниках Уварова, а также сам стиль письма, который резко отличается от Мусоргского и является недопустимым для духовной музыки того времени и данное произведение не пропустила бы цензура Н.И. Бахметьева.

Кроме вышеперечисленного, прошлое столетие славится также композиторами сугубо церковными, такими как: Н.Н. Кедров-отец, Н.Н. Кедров-сын, М.Ю. Ковалевский, свящ.-мч. Георгий Извеков, архим. Матфей (Мормыль), мит. Ионафан (Елецких) и многими другими, к сожалению, часть нот по прошествии времени утеряны, а некоторые все ещё ждут своего часа быть опубликованными. Также известны некоторые обработки распевок без указания автора.

Творчество таких композиторов, как А.Т. Гречанинова, А.Д. Кастальского было выброшено из советской музыкальной жизни, так как большинство произведений у них были написаны на религиозную тематику. Несмотря на это первый, будучи заграницей, продолжал писать духовные сочинения.

Подобная судьба была у духовных сочинений С.В. Рахманинова. Например, судьба его «Всенощной...», написанной в 1915 г., была парадоксальной, хоть на старте ее ожидал успех, а позже подверглась критике со стороны духовенства из-за излишней эмоциональности. В советское время также оказалась в тени и не исполнялась на концертной сцене из-за принадлежности к культовому искусству. После шестидесятилетнего молчания исключением стал 1982 год, под управлением великого симфонического и хорового дирижёра В.А. Чернушенко в Ленинградской академической хоровой капелле им. М.И. Глинки прозвучало это произведение.

Духовная музыка всегда играла роль соединяющего звена между молитвой и молящимся, обращая внимание, благодаря музыкальным приемам, на смысл слова. В период гонений также выступала неким утешителем и надеждой для христиан. Большие хоры были протестом и знаком стойкости верующих, например, хор московского регента Н.С. Данилова, которые переходили из одного храма в другой (когда закрывали), исполняли сложные композиции, проводили репетиции несмотря на различные запреты.

Духовная музыка стала той ценностью, за которую люди боролись и всячески старались ее развивать в тех условиях, которые выпали на

их долю. Несмотря на риск быть забытыми композиторами некоторые продолжали писать, отказываясь от славы быть известным светским композитором, они продолжали уделять время написанию церковных песнопений. Зная, что в любой момент они могут отправиться в лагерь люди не переставали ходить в храм и петь кто как умел (в крупных городах еще были большие хоры, а в городах поменьше, селах, деревнях, в лучшем случае, хоть какой-нибудь певчий). Их жертва оказалась напрасной, возможно не все при жизни могли услышать, как их произведение звучит в храме, но сейчас, оно радует прихожан своим звучанием за богослужением и слушателей на концертах.

В современном мире толерантности все-еще остаются страны, в которых продолжают гонения на христиан, среди них есть Северная Корея, Сомали, Индия, Афганистан, Ливия, Китай и т.д., но, несмотря на это, миссия несения Слова Божьего не оставляет миссионеров и они, подобно апостолам, спешат проповедовать Евангелие. Сохранение традиций церковного пения после событий XX века, поистине можно считать чудом, а также важно заниматься развитием данного искусства, путем поощрения достойных произведений современных духовных композиторов.

Использованная литература

1. Наумов А. Лебедева-Емелина А. Песнопение «Ангел вопиаше»: проблема авторства // ИМТИ. 2015. № 13. С. 108-121.
2. Святые новомученики клинские [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://www.biblio-klin.ru/kray_otd/gordost_zemli/3156-svyatye-novomucheniki-klinskie.html (дата обращения 28.08.2023).

Филимонова Т.В.
(Санкт-Петербург, Россия)

ШИТЬЕ В ЦЕРКОВНОМ ОБЛАЧЕНИИ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

Аннотация. Предлагаемая статья представляет собой краткий анализ проблемы духовно-нравственного воспитания подростков в стенах воскресной школы. Автор делает краткий исторический обзор церковного шитья и предлагает с помощью теоретического и практического изучения шитья в церковном облачении, духовно обогащаясь, приобщать ребят к богоугодному ремеслу.

Ключевые слова: шитье в церковное облачении, традиция, искусство, воскресная школа, духовно-нравственное воспитание подростков.

Многовековая история нашего государства во всех сферах жизни страны имеет циклический характер. Постоянное чередование периодов кризиса, реформ и контрреформ. И политика в отношении образования – не исключение. Существуют периоды в развитии образования, где четко прослеживаются заимствование западных моделей воспитания и обучения детей. Но, как показывает время и опыт, в итоге возникает необходимость возврата к истокам традиционного воспитания. Традиционное воспитание основывается на примере старших в сочетании с самовоспитанием детей. «Складывалось традиционное воспитание в нашей стране самобытно, и Православная Церковь – ключевое звено этой самобытности» [3].

В настоящее время наша страна переживает духовно-нравственной кризис в воспитании подрастающего поколения. Казалось бы, где как не в воскресной школе куда проще, чем в общеобразовательной, воспитывать в детях духовно-нравственные ценности. Но на удивление именно здесь дети, достигнув отроческого возраста теряют интерес и покидают стены храма. Наиболее авторитетной средой в этом возрасте для подростка становятся подобные ему сверстники. И это беда и повсеместная проблема всех воскресных школ. «Отрочество – это время, когда происходит бурное развитие и перестройка организма. Под влиянием окружающей среды у подростка складываются нравственные идеалы и мировоззрение» [5]. «Отсутствие духовно-нравственной составляющей в мировоззрении обучающегося, целостного и системного видения мира порождает неверие в возможность к Истине, то есть к справедливости, совести, доброте, нравственности. В результате жизнь реализуется как блуждание во мгле, бесперспективности, отчаяния, ощущается пустота жизни, как следствие,

ненужность учебы, школы и образования» [2]. Важно в этот сложный период для ребенка создать мотивирующие условия, способствующие раскрытию творческого потенциала. И ручной труд творческого и духовного характера является для этого прекрасным инструментом.

Государство и Русская Православная Церковь совместно работают по вопросам воспитания духовно-нравственных ценностей молодежи. И одним из таких совместных проектов является проект «Духовно-нравственные ценности в жизни человека, общества, государства», где разрабатываются инструментарии для реализации задач по защите и сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обозначенных в Стратегии национальной безопасности России. В ноябре прошлого года Президента РФ подписал Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», одной из главных целей которого является сохранение «культурного суверенитета». Под «культурным суверенитетом» принято понимать совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность. Несмотря на многонациональность и многоконфессиональность нашей страны, именно православное вероисповедание является той самой отличительной чертой нашего народа.

Православие дословно с греческого переводится как правильно славить Бога. Прославление Бога – это не только соблюдение заповедей, не только дела любви и милосердия, но без искажений, сохранение и передача учения, данного нам основателем нашей Церкви, Господом Нашем – Иисусом Христом. «Когда Бог прославляется и благословляется людьми, тогда Он обыкновенно подает обильнейшее благословение Свое тем, ради которых Сам благословляется». [4] Храм – особое место прославления Бога, место, где душа встречается со Христом, а священник – тот, кто этой встрече служит. Красота православных храмов как снаружи, так и изнутри во все времена поражала своим великолепным убранством. «Издавна русский человек приносил в храм самое лучшее, стремясь его богато украсить, тем самым, являя миру храм, как отражение неба на земле» [1].

И, конечно, часть этой красоты составляет многообразие вышитых богослужебных предметов. К ним относятся аналойники, пелены, хоругви, покровцы, воздухи, индитии, катапетасмы, плащаницы, облачения духовенства и многое другое, представляющее собой убранство храма. «Оно существует как во взаимодействии с другими составляющими храмового

пространства, так и в виде самостоятельных объектов. Его влияние важно для создания гармонии, способствующей богослужению, молитве» [6].

Вышивка этих предметов не просто необычайно красива, но и несет в себе традиции и опыт мастериц-вышивальщиц. «Шитьё находится в каждом храме в виде богослужебных предметов, святынь, деталей интерьера и облачений и является неотъемлемой частью русского церковного искусства» [6].

Существует два вида церковной вышивки: орнаментальное и лицевое. Лицевое шитьё представляет собой, по сути, иконовышивание, выполненное по благословению священства в соответствии с догматикой – каноническими и иконографическим требованиями и в особой технике ручной вышивки. В лицевом шитье вышивальщица должна выполнять с молитвой вручную каждый стежок. Лицевое шитье, в свою очередь, делится на личное (лики, часть тела) и доличное (пейзаж, архитектура, одежда и т.п.). Создание такой вышивки происходит в два этапа: формирование прориси и вышивание.

Орнаментальное церковное шитьё выполняется в виде букв, фигур животных, геометрических форм, растений и т.д. и используется на предметах церковного текстиля, состоящих из элементов, обязательно имеющих символическое значение и происхождение из текстов Священного Писания. Могут быть выполнены как на отдельных богослужебных предметах, так и в сочетании с лицевым шитьем в иконовышивании, где лицевое шитье должно преобладать над орнаментальным. Выделяется еще один отдельный вид церковной вышивки – золотное (золотое) шитьё, представляющее собой вышивку металлическими и металлизированными нитями из золота. И применяется оно для выполнения фрагментов в лицевом и в орнаментальном шитье.

Церковное шитье не зря называют уникальным видом искусства. Пришло оно к нам из Византии вместе с христианством после Крещения Руси в X веке. На протяжении семи веков церковным шитьем занимались исключительно в богатых и знатных домах, так называемых крупных светлицах. Дело церковного шитья имело династический характер. Опыт и традиции вышивальщиц передавались из поколения в поколение. К этому времени сформировалось четыре наиболее известных мастерских школ, отличающихся своей уникальностью: суздальско-владимирская, московская, строгановская, новгородская. В начале XVIII века лицевое шитьё почти полностью исчезло, орнаментальное приобрело мирские черты. А к концу XIX века Церковное шитьё полностью пришло в упадок. После революции предпринимались попытки возродить

его, но в связи богоборческим периодом эти попытки свелись к нулю, и церковное искусство исчезло. И только к концу 1990-х годов, когда начинают возрождаться монастыри, появляется возможность формирования первых мастерских церковного шитья.

Воскресная школа при каждом приходе имеет возможность изучать с детьми Священное Писание также и средствами церковного шитья. Ведь изучения истории Церковного шитья и его применения в современных реалиях может быть необычайно познавательно и несет в себе не только духовный посыл, но богатый опыт и традиции наших предков. Проявляя интерес к истории религии, у ребят «формируется их отношение к историческому наследию и национальным ценностям. Учащиеся развивают мотивацию выбора мировоззрения и отношение к религиозному сознанию» [2].

Преамбула к «Декларации прав ребенка» принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года, гласит: «...человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет». Но это нелепая западная деструктивная идеология. С помощью такой пропаганды можно вырастить только эгоистичное, безразличное, безнравственное и бездуховное поколение. Детям мы обязаны дать самое полезное и необходимое – это любовь, внимание, помощь в развитии и раскрытии их творческого потенциала и поддержку. А самое главное – это наш собственный пример. В первую очередь духовное воспитание мы, взрослые, должны начинать с себя, ведь дети – это наше отражение. Если люди говорят плохое о твоих детях, это значит, они говорят плохое о тебе (В.А. Сухомлинский).

Использованная литература

1. *Казарина В.Б.* Вышивка в православном храме. Покровские образовательно-просветительские листки. Вып. 20. СПб.: ООО НЕСТОР, 2007. 24 с.
2. *Нахаева Т.Л.* Теоретические и практические аспекты духовно-нравственного воспитания подростков в воскресной школе // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 233-236.
3. *Ксенофонтов С., прот.* Идеалы традиционного воспитания в России в историческом прошлом и современности // Труды СПДС. Саратов, 2019. С. 308-316.
4. Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли в 12 томах – Издательство Московской Духовной Академии и Введенской Оптиной Пустыни, 2007-2011. <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/sokrovishnitsa-duhovnoj-mudrosti/251>
5. *Фоменко Н.В.* Подростковый возраст как наиболее сложный этап развития ребенка // Вестник ТГПИ. 201-204 с.
6. *Хребина Т.В.* Церковное шитьё: традиции и современность. Автореф. ... канд. искусств. СПб: РГПУ им. И.А.Герцена, 2007. 21 с.

Харьковская Ю.С.
(Санкт-Петербург, Россия)

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВОСПИТАНИИ БУДУЩИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. *Православные традиции в Русской Армии на протяжении многих веков были духовным средством и основой нравственного воспитания русского воинства, являясь основой идеала воинской службы и бытия военнослужащего. На духовно-нравственное воспитание русских солдат полководцами уделялось большое внимание, не меньшее, чем на тактические науки, для постоянного совершенствования высокой воинской дисциплины, чести и достоинства, отваги, веры в Бога, царя и Отечество. Доказательством этого являются воинские и морские уставы того времени, где были расписаны должностные обязанности полковых священнослужителей, которые занимались воспитанием воинов вверенного подразделения наравне с командира и следили за строгим соблюдением религиозных обрядов всеми чинами от генерала до рядового.*

Ключевые слова: : воспитание, православные традиции, патриотизм, вера, воин, ценности.

В последние годы Министерство обороны Российской Федерации нацелило особое внимание на взаимные отношения между Вооруженными Силами и Русской Православной Церковью. Основная цель – духовно-нравственное и патриотическое воспитание личности, развитие духовной и просветительской работы, работа с верующими воинами, пастырское окормление, восстановление и строительство разрушенных православных часовен и храмов.

Военное духовенство – это уникальный институт, возникший на стыке двух разных структур – армии и Церкви. Они были объединены в одно общее управление Российской Империей. Армия и Церковь составляли единое целое на протяжении многих лет в деле воспитания у воинов религиозности и любви к Отечеству. Судьба нашего Отечества была тесно связана с деятельностью великих полководцев, которых Церковь почитает как святых (святой равноапостольный князь Владимир, святой князь Александр Невский, святой адмирал Ушаков и др.).

В настоящее время возврат к традициям, главным образом к православным, необходим для улучшения качества обучения будущих офицеров, воспитанию у них патриотизма, веры, мужества, самоотверженности, сплоченности и слаженности подразделений. И сегодня не утратили своей актуальности родоначальники русских православных традиций в воинстве: А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков, кото-

рые являли собой пример – героизма, храбрости и любви к ближним своим. И эти традиции испытаны войнами, временем, учениями и повседневной жизнью.

Суворов А.В. не начинал ни одной своей битвы без молитвы, призывая и своих воинов просить Божьего благословения перед предстоящим сражением: «Чудо-богатыри – покой, опора и слава Отечества! С нами Бог! Молись Богу: от Него победа! Пресвятая Богородице, спаси нас! Святителю отче Николае, моли Бога о нас! Без сей молитвы оружие не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Все начинайте с благословения Божия и до издыхания будьте верны Государю и Отечеству. Убегай от роскоши, праздности и корыстолюбия. Закаляй и береги богатырское здоровье, особливо от распутства. Искать славу через истину и добродетель. Дух укрепляй в вере отеческой, православной. Безверное войско учить, что железо перегорелое точить. Что дерево без корня, то почитание ко власти земной без почитания ко власти Божией. Воздай честь небу, потом Земле. Люби истинную славу, отличай честолюбие благородное от надменности и гордости. Научись заранее прощать ошибки других и никогда не прощай себе – своих. Победи себя – будешь непобедим!» [1 с.18].

Нахимов П.С. свою жизнь развивал в морях веру в Господа. Он лично присутствовал на всех богослужениях и не приветствовал тех людей, которые уходили до окончания исполнения молитв. Особо почитал совместную и коллективную молитву. По сложившимся к тому времени православным традициям, в Русской Армии и флоте каждая воинская часть и корабль имели образ своего особо чтимого святого. Прощение полка перед особо чтимым образом стало особой, нерушимой традицией и до сегодняшнего дня, православного вероисповедания в воспитании военнослужащих. Если полк небесного покровителя не имел, то чины полка устраивали молитву «на образ полка».

День освящения образа начинался с Божественной Литургии, а затем совершали крестный ход. Перед храмом на площади звучал гимн. Выносить образ полагалось только самым достойным офицерам полка. Затем торжественно проходил чин освящения иконы штатным священнослужителем. При ритуале освящении Образа священник обязательно доходчиво разъяснял историю поклонения, призывая всех воинов Христовых помолиться перед освященной иконой. Затем совершался молебен, который заканчивался многолетием, поминанием умерших императоров, воинов русских и всех «за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положивших». После многолетия совместно пели «Спаси, Господи,

люди Твоя...» и тропарь святому, изображенному на иконе, прикладывались к кресту и полковому образу. С этого момента полковой священник составлял летопись боевого пути полка и полкового праздника.

Военачальник в русской армии, по сложившимся православным традициям, хранил веру православную и поступал по заповедям Божиим. Порядочное, благочестивое поведение начальника, его твердая вера и исполнение своих религиозных обязанностей, несомненно, имели свое отражение на подчиненных. Именно такой пример командира развивал и укреплял у подчиненных чувство патриотизма, готовность отдать свою жизнь за веру и Отечество. Офицер был сыном своего народа и любил Бога. Такая любовь хранилась в каждом сердце православного человека и у командира она сознательно проявлялась на службе.

Наиболее ярко традиции православного воспитания проявились в Русской армии в XIX-XX вв. Они были напрямую связаны с православным вероучением и деятельностью Русской православной церкви в то время. В этот период ведущим институтом духовно-нравственного воспитания общества в целом и российской армии в частности выступала Православная Церковь. Ведомство военного и морского духовенства на флоте и в армии занималось воспитанием русских воинов. Обо всем вышесказанном можно утверждать на основании воинских и морских уставов того времени. Первые утвержденные военным законодательством уставы упоминаются при Петре I: Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. и Устав воинский от 30 марта 1716 г. В главах 29 и 64 Устава воинского четко прописывались обязанности обер-полевого священника подразделения (корабля), разъяснялся порядок и время чтения молитв согласно распорядку для полка. Ниже прописывалось определение «честной христианской жизни», ответственности за нарушение этой жизни, самосовершенствование личных духовных качеств воина христианина и воспитание подчиненных в православных традициях (глава 1 и глава 2, «О страхе Божиим» и «О службе Божией и священниках») [3, с. 318-320].

В Морском Уставе было законодательно прописано, что вся жизнь корабельного священника своими поступками должна служить примером для личного состава корабля, избегая «притворной святости и корысти».

В Уставе требовалось строгое соблюдение религиозных ритуалов и бережного отношения ко всему святому. Морской Устав гласил, что каждый член экипажа от матроса до адмирала обязан посещать богослужения: «Все, как офицеры, так и солдаты в лагерях и на караулах, везде должны суть трижды молиться...».

Морской и Воинский уставы предусматривали жесткую ответственность за хулиганство и оскорбление православной веры, чаще всего телесное наказание: битье розгами. За пропуск общих полковых молитв предусматривалось наказание в виде денежного штрафа. В обоих документах подробно расписывались обязанности священника, перечень наказаний против веры, говорилось о строгом совершении молитв и присутствии на богослужениях, приводились требования к нравственному облику матросов, солдат и офицеров.

В обязанности священника входило много обязательств по воспитанию солдат. Священникам необходимо было поддерживать дух православия у солдат и офицеров, быть примером воина Христова, вдохновлять военнослужащих на ратные подвиги, пробуждать веру на покровительство Господа, воспитывать не только мужество и отвагу, но и милосердие и к ближнему своему, и к врагу. Милосердие и по сегодняшний день осталось главной чертой русского воинства, что наглядно видно и в современных военных конфликтах, когда наши защитники, рискуя своей жизнью, спасают и вывозят в безопасное место гражданское население, раненых и больных. Основной задачей совместной работы военачальника и священника во все времена являлась борьба с пороками, а точнее с пьянством. Командиры частей, исполняя религиозные обязанности, наложенные на них в соответствии с религией, должны были оказывать помощь подчиненным, в том числе и прикомандированным. В то же время Святой Патриарх особо обращает внимание на индивидуальные миссии священника, т.е. на возможность общения с рядовыми военнослужащими на боевых постах, в отделениях, где военнослужащий может открыть (рассказать) и решить вместе со священником волнующие его вопросы повседневной и личной жизнедеятельности.

При Петре I в России впервые появилась ритуал – воинская присяга, которую воин стал принимать в знак веры Отечеству с Крестом Господним у воинского знамени. Присягающий давал клятву и расписывался в присяжных листах. В заключительных словах присяги звучали слова веры в помощь Бога при несении службы: «И во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному воину надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!» [2, с.19].

Еще одной яркой православной традицией Русской Армии было возведение храма в честь знаменательной победы в сражениях. Эта традиция имела место быть на протяжении многих веков. На Куликовском поле был возведен Покровский монастырь; в честь присоединения Ка-

зани – знаменитый Покровский собор (храм Василия Блаженного) на Красной площади; в честь окончания Отечественной войны 1812 года – главный храм нашей страны – Храм Христа Спасителя; про победу в Русско-Турецкой войне нам напоминает часовня Александра Невского. Особо стоит отметить Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации – духовный символ России, прославляющий победы жизни над смертью. Храм воздвигнут ровно спустя 75 лет Победы в Великой Отечественной войне. Освящен храм как Патриарший Собор воскресения Христова в июне 2020 года. На вершине изображен Архангел Михаил – предводитель небесного воинства. Свою праздничную речь в день освящения храма наш президент завершил словами великого полководца А.В. Суворова: «Молитесь Богу – от Него Победа. Бог наш генерал, Он нас и водит».

Воспитание будущих военнослужащих на религиозно-православных традициях, а именно, совместные паломнические поездки по святым местам, коллективное участие в богослужениях, крещениях, миропомазаниях, исповеди, причастии, проведения молебнов и панихид – все это формирует у будущего воина милосердие, уважение к товарищам, любовь к своему народу, верность своему Отечеству.

Православные традиции русского воинства – это исторически сложившаяся и бережно передающаяся от поколения к поколению ценность, основанная на Законе Божьем. Христианская вера на протяжении многих веков является неиссякаемой духовной силой и основой нравственного менталитета русских воинов. В Русской Армии воспитание, основанное на многовековых православных традициях, показывало положительную динамику по формированию нравственно-духовных качеств воина. Огромное внимание уделялось поддержанию у воинов высокого воинского мастерства, исполнительности, осознанного отношения к долгу перед Родиной, веры и любви к Отцу Всевышнему, Царю и Отечеству.

Вопрос о роли православных традиций в воспитании будущих военнослужащих отвечает сегодняшним интересам. Потому как продолжает оставаться актуальной задача духовно-нравственного и православного воспитания. Многолетний опыт воспитания военнослужащих в Русской Армии в духе Православных традиций помогает на практике извлечь из прошлых все лучшее, что может быть использовано в современном мире.

Следование православным традициям позволит поддерживать у современных воинов духовно-нравственное состояние на должном уровне

не для выполнения своих должностных обязанностей и боевых задач. Взаимодействие ВС РФ и Церкви поможет обогатить духовную и нравственную жизнь военных коллективов.

Использованная литература

1. *Боголюбов Моисей, иеросхим.* Сим победиши! Православие. Армия. Держава. М.: Глагол, 2002.
2. *Григорьев А.Б.* Вера и верность. Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. М.: Кучково поле, 2005.
3. Первое полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 5. СПб, 1830.

Черникова С.М.
(Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА У ДЕТЕЙ СОГЛАСНО ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассмотрена иерархия духовно-нравственных ценностей, место и путь формирования, развития эстетического вкуса в воспитательном процессе. Педагогически обоснована важность символизма и образности в соотношении православного антропологического учения.

Ключевые слова: Бог, личность, эстетический вкус, формирование вкуса, православная антропология, педагогика, духовно-нравственные ценности, христианское воспитание.

*Чтобы воспитать человека думающим и чувствующим,
его следует, прежде всего, воспитать эстетически*
Фридрих Шиллер

Вопрос сущности и становления духовно-нравственных ценностей человека является центральным предметом научного интереса, в том числе в аспекте «учения Церкви о человеке» православной антропологии как разделе богословия [5].

И сотворил Бог человека по образу Своему, по Образу Божию сотворил его. И создал Господь Бог человека из праха земного, вдохнул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою (Быт. 1:27).

Созданный по образу Божию человек должен узнать цель жизни христианина, начать путь уподобления Христу, силой Божией, трудом и старанием. Человек призван творить, рождать новое, творческую потребность души необходимо реализовывать независимо от рода деятельности, но основываясь на духовной и культурологической базе.

Цель христианского воспитания заключается в научении ребенка любить Бога и Церковь, жить по воле Божией и Его святым законам. Развитие всех сторон личности и образование в целом должно способствовать данной цели.

Прочное и единственное основание для просвещения ума и образования сердца по свт. Феофану, лежит нигде, как в Господе нашем Иисусе Христе, «Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление» (1Кор. 1:30), то есть во святой вере.

Задача сформировать, напечатлеть, в уме и сердце ребенка здоровые правильные понятия о Боге, Его свойствах, об отношении Его к миру и

нам, положить в основу уже готовые Божественные истины. Просвещение, если исполнено началами и элементами учения Господня, действует как соль [9, с. 7-15]. Поэтому через искусство также стоит задача воспитания в духе веры и благочестия.

С самого раннего детства важно учить ребенка вглядываться в суть видеть не только внешнее, но и внутреннее. «Восхищение, любование, восторг связаны с любовью. Важнейшее из того, что можно воспитать, – это умение видеть и чувствовать внутреннее содержание, небесную красоту, божественное наполнение,» – является началом любой эстетики по мнению прот. Сергия Правдолюбова.

Как известно, личность необходимо развивать всесторонне. Так один из компонентов гармонично развитой личности – эстетически воспитанный человек, художественно эрудированный и умеющий анализировать и чувствовать произведения искусства. Воспитание личности должно основываться на формировании основных христианских ценностей. Это и станет внутренним духовно-нравственным стержнем, фундаментом содержания человека. На этом же основании воспитанием красотой формируется эстетико-ценностную ориентацию личности, развивается способность к эстетическому восприятию, переживанию, эстетический вкус и представление об идеале, развивает способность к творчеству, создание эстетических ценностей в различных сферах жизни [11]. Также необходимо развивать внутренний мир, рождающийся от общения с Богом, хранить и возделывать его. Изучение художественных произведений и занятия рисованием утончают душу, побуждают вглядываться в окружающий мир, пробуждают наблюдательность. Если же душа пуста, без основания, то ее больше увлекают различные мирские чувства, которые еще больше выхолащивают и не дают пищи душе и человеку труднее воспринимать настоящее искусство и глубокие переживания, и размышления о нем.

Необходимо развитие созерцательной силы души, творческих способностей у детей, так как «Символизм детского восприятия проявляется и в рисунке. Детский рисунок во многом подобен иконе, так как выражает символ детского отношения к миру» [7].

Вкус, как и любая область в воспитательном процессе начинается с примера родителей. Важно создавать среду, в которой ребенок будет проникаться, сочувствовать настоящему искусству. Это в большей мере зависит от матери. По слову святителя Феофана «Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в

которой должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты, отрывание от блестящего и привлекательного в мирской суете не могут лучше напечатлеться в сердце».

Начиная с самого младенчества, необходимо тщательно отбирать визуальную пищу для ребенка. Визуальное восприятие, как и сенсорный способ особенно задействован в познании мира в раннем возрасте.

Как только начинаются пробуждаться в младенце душевные силы, необходимо начать управление эмпирического познания. В эмпирическое познание входят такие формы как ощущение, восприятие и представление. Ощущение при помощи телесных средств познания – всех органов чувств помогает собрать общие сведения о предмете по причине сродности природ. По слову Немезия Эмесского, «все чувственное познается тем, что ему сродно». Затем на их основе формируется восприятие, и впоследствии это дает возможность составить представление. Формы познания побуждают к действию низшие познавательные силы души – воображение и память [3]. За ощущения от познания внешнего мира отвечают – воображение и память, которые сильно взаимосвязаны и относятся к неразумной части души, те самостоятельно не мыслят, только собирают и хранят материал. Они представляют собой по слову аввы Дорофея «одно внутреннее общее чувство, которое воображает и помнит все, что внешним пяти чувствам пришлось прежде того пере-чувствовать». Что увидел глаз, образ того сейчас снимается воображением и слагается в память, как в какой архив [9]. Затем рассудок дает каждому ощущению соответственное определение и место [2]. Рассудок с помощью силы воображения совершает свой внутренний познавательный процесс, направленный к внешнему и протекающий в образах. Память хранит различные образы, нам интересна зрительная образная память. Основой памяти являются ассоциации. Этот «механизм» работы наших душевных сил подтверждает важность символизма и образности в нашей жизни. «Символ есть связь между двумя мирами, знак иного мира в этом мире» – писал Н.А. Бердяев.

Важнейшей проблемой по мнению Л.А. Рапацкой в изучении искусства является соотношение художественности и духовности. Эта проблема сформировалась с самого раннего христианского периода и ей уделяется большое внимание. Историк и философ искусства В.В. Бычков исследовал эстетику отцов Церкви и выделил четыре главных историко-типологических этапа развития эстетики: Патриотическую, Визан-

тийскую, Древнерусскую и Русскую теургическую эстетику. По мнению философа, целостность культурно-эстетических богатств территориально-временного пространства объединены именно благодаря православию [4]. Русская художественная культура на протяжении всего развития основывалась на истинных общечеловеческих ценностях, которые необходимо научиться считывать и чувствовать. Особое значение среди предложенных этапов, имеет период древнерусского искусства, относящееся, как считают культурологи к мистическому реализму. В. В. Зеньковский, сформулировав данный термин, считал, что в искусстве мистического реализма все вещественное, материальное служит лишь средством для выражения высшей истины и высшей красоты. Л.А. Рапацкая отмечает, что символичность древнерусского искусства заключалась в стремлении постичь тайны всего сущего, скрытый высший смысл Бытия [6].

«В искусстве заложено то зерно веры, и отблески Божественного, без которого жизнь пуста и бессмысленна. Красота неизбежно приводит нас к Богу» [8]. На твердом основании – Христе предстоит начинать и строить все дальнейшее образование человека. Он Идеал, Маяк и Камертон вкуса души человека.

Использованная литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. – М.: РБО, 2008. – 2047 с.
2. Григорий Нисский, свт. Об устройении человека // Азбука веры / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/ (дата обращения: 20.08.23).
3. Кожевский В., иерей. Отблеск сущего. Православное учение о человеке // Азбука веры / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vadim_Korzhevskij/otblesk-sushhego-pravoslavnoe-uchenie-o-cheloveke/2_14 (дата обращения: 20.08.23).
4. Маньковская Н.Б., Новиков А.В. Историк православной эстетики и философ искусства (к 70-летию В.В. Бычкова) // cyberleninka.ru / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-pravoslavnoy-estetiki-i-filosof-iskusstva-k-70-letiyu-v-v-bychkova/viewer> (дата обращения: 20.08.23).
5. Налетова Н.Ю. Христианская антропология в педагогической науке // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки. 2010. Т. II. № 3. // cyberleninka.ru / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskaya-antropologiya-v-pedagogicheskoy-nauke> (дата обращения: 20.08.23).
6. Рапацкая Л.А. Русская художественная культура: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2002. – 608 с.
7. Скларова Т.В., Янушкявичене О.Л. Возрастная педагогика и психология // Азбука веры / URL: <https://azbyka.ru/deti/voznrastnaja-pedagogika-i-psihologija-t-v-skljarova-o-l-janushkjavichene> (дата обращения: 20.08.23).

8. Учиться видеть... Беседа с протоиереем Сергием Правдолюбовым об эстетическом воспитании детей // Православие.ru / URL: <https://pravoslavie.ru/37770.html> (дата обращения: 20.08.23).

9. *Феофан Затворник, свт.* Начертание христианского нравоучения // Азбука веры / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravouchenija/ (дата обращения: 20.08.23).

10. *Феофан (Крюков), игумен.* Святитель Феофан Затворник. О воспитании детей. М.: Даниловский благовестник, 2007. 96 с.

11. *Ягненкова Н.В.* Эстетическое воспитание. Актуальная вечная проблема // URL: <https://urok.1sept.ru/articles/314994> (дата обращения: 20.08.23).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Игуменья Филарета (Калачёва) – настоятельница Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря (Куремяэ, Эстония);

Безуглова Любовь Ивановна – магистрант кафедры духовно-нравственного воспитания РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Борисов Борис, иерей – к.п.н., настоятель храма свт. Николая в с. Матюшкино Опочецкого р-на Псковской обл., ст. преподаватель Псково-Печерской ДС, доцент Псковского ГУ (Псков, Россия);

Высоковский Анатолий, протоиерей – магистр лингвистики, клирик Свято-Елисаветинского женского монастыря (Калининград, Россия);

Галушко Тамара Георгиевна – д.филол.н, профессор кафедры немецкого и романских языков РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Гладкий Юрий Никифорович – член-корреспондент РАО, д.г.н., профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Григулевич Надежда Иосифовна – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);

Гусакова Виктория Олеговна – методист ОРОиК Санкт-Петербургской епархии, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург, Россия);

Данилова Наталья Кузьминична – к.филол.н., н.с. НОЦ русского языка и литературы ЛГУ им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия);

Дивногорцева Светлана Юрьевна – д.п.н., профессор, зав. каф. педагогики и методики начального образования ПСТГУ (Москва, Россия);

Ерёмина Наталия Владимировна – к.п.н., доцент каф. соц.-пед. образования Санкт-Петербургской академии ППО, (С-Петербург, Россия);

Иванов Иван Дмитриевич – магистрант кафедры церковно-практических дисциплин СПбДА РПЦ (Санкт-Петербург, Россия);

Канунникова Ирина Алексеевна – магистрант кафедры духовно-нравственного воспитания РГПУ им. А.И. Герцена (С-Петербург, Россия);

Козлова Антуанетта Георгиевна – д.п.н., профессор РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Комиссарова Татьяна Сергеевна (мон. Сергия) – д.п.н., профессор, директор НИИ географии, экологии, природопользования (Санкт-Петербург, Россия);

Крат Анна Владимировна – аспирант ПСТГУ; учитель начальных классов МОУ СОШ № 25 (Москва, Россия);

Липинская Татьяна Викторовна – руководитель воскресной школы Храма Рождества Иоанна Предтечи в Юкках (Санкт-Петербург, Россия);

Малякова Наталия Сергеевна – к.п.н., доцент каф. пед. и пед. технологий ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург, Россия);

Минин Сергей Викентьевич – магистр, художник, реставратор, иконописец, член Союза художников Эстонии, (Таллин, Эстония);

Непочатова Марина Ивановна – доцент кафедры теологии Института филологии МПГУ, переводчик, аспирант ПТСГУ (Москва, Россия);

Николина Вера Викторовна – д.п.н., профессор Нижегородского института развития образования (Нижний Новгород, Россия);

Остапенко Андрей Александрович – д.п.н., профессор, Кубанский ГУ, Екатеринодарская духовная семинария (Краснодар, Россия);

Прекуп Игорь, протоиерей – настоятель храма прп. Сергия Радонежского в г. Палдиски, преподаватель философии в Ласнамяэской Гимназии г. Таллина (Палдиски, Эстония);

Савчук Инна Васильевна – историк, экскурсовод, краевед, член Российского военно-исторического общества (Старая Русса, Россия);

Слободчиков Виктор Иванович – член-корр. РАО, д.психол.н., профессор, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания РАО (Москва, Россия);

Сухоруков Вячеслав Дмитриевич – д.г.н., профессор, зав. каф. методики обучения географии и краеведению РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Филимонова Тамара Викторовна – преподаватель воскресной школы Исаакиевского собора (Санкт-Петербург, Россия);

Фролова Светлана Владимировна – к.п.н, доцент каф. общей и соц. педагогики Нижегородского ГПУ им. К. Минина (Н. Новгород, Россия);

Харьковская Юлия Сергеевна – магистрант кафедры духовно-нравственного воспитания РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Черникова София Мамедовна – магистрант кафедры духовно-нравственного воспитания РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Чернобай София Геннадьевна – регент Свято-Николаевского собора (Евпатория, Россия);

Шувалов Александр Владимирович – к.псих.н., доцент ф-та психологии РПУ св. Иоанна Богослова, глав. ред. научного альманаха «Живая вода» (Москва, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Игуменья Филарета (Калачёва). Предисловие к летописи Пюхтицкого монастыря т. I (1888-1909)	6
Гладкий Ю.Н., Комиссарова Т.С. О сохранении православных традиций в эпоху социокультурной турбулентности	18
Слободчиков В.И. О началах, источниках и основаниях традиционных ценностей страны	24
Остапенко А.А. От воспитания через профилактику пороков к воспитанию через возделывание добродетелей	27
Протоиерей Игорь Прекуп. Аксиологические и этические коллизии христианского сознания	33
Протоиерей Анатолий Высоковский. Миссия милосердия, как форма служения женщины-христианки	44
Сухоруков В.Д. Гуманитарные институты Русской школы	50
Шувалов А.В. О воспитании доброты	55
Малякова Н.С. Пути формирования телеологии воспитания в России с позиций православной антропологической традиции	60
Николина В.В., Фролова С.В. Культурно-историческая память и гражданская ценность в воспитании общенациональных ценностей молодежи	66
Гусакова В.О. Традиции православной культуры в педагогическом наследии К. Д. Ушинского	72
Ерёмина Н.В. Общность научных взглядов монахини Александры (Захарченко) и архимандрита Георгия (Шестуна)	80
Дивногорцева С.Ю., Ивлинова Е.А. Школьная религиозно-учебная литература в России	88
Крат А.В. Педагогические идеи С.Н. Дурылина о воспитании личности	94
Непочатова М.И. Роль педагога в духовно-нравственном становлении личности (на материале эпистолярного наследия С.А. Рачинского)	101
Иерей Борис Борисов. Педагогические традиции духовно-нравственного воспитания учащихся Печорского края в 20-40-е гг. XX века	106
Безуглова Л.И., Данилова Н.К. Традиции жанра притчи в творчестве В.М. Шукшина	112
Галушко Т.Г. Духовная вселенная С.С. Аверинцева как пайдейя для человека эпохи Hi-Tech	119
Григулевич Н.И. Влияние восстановленных монастырей и храмов на жизнь горожан в малых городах центра России	126

Иванов И.Д. Православная традиция и её роль в духовном образовании иностранных студентов	132
Канунникова И.А. Использование знаний по основам православной культуры на уроках немецкого языка	138
Козлова А.Г. Образовательное пространство Петербурга как источник развития познавательного интереса магистрантов	144
Липинская Т.В. Воспитание души ребенка в воскресной школе	150
Минин С.В. Сохранение традиций в иконописи. Пимен Софронов	157
Савчук И.В. С.В. Рахманинов. Днесь спасение души	166
Чернобай С.Г. Роль духовной музыки в период гонений XX века	170
Филимонова Т.В. Шитье в церковном облачении: современность и традиция	174
Харьковская Ю.С. Роль православных традиций в воспитании будущих военнослужащих	178
Черникова С.М. Формирование эстетического вкуса у детей согласно православной антропологии	184
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
СОДЕРЖАНИЕ	191

Сборник содержит материалы XI международной конференции Пюхтицкие чтения: «Сохранение традиций православной культуры в современных реалиях». В статьях представлен обзор мнений ведущих учёных, психологов, педагогов, практиков о путях сохранения и приумножения традиций православной культуры в современных условиях стремительно секуляризирующегося мира. Материалы сборника адресованы в первую очередь педагогам вузов и учителям общеобразовательных и воскресных школ, занимающихся преподаванием теологических дисциплин и основ православной культуры.

* * *

ПЮХТИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ
СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ